

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 35

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профес-
сор *Ю.Е. Прохоров*

доктор филологических наук, профессор *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. –
Вып. 35. – 148 с.

ISBN 978-5-317-02164-1

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 –
в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 –
в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 –
в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г.,
выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуск 34 – в
2007 г.

ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-02164-1

© Авторы статей, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Филимонова Е.Н.* Образ гор в традиционных представлениях
некоторых народов Дальнего Востока.....4
- Ши Ся (Китай)* Языковые средства демонизации образа Китая
в российских СМИ.....22

ЛИНГВИСТИКА

- Долгина Е.А.* Английские артикли в когнитивном и
стилистическом освещении34
- Буданова Б. В.* Динамика эксплицитной и имплицитной семиотики
в развернутых произведениях речи деловой направленности.....57
- Потапова Н. М.* Особенности семантики эвфемизмов
в языке делового общения71
- Харькова О. В.* Метафора как средство манипуляции сознанием
в Третьем Рейхе (на материале статей газеты
„Völkischer Beobachter“).....80
- Шетле Т. В.* К вопросу о системности терминологии банковского
дела.....87
- Стефанский Е. Е.* Лексика, обозначающая гнев,
граничащий с психической болезнью, в русском, польском и
чешском языках104
- Ю Хак Су (Республика Корея)* Анализ соответствий местоимений
в русском и корейском текстах при переводе114

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Задорнова В.Я., Матвеева А.С.* «Море» как элемент создания образа
в английской поэзии121

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Изотова А.А.* Роман С. Моэма «Театр» на занятиях по английскому
языку.....138

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Образ гор в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2007

Горы всегда привлекали внимание людей своей мощью, величием и несокрушимостью. Они служили олицетворением неизменности законов природы и ее вечности (*горы* недвижны и неизменны в течение тысячелетий), а также красоты. Вокруг них менялись ландшафты, появлялись и исчезали цивилизации, но они оставались неизменными в своем величии. Наряду с другими священными местами (реками, лесами и т.д.), в которых люди чувствовали связь с верхним миром, *горы* всегда пользовались особым почитанием. Для культур дальневосточного региона *гора* является наиболее распространенной трансформацией мирового дерева, соотносится с «мировой горой» как центральной осью космического пространства, с «центральной пики» (*горами Суншань*), одновременно воплощая собой и всю пятичленную космологическую модель, с волшебными *горами Куньлунь* или островами бессмертных *Пэнлай* (см. об этом [Кравцова 2004: 368]).

Из элементов ландшафта в корейской образной системе абсолютное предпочтение отдается горным и водным образованиям, что было предопределено особенностями естественной среды обитания корейцев: значительная часть территории Кореи приходится на горную местность. Придание особого статуса *горам* свидетельствует о той роли, которую они играют для корейцев. Особый трепет на Дальнем Востоке вызывали *горные духи*. *Горный дух* считается самым уважаемым и могущественным в шаманском пантеоне. Каменные рукотворные холмы, встречающиеся на многих горных дорогах и исполняющие, по преданию, желания людей – это дань этому духу. В *горах* корейцы молятся, совершают обряды жертвоприношения, так как «жертвоприношения в честь *гор и рек* – не что иное, как дань уважения созидательному духу природы, воспаряющему и ниспадающему» [Ким Си Сын 1972: 86].

Географическая реальность *горы* была осмыслена в древних верованиях, мифологических и философских представлениях. Мифологические функции *гор* в корейской ментальности многообразны. Во все времена именно с *горами* связывалось место пребывания божеств. Вера, что божества обитают на *вершинах гор* или используют их для явления сво-

ей сущности, присутствует и в Корее. Например, *горы Кымгансан* считаются обителью небожителей, их называют «двенадцать тысяч вершин» (см. об этом [История цветов 1991: 466-467]). Во многих корейских мифах первопричина рождения героя находится на небе, но само место рождения почти всегда локализуется в земном пространстве, в пределах Кореи: в мифе о Тангуне, основателе первого корейского государства Древний Чосон, это *гора Тхэбэксан*, о легендарном основателе государства Карак Ким Суро – *гора Пукквиджи*. В мифах *горы*, моря, реки и равнины обычно выступают как творения рук великанов. Например, холмы на острове Чеджудо образовались, по поверью, из пыли от ног Матушки Сонмундэ, хозяйки *горы Халласан*. Считается, что следы пребывания в Корее феи Маго хальми («бабки Маго») сохранились в виде дольменов, *гора же Пэктусан* возникла из экскрементов великана (см. об этом [Самозванцев 2000: 288-289, 291, 295]; [Мифологический словарь 1990: 289, 332]). *С горой* может быть связано и местонахождение царства мертвых: буддийский подвижник Сабок приносит свою умершую мать *на склон горы*, выдергивает дерн, и под ним открывается вход в «иной мир», туда Сабок и уносит мать (см. об этом [Троцевич 1986: 120]).

Горы – место успокоения (по корейским обычаям хоронят, как правило, *на склонах гор*). Государыню Силла – Сондок похоронили *на южном склоне горы*; основатель древнекорейского государства Чосон – Тангун укрылся (умер) *на горе Асадаль* и стал божеством *горы*, государь Тонмён умер и вознесся на небо, а его сыновья похоронили плетку государя *в горе Ёнсан* (см. [Троцевич 1986: 120]). И сейчас в Республике Корея практически *у каждой горы* или *холма* вблизи жилья, можно увидеть округлые холмики могил с памятными гранитными стелами.

Горы, согласно восточной философии, служат воплощением мужского начала мира ян. По дальневосточным воззрениям, все предметы и явления в мире произошли от взаимосвязи светлого начала ян и темного инь. На протяжении тысяч лет этот символ рассматривался, как две противоположные силы во Вселенной, находящиеся в гармонии для достижения баланса:

«И трое великих ответили:// – Заяц – живая тварь, в которой сочетались темное и светлое начала Инь и Ян. Существует закон: недуг исцеляется, когда пять элементов взаимно возникают друг из друга или взаимно друг друга побеждают. *Горы* – светлое начало, вода же – темное начало. Как только проглотишь живую печень, оба начала друг с другом воссоединятся. Тут и наступит выздоровление» [История о верности Чхун Хян 1960: 291].

Горы – часть рельефа. Вместе с реками, морями, пещерами *горы* участвуют в моделировании пространства. В корейской художественной

литературе *горы* – элемент конкретного, реально наблюдаемого, т.е. «физического» пространства». В пейзажных отрывках художественных произведений *горы* предстают в качестве одного из главных элементов пейзажа в случаях, когда рамки пейзажа раздвинуты и пространство обретает глубину:

«Уже туман рассеялся в долине. // Как на картине – *вид далеких гор*. // В беседке над рекой луну встречаю //И напеваю ветерку стихи» [Бамбук в снегу 1978: 182].

Корейцы воспринимают красоту окружающей природы прежде всего через красоту *гор*. *Горы* – предмет восхищения:

«*Вершины скал* и сто закатных красок//Отражены зеркальной гладью вод,//Темнеет лес, журчит родник прозрачный...//И восхищением душа полна» [Бамбук в снегу 1978: 82].

Горы прекрасны независимо от времени суток: утром – «*Гора Красная Крепость* подернута поздним утренним туманом, в зеленых зарослях – весеннее «цветенье ив и прохладный восточный ветер» [Сказание о Чхуньян 2003: 20]; в вечернее время – «*За горную грядку* садится солнце, // И колокольчика чуть слышный звон // У края дальних облаков раздался» [Бамбук в снегу 1978: 162], а также ночью – «*Поднявшись над восточным перевалом*, // Здесь прямо в сердце смотрит мне луна» [Бамбук в снегу 1978: 178].

В корейской литературе *за горами* закрепляется пространственная характеристика. Пространственно *горы* бывают «беспредельно высоки»:

«Поднялся я на пик *горы Тайшань* – // Внизу раскинулось Четыре моря. // Границ не видно и предела нет // Просторам между небом и землей» [Бамбук в снегу 1978: 161].

А также «ограниченно высоки» (см. об этом [Никитина 1994: 116]). Над «ограниченно высокими» *горами* могут быть луна, солнце, облака и небо:

«Луна встает над темными *горами*» [Бамбук в снегу] 1978: 195]; «*Над гребнями гор* всходило солнце» [Золотая птица Гаруда 1994: 131]; «Облака окаймляют *вершину горы*...» [Троцевич 2004: 258]; «Говорят, что *Тайшань* высока, // Но ведь небо-то все-таки выше!» [Корейская... 1956: 153].

За горами закреплена и временная характеристика. В качестве временной характеристики обычно выступает цвет (см. [Никитина 1994: 116]). В дальневосточной художественной литературе *горы* – цветовой образ. С колористической точки зрения, *горы* охватывают собой всю гамму зеленых и синих цветов. Опорными цветами здесь являются:

Зеленый – «*Зеленые горы* глядятся в синий ручей» [Классическая поэзия... 1977: 433]; сине-голубые цвета – «Там, где *синие горы* // За северной стали стеной...» [Ли Бо 2000: 70]; «В жизни не перестаешь лю-

бить четыре вещи: *голубые горы*, старых друзей, книги в библиотеке и красивые цветы» (цитируется по: [Малявин 1997: 234]; «*Лазурные* вздымают в небо *горы...*» [Китайская... 1984: 189]. Среди цветов бирюзовой гаммы: бирюзовый – «*Бирюзовые горы* вдали» [Китайская... 1984: 110]; изумрудный – «*Изумрудные горы*, // и поросшая мохом стена» [Китайская... 1984: 238], а также специальный цвет, передающий оперенные зимородка – «*Издали гляжу: зимородковый цвет горы...*» (цитируется по: [Жданова 1998: 90]).

Горы – «ароматический» образ. *Для гор* характерна обширная коллекция запахов и ароматов:

«*Горы* пропитаны пряным духом коричневого дерева, *горы* благоухают сандалом ...» [Сказание о Чхунян 2003: 22]; «*Есть в долине горной орхидея, // естественно хорош ее аромат*» [Троцевич 1994: 113].

На Дальнем Востоке в литературе и искусстве *горы* призваны отображать особенности времен года. Весной *горы* «покойные и свежие», летом «пышные и зеленые», осенью «лучезарные и чистые», зимой «грустные и поникшие» (см. об этом [Книга Прозрений 1997: 234]. Сезонные изменения, происходящие *в горах*, нашли отражение в поэтических произведениях дальневосточных авторов:

«О ветер, ты повеял над землей // И растопил снега *в горах весенних*» [Бамбук в снегу 1978: 43]; «*Горы* каждой весной цветут...» [Классическая поэзия... 1977: 429]; «Слои облаков неожиданно разошлись и к западу от города Пэкмасан вдруг наполовину открылась *вершина горы, сочного зеленого цвета*» [История цветов 1991: 450]; «*Причудлива в летних горах тишина*» [Китайская пейзажная лирика 1984: 29]; «*Здесь горные склоны и кручи // иссохшей травой покрыты...*» [Бамбук в снегу 1978: 43]; «*Гряды осенних гор* в лучах закатных // Погружена в речную быстрину» [Бамбук в снегу 1978: 79]; «В селенье горном снег на землю пал, // И замело *в горах* крутые тропы» [Корейская классическая поэзия 1956: 105].

В межсезонье *горы* безлюдны, там царит безмолвие, отсутствует какой-либо звук:

«*В горах пустынных* листья облетели» [Бамбук в снегу 1978: 143].

Как контрастные выступают звуковые образы, призванные оттенить тишину «*пустынных гор*»: крики кукушки, диких гусей: «*Стоит в горах пустынных тишина, // Лишь слышится печальный крик кукушки*» [Бамбук в снегу 1978: 128]; «*Вот и земли Циньчжоу. Здесь уже осень: горы и реки безлюдны, небо и земля прохладны, печально поникли замерзшие цветы, тоскливо кричат пролетающие гуси, подгоняя путников...*» [Ким Ман Чжун 1961: 265]; грохот грома: «*Пусть даже гром грохочет над горами – // Глухой не слышит ничего вокруг*» [Бамбук в снегу 1978: 67],

а также водного потока в ущелье: «Грохочет поток в ущелье меж скал, ставших *гряды за грядой*» [Троцевич 2004: 259].

Иногда в дальневосточной литературе обозначается местонахождение *гор* относительно сторон света:

«*На северных склонах, // белея, лежат облака...*» [Китайская... 1984: 24]; «*Правитель Ко свой камышовый домик // Соорудил у Южного холма. // У Южного холма – цветы и месяц, // И сосны, и утесы, и ручьи...*» [Бамбук в снегу 1978: 93]; «*...ночью, при ясной луне, явился ко мне с восточной горы мой возлюбленный...*» [История цветов 1991: 436]; «*За горы западные солнце село...*» [Бамбук в снегу 1978: 65].

Гора – это хозяйственно освоенная территория. Здесь можно вспахать поле: «Этот человек возделывал поле на краю долины *в горах* и потому еду-питье, предназначенные людям, пахавшим поле, погрузил на корову и вошел в долину *в горах*» (цитируется по: [Никитина 1982: 92]); собирать лекарственные травы, каштаны и съедобные корни: «*И на холме восточном нам пора // Уже копать лекарственные травы*» [Бамбук в снегу 1978: 199]; «*В горах много каштанов, и местные жители каждый год запасают их впрок, чтобы прокормиться*» [История цветов 1991: 75-76]; «*Госпожа Сюй отвечала почтительно: //– Я провела почти всю жизнь далеко от столицы, кормилась сбором корней возле горы Белый Лотос*» [Сон... 1982: 548]; охотиться: «*Охотясь, ехали через горы Хэйшань...*» (цитируется по: [Жданова 1998: 140]).

Горы являются частью территории, в пределах которой ведутся военные действия:

«*И тут Ян докладывает: // – Лазутчики донесли, что хан засел в горах Хэланьшань. Места здесь опасные: на северо-востоке монголы, на юго-западе тувани, на западе – логово сюнну. Нам нельзя оставаться здесь долго. Предлагаю при поддержке войск из земель Лунси, Лаовань, Дуньхуань и Цзиньчэн окружить горы и взять хана живым в плен!*» [Сон... 1982: 460].

В корейской художественной литературе *горы* предстают и как элемент «космического» пространства. По мнению Л.В. Ждановой, *горы и воды* – лишь «стартовая площадка» для выхода человека в необозримый космос, ввысь, в пустоту [Жданова 1998: 102-103].

«*Поднявшись [в горы] и приблизившись [к водам], // вышел во Вселенную. // Дорога в скалах // спиралью [уходит] в пустоту*» (цитируется по: [Жданова 1998: 197]).

Горы – символ малой родины:

«*Я уезжаю, о гора Самгак! // Прощайте, воды синие Хангана! // О, как не хочется мне покидать // Родные горы и родные реки! // Увы, настала смутная пора – // Не знаю я, смогу ль сюда вернуться!*» [Бамбук в снегу 1978: 125].

В корейской поэзии *горы* часто представлены в качестве знака «разлучника»:

«Пытаюсь разглядеть, где милый мой, // Но то ли *горы*, то ли облака // Всю даль далекую мне заслонили» (цитируется по: [Троцевич 2004: 135].

Девушка готова идти вслед за любимым, но чужбина пугает, ассоциируется с внушающей страх грозной природой: бурными реками и *очень высокими горами*:

«Со мною рядом ты – и так далек! // И вот теперь за сотни ли ты едешь. // Там *горы высоки*, там реки бурны – // О них подумать даже страшно мне!» [Бамбук в снегу 1978: 193].

Горы – это и одно из воспоминаний молодости:

«Я вспоминаю молодость свою – // Такую близкую, как день вчерашний: // Игру в чанги и состязанья в силе, // И змеев тех, что к небу поднимал, // И *горы дальние*, где мы бродили, // И «терема зеленые», в которых // Когда-то пил вино и битым был...» [Бамбук в снегу 1978: 210].

В дальневосточной литературе *горы* всегда противопоставлены миру людей как место уединения, отстранения от суетной жизни. *Горы* – граница между миром людей и миром природы, преграда на пути *багряной пыли*, символа мирской суеты (см. об этом [Бамбук в снегу 1978: 289]. Человек добровольно решает бежать из мира людей и находит покой и уединение *в горах*:

«Пусть люди ценят званья и чины, // А мне до этого какое дело? // На хромоногом ослике своем // Домой, *в родные горы*, возвращаюсь. // Внезапный дождь застиг меня в дороге // И пыль багряную с одежды смыл» [Бамбук в снегу 1978: 157].

Горы являются и пристанищем изгнанника, вынужденного покинуть родные места не по своей доброй воле и безмерно от этого страдающего:

«В глухую ночь заезжий двор в Сонджине. // В огромном море волны холодны. // Сижу один светильник догорит, // А родина – за много сотен ли! // За мною – *перевалы Мачхоллёна*, // И страшно думать, как я далеко!» [Бамбук в снегу 1978: 170].

Горы выступают как пространство, где построил свой дом поэт, покинувший мир суеты:

«Здесь приютилась хижина моя – // *На горном склоне, на скале отвесной*»; «В долине Хвагэдона *под горой* // Стоит мой дом, из камыша сплетенный» [Бамбук в снегу 1978: 115, 163].

Там он и живет в согласии с природой и по ее законам:

«*Зеленые горы* – в согласье с природой. // И синие реки – в согласье с природой. // В согласье с природой – и реки и *горы*. // И я – среди них, и

живу, как они. // Согласно судьбе и закону природы // Я тихо состарюсь и жизнь завершу...» [Бамбук в снегу 1978: 149].

С одной стороны, отшельник чувствует себя владыкой окружающей его природы:

«А здесь, всему хозяин, я живу // Среди зеленых гор и синих речек. // По берегу речному в час заката // Один брожу я с удочкой в руке» [Бамбук в снегу 1978: 172].

С другой стороны, отшельник – часть ее, семью и друзей ему заменяет окружающий его мир:

«Земля и небо мне – отец и мать, // Мир окружающий – жена и дети, // Холмы и реки – братья для меня, // А верные друзья – луна и ветер» [Бамбук в снегу] 1978: 166].

В корейских произведениях зачастую идеализируется жизнь на лоне природы, вдали от людей, мирской суеты. Жизнь отшельника полна покоя и блаженства, он счастлив в своем мире, занят созерцанием, размышлением, написанием стихов. В друзья он себе выбирает ясную луну да прохладный ветер.

«Под горой расчистишь местечко и построишь крохотную хижину, крытую травой. На одной половине хозяин – прохладный ветер, на другой – светлая луна. На земляных ступенях плащ и шляпа от дождя так опрятны и чисты. Нигде таких не сыщешь! Журавли курлыкают, в поднебесье фениксы парят. В горах выкопашешь целебную траву, в речке наловишь рыбы. Не блаженство ли?

В синем небе безмятежна ясная луна. И ты, один среди горных вершин и ущелий, затворяешь калитку. Тучки вольные здесь любят свои тени. Эти дивные красоты не имеют себе равных. И ты, подобно тучкам, чужд суете мирской. Кто здесь тебя разыщет?

Минуют холода, и снова потеплеет. Так я угадываю, когда какая наступает пора. Уходят дни, проходят месяцы. Я потерял счет времени.

Там в глуши, где синие реки и зеленые горы, роскошны цветы и густы ароматные травы. Фениксы и павлины перекликаются друг с другом, ведут беседы. Вот это Кленовые скалы. Попугаи, кукушки, иволги наперебой щебечут, заливаются. И в той долине и в другой раздаются пение. На закате под хмельком любишь дивными пейзажами. На вершинах Куньлунь, раздвинув белые тучки, смотришь вниз. Вот гора Тайшань – зеленый дракон, Хуашань – белый тигр, Хэнишань – черная черепаха, еще одна Хэнишань – красный феникс. Реки Сяо, Сян и озеро Пынли служат мне платьем, а реки Хуанхэ и Янцзыцзян – поясом. Красоты реки под Красной стеной воспеваю в стихах. Сиянием месяца в горах Эмэй, хмельной, наслаждаюсь. Лекарственные травы на трех горах священных рву, сколько захочу. Омывшись в водах озера Дунтинху, возвращаюсь в горы. Крутые горы – мне дом родной. Опавшие цветы –

моя постель, и я, блаженствуя, вкушаю покой. Меж деревьев ясная луна – мой близкий друг. Шелест ветра в соснах – приглушенное звучание комунго. На каменное изголовье приклоняю голову и забываюсь. Только бы не разбудило меня журавлиное курлыканье, доносящееся бог весть откуда! Много ли, мало ли времени пройдет, я проснусь и по тропинке каменистой, на посох опираясь, поднимаюсь на *Ханьшань*. Брожу, где вздумается. Белые облака тянутся на тысячу, на десять тысяч ли. На речках – яркий свет луны. Вокруг громоздятся *горы*. Ну прямо «*Три горы* наполовину обрушились у края синего неба. Воды струятся, реку на две разделила Отмель белых цапель». И я, блаженный, обитаю *среди этих гор и рек*. Да предложи мне высший чин, разве я променяю на него эту красоту?!» [Приключения зайца 1990: 338-339].

Горы – олицетворение неизменности. Все в мире преходяще: приходят в упадок города, царства, стареют и уходят из жизни люди, лишь *горы и реки* не подвержены времени:

«Объехал я руины городов // Когда-то процветающего царства. // Все те же *горы* здесь, все те же *реки* – // Но люди прежние ушли навек...» [Бамбук в снегу 1978: 48]; «Наверно, предназначено от века // *Горам зеленым* зеленеть всегда! Не иссякать ни днем, ни поздней ночью, // Должно быть, предназначено ручью? // О, если бы, как *горы* и ручей, // Мы жили вечно, старости не зная!» [Светлый источник 1989: 342].

Минский литератор Е. Цзыци писал: «Где земля красива, там и люди красивы, а где земля дурна, там дурны и люди. От дыхания *гор* возникает много мужественности, от дыхания озер – много женственности...» (цитируется по: [Малявин 2003: 225]). Эта мысль получила развитие в литературном произведении, где устанавливается ассоциативная связь между *горами*, расположенными в различных частях Корейского полуострова и проживающими там людьми:

«...А ты, верно, собралась взять в мужья какого-нибудь деревенского олуха?!

- Или, по-твоему, столичные женихи не то же самое, что женихи из деревни?

- А как ты думала? – возразил панчжа. – Возьмем к примеру хоть те же *горы*... Столичные – это одно, в провинции – совершенно другое. Вот посмотри: в Кёнсан *горы высокие* и люди там положительные; а в Чолла и *горы никудышные*, и люди тоже дрянцо, одно лукавство; в Чхунчхон *горы приметные*, и люди тех мест приметны по своим талантам. А столичная область?... Все там вокруг волнисто: кончилась *гора Сураксан*, пошли небольшие *холмы*; кончились *цепи холмов*, следом вздымается *гора Чоннамсан*, зеленым драконом раскинулся Вансимни, белым тигром лежит Манни. Словно озеро, широка река Ханган. В устье ее возвышается терраса Медного Феникса, дальше стоят крепкие, будто ли-

тые из металла, крепостные стены, а вокруг них – крепостные рвы с горячей, как кипяток, водой. Это столица наша, наш многодомный Чанань. И тут люди – если уж они хороши, то всем хороши, а если дурны, то до такой степени, что прямо страшно!..» [Корейские повести 1954: 83].

В корейской литературе *утес* отождествляется с негибимым, стойким к жизненным невзгодам человеком:

«*Утес* безмолвный *среди гор* поднялся, //похожий на живое существо. // Но нам, живым, всегда прямыми быть, // Не опираясь на других, непросто. // А он, как встарь, стоит высок и прям, // И лик его от века неизменен!» [Бамбук в снегу 1978: 109].

В корейском искусстве вышивки одним из любимых узоров являются *горы*:

«С громом и грохотом летели обломки парчовых и вышитых ширм, ширмы с нарисованными на них реками и *горами*, большие столы на десять персон...» [Корейские повести 1954: 177]; «Пхэньянские текстильщики выпускают разнообразные декоративные ткани, узор которых как бы повторяет любимые мотивы корейской художественной вышивки. Среди них – *пейзажи Кымгансана*, белые журавли около водопада, павлины и распустившиеся пионы, пятнистые олени среди сосен» [Джарылгасинова 1982: 198].

Особое отношение корейцев к *горам* нашло отражение и в корейском языке. В образовании корейских географических названий активное участие принимают слова: *сан* ‘гора’, *ган* ‘река’ и др., «так называемые «номенклатурные термины», которые являются, по мнению А.А. Реформатского, «родовыми обозначениями объектов наименования (озеро, река, море, хребет, ущелье и т.п.» [Реформатский 1964: 9, 20]. В русских текстах при передаче корейского оронима переводчики сохраняют слово *сан* ‘гора’, входящее в состав географического названия в корейском языке, и добавляют к корейскому орониму русское нарицательное слово *горы* (ср. *горы Халлассан*, *горы Керёнсан*, *горы Сораксан*, и т.п.) или связанный с этой лексемой тематический ряд слов (*гора: вершина, пики, склон, перевалы, хребты* и др), реже слово *сан* ими опускается (*горы Сорак*, *горы Халла*, *гора Нам*).

Оронимы, которые для носителя автохтонной культуры, как правило, бывают включены в определенный социальный контекст, входят в состав так называемого «культурного фонда» – «комплекса знаний, некоторого кругозора в области национальной и мировой художественной культуры, сведений о прошлом своего народа и т.п., которыми обладает «средний (типичный) носитель той или иной лингвокультурной общности» [Сорокин, Марковина 1989: 42]. Для носителей русского языка корейские оронимы, как правило, «асемантичны».

Наиболее ярко национальная специфика образной системы языка, как нам представляется, обнаруживается в сравнениях. Образные сравнения в дальневосточной литературе, как правило, образуют сложные композиции (см. [Троцевич 1975: 177-178]): «Твой подвиг выше *горы Тхэсан* и глубже морей и рек!» [История о верности Чхун Хян 1960: 581]. Порой в таких сравнениях присутствует несоответствие масштабов: малое сравнивается с огромным. Подобные гиперболы придают образам черты величия, грандиозности: «сеть, которая могла бы накрыть даже *гору Бэйшань*» [Записки... 1985, 177]; «...счастье...так велико, что по сравнению с ним и моря казались неглубокими, и горы низкими!» [Записки... 1985: 150]; «Да если перечесть твои грехи, *Тайшань горой казаться перестанет и обмелеют реки и моря!*» [История о верности Чхун Хян 1960: 291].

Среди часто встречающихся образов *гора Тайшань*, одна из пяти священных *гор* Китая. *Гора Тайшань* является символом величия в Китае.

На Дальнем Востоке бытует мнение, что *гора Тайшань* обладает огромной магической силой. Божество *горы Тайшань* – судья, перед которым предстают все умершие, а злые духи трепещут от страха. Считалось, что тот, кто возьмет камень с *горы*, станет обладателем магической силы (см. об этом [Сидихменов 2000: 357]).

Тайшань на Дальнем Востоке выступает в качестве критериев оценки морально-нравственных качеств человека, его чувств и эмоциональных состояний, внешности, а также меры вещей и разного рода эталонов.

Гора Тайшань олицетворяет величие человека:

«Теперь вздохнул Юй Суй-чун. – Боюсь, это невозможно: князь Ян – крепкий орешек, хоть и молод, а велик, как *Тайшань*, его одолеть не просто!» [Сон... 1982: 573].

В сравнениях *Тайшань* ассоциируется с непоколебимостью перед лицом врага:

«...Огненный князь был горяч, как огонь, – выждать и хитрить он не умел и потому слал в бой все новые и новые силы. Однако Темудун стоял, словно *гора Тайшань!*» [Сон... 1982: 225].

Гора Тайшань – эталон надежности:

«Она верила вам и надеялась на вас, как на *гору Тайшань*, но вы оказались непочтительным сыном и не вняли ее советам» [Сон... 1982: 431Б].

Оронимы и гидронимы являются эталонами при оценке поведения человека, его поступков (подвиг, благодеяния) или проступков (вина):

«Подвиг твой велик, как *Тайшань*, и глубок, как *Хуанхэ!*» [Повесть о девице Ок 1997: 61]; «Разве все твои благодеяния не выше *горы Тхэсан* и не глубже морей и рек?»; «Нас обоих спасла монахиня Мё Хе, мило-

сти ее необъятны, как гора Тайшань» [История о верности Чхун Хян 1960: 586, 393]; «Моя вина пред тобой, брат, огромна, как горы, и глубока, как моря» [Записки... 1985: 231].

Тайшань – это и мерило милосердия:

«Милосердие ваше – словно гора Тайшань» [История о верности Чхун Хян 1960: 258].

Горы и *моря* представлены в качестве «единиц измерения» такого субъективно переживаемого чувства человека, как любовь, а также его эмоционального состояния.

«И любовь их была выше гор и глубже морей, она была ни с чем несравнима!» [История о верности Чхун Хян 1960: 597]; «В течение семи лет [совместной жизни с супругом] ее счастье было, как гора Тайшань, вместе они делили и горе, и радость и этим отличались от других супругов» [Ссяньчхон кыйбон 1962: 55].

На Дальнем Востоке исключительное значение придавалось форме бровей. Красивые женские брови соотносятся с вершинами гор. В литературе встречается описание десяти видов «изящных» бровей у женщин, среди них брови «горкой» и брови как «пять пиков» (см. [Малявин 2003: 377]):

«Брови ее, изломанные, как вершины гор, окутаны туманом грусти» [Жизнеописание... 1985: 81-82].

Великий Конфуций говорил: «Поднимаясь в горы Тайшань, чувствуешь, что другие горы маленькие». Для корейцев Тайшань – это эталон высоты:

«Тут волны, высотой с Тайшань, взметнулись // Над безднами морскими до небес» [Светлый источник 1989: 408].

Гора Тайшань отождествляется с большим весом:

«Тогда несколько десятков смельчаков с опаской приблизились к тигру и попытались его приподнять, но зверь был тяжел, как гора Тайшань, с места его не сдвинуть» [Сон... 1982: 476].

Гора Тайшань – это также прочность:

«Вековая держава наша едва не погибла по причине легковерия вашего императора, но теперь все позади – благодаря вашей преданности она вновь прочна, как горы Тайшань» [Сон... 1982: 481].

По мнению Троцевич А.Ф., отличительной чертой корейских средневековых произведений является наличие значительного количества устойчивых словосочетаний, созданных китайской культурной традицией посредством мифологических ассоциаций, которые служат знаками (символами) ситуаций, предметов и их качеств. (см. об этом [Троцевич 1971: 126]).

Оронимы отмечены в составе таких устойчивых словосочетаний, назовем их речениями фразеологического характера (далее РФХ). Эти

речения вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных, имеющих референты как в области материальной культуры, так и в области литературы и искусства, тогда как носителю русского языка при отсутствии культурно-исторического комментария невозможно воспринять в полном объеме лексико-семантическую структуру данных речений.

Пояснения к РФХ *искать бамбук в горах Чжушань, а яшму в Ланьтяньских горах* содержатся в самом тексте произведения и находятся в препозиции по отношению к этому речению. В Китае *Ланьтяньские горы* славились необыкновенной по красоте яшмой, а *горы Чжушань* – бамбуком (см. об этом [Ким Ман Чжун 1961]).

«Ей нетрудно отличить ум от тупости, она способна прекрасно разбираться в людях. Иначе говоря, она *«ищет бамбук в горах Чжушань, а яшму – в Ланьтяньских горах»* [Ким Ман Чжун 1961: 84].

Толкование РФХ *уйти в горы Кундуньшань* дается в тексте произведения и стоит в постпозиции по отношению к устойчивому словосочетанию:

«Я собираюсь в самое ближайшее время *уйти далеко в горы Кундуньшань* – хочу отыскать путь к бессмертию и удалиться от мира» [Ким Ман Чжун 1961: 87].

Горы Кундуньшань находятся в провинции Хэнань, где, по преданию, жил бессмертный даос Гуанчэнцзы [Ким Ман Чжун 1961: 371].

РФХ *уйти к горе Цзиншань и реке Иншуй* имеет значение: ‘удалиться в дальние края и стать отшельником’ [Сон... 1982: 745].

«Если госпожа Хуан умрет, я *уйду к горе Цзиншань и реке Иншуй*, дабы искупить свою вину» [Сон... 1982: 510].

Семантика РФХ *подняться на гору Тайшань*: ‘отойти в мир иной, умереть’:

«Когда на престол взошли ваше величество, в стране воцарилось человеколюбие, смягчились нравы, народ обрел покой и благополучие и теперь прославляет ваши добродетели и возносит вам хвалы. Стоит вам *подняться на гору Тайшань*, вы обретете бессмертие и к вам спустится Дракон озера Динху, чтобы вознеслись вы, как некогда Хуан-ди, на небо, где вас будет ждать восьмиглавый скакун с Яочи» («Сон...» 1982, 367).

Горы встречаются в стереотипных вводных речениях, вставляемых для усиления сказанного, в данном случае для выражения категорической невозможности осуществления действия или события:

«Да *скорее обрушится гора Тайшань и высохнет море*, чем Жужоу откажется от Цайгэн и женится на другой девушке, – вздохнул Инь» [Записки... 1985: 148]; «*Только когда рухнет гора Цанушань и иссякнут*

воды реки Сяосян, исчезнут с листьев бамбука и эти слезы» [Корейские повести 1954: 137].

Заметное место в переводных произведениях занимают предложения-клятвы, представляющие собой языковой феномен и являющиеся своеобразными реализациями застывших структурных схем, больше напоминая фразеологизированные выражения. Их значение составляют два семантических компонента: собственно клятвенное заверение и символический компонент (*горы, река, море*). Предложения-клятвы приобретают характер восклицаний, в которых конкретная семантика затушевывается за счет чистой эмоции.

«О торжественном событии мне хотелось бы известить родителей обоих домов, а на прекрасный договор я готов без промедления, *клянусь зелеными дорогами горы Хуаньшань и неиссякаемыми водами реки Вэншуй*» [Ким Ман Чжун 1961: 57].

Обращение к вечным горам и рекам в клятвах давало людям уверенность в том, что клянувшийся не нарушит своего обещания:

«Кормилица пообещала и, возвратясь домой, доложила барышне:

– Господин Ян поклялся *горой Хуаньшань и рекой Вэншуй*, подтверждая готовность вступить в прекрасный союз...» [Ким Ман Чжун 1961: 58].

В качестве символического компонента часто используется ороним *Тайшань*:

«...сердце мое дало вечную клятву, такую, как *гора Тайшань, как море*» [История о верности Чхун Хян 1960: 93].

Отметим, что некоторые предложения-клятвы не чужды и современной речи корейцев.

Интерес для исследователя представляет такой стилистический прием, как столкновение в тексте омонимов, вовлеченных в словесную игру. Корейский поэт Ким Саккат намеренно восстанавливает для данного текста связь между названием месяца и названием *горы*. Игра слов строится на попеременном использовании названий осеннего месяца *ку воль* (соответствует сентябрю) и *горы Кувольсан* (см. об этом [Троцевич 2004: 217]). Семантическая связь между этими омонимами оборвана и здесь, по нашему мнению, можно говорить об омонимичном каламбуре:

«В прошлом году в девятой луне // ходил *по горам Девяти лун*. // И в этом году в девятой луне // хожу *по горам Девяти лун*. // Каждый год в девятой луне // Хожу *по горам Девяти лун*. // Красота *гор Девяти лун* // длится все девять лун» (цитируется по: [Троцевич 2004: 217]).

Оронимы зарегистрированы в составе корейских пословиц. Именно в пословицах наиболее отчетливо вырисовывается специфика языкового мышления народов и особенности их культур. Эти речения интересны тем, что, несмотря на доступность понимания, они представляют собой

лексико-семантические лакуны, на которых невольно останавливается внимание носителя русского языка, так как даже, понимая смысл предложения, он не может соединить в одно целое явления действительности, являющиеся референтами данных единиц языка: для русского эти явления в действительности и их отражение в языке не образуют единого целого. Русский человек не видит сообразности, ибо этого ему не подсказывает ни языковой опыт, ни бытовые традиции, как, например, в пословицах: Перелетит ли *гору* однодневный голубь? [Лим Су 2003: 114]; Ругать *дальнюю гору* [Тае Hung На 1970: 102]. Или в многочисленных пословицах с оронимами *Тайшань*, *Кымгансан* (*Алмазные горы*), *Пэктусан* (пословицы даются по книге: [Лим Су 2003]): Стоит только раз шевельнуться, даже *Тайшань* валится [Лим Су 2003: 25]; Вздыхает так, что *Тайшань* рушится (131); Жди, пока самый высокий *пик Кымгансан*, не скроется под водой и [над ним] не поплывут облака (136); И ворона с *горы Пэктусан* не забывает родные места (66); [Будем сражаться] пока не обрушится *Пэктусан* и не будет засыпано Восточное море (75) и др.

Лишь некоторые из корейских пословиц, в состав которых входят оронимы, могут быть оценены как не противоречащие языковому и культурному опыту носителей русского языка, хотя они и не представляют собой привычных русскому речений. Так, из предложения: [У него] живот, что *гора Нам* (58) русский, несмотря на непривычное сравнение живота с *горой* и незнание географической реалии, может догадаться, что речь идет о полном человеке, обладателе большого живота.

В иероглифическом письме, которое используют некоторые дальневосточные народы, существует иероглиф со значением «*гора*» (корейск. *мве*), по форме напоминающий *трехглавую гору*. Встречающиеся в русском тексте иероглифы, являясь национально-специфическими элементами, представляют для русскоязычного читателя, не знакомого в достаточной мере с иероглифическим письмом, устойчивые лакуны значительной глубины и трудно поддаются толкованию (подробнее о подобных лакунах см. [Филимонова и др. 2002: 83]). В данном случае пояснения содержатся в самом тексте произведения, в речи его героев, однако отрывок почти не несет информации, доступной восприятию носителя русского языка:

«– А как тебя зовут? – обратился Кунпхёни к другому мужлану.

– Поверни вокруг четыре раза «*гору*», и ты узнаешь, как меня зовут, – ответил тот.

Кунпхёни подумал немного про себя и сказал:

– Если повернуть иероглиф «*гора*» вокруг вершины, то получится иероглиф «поле», который читается «чон». Стало быть, твоя фамилия Чон» [Верная Чхунхян 1990: 179].

Степень лакунированности данного отрывка может быть различной для различных слоев читательской аудитории, поскольку она находится в зависимости от уровня владения восточными языками. Для большинства носителей русского языка эти лакуны остаются незалиминированными.

Образ *гор* буквально насквозь пронизывает дальневосточную мифологию. Однако часто дальневосточные мифы не знакомы носителям русского языка. «Асемантическая» корейских оронимов, встречающихся в этих мифах и легендах, и отсутствие знаний у носителя русского языка в этой области, является препятствием для правильного восприятия ими текста перевода художественного произведения. Оронимы в таких текстах нуждаются в широком толковании.

«Давным-давно славный Цинь Ши-хуан получил нефрит с *горы Цзиньшань* и сделал печать, на которой знаменитым Ли Сы высечено: «Получив повеление Неба, вечно процветаю в долголетьи» [Верная Чхунхян» 1990: 53].

Цзиньшань – *горы* в царстве Чу. С ними связана легенда о некоем Бянь Хэ, который добыл там яшму и преподнес царю, но тот счел ее простым камнем и велел отрезать дарителю ступню. Так же жестоко поступил и его преемник. Только третий царь понял, что это яшма. (См. об этом [Сон... 1982: 739].

В Китае и Корее получила распространение легенда о волшебных островах в Восточном море, где растет чудодейственная трава, которая делает человека бессмертным. Но достичь этих островов никто не мог, так как ветры не позволяли к ним приблизиться. На этих островах находятся *мифические горы Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу*, все представители фауны там белого цвета, а дворцы и ворота из золота и серебра. По представлениям древних корейцев и китайцев, в *этих горах* обитали даосы. Вера в их существование была так велика, что при императоре Цинь Ши-хуан-ди (правил в 246-209 до н.э.) была снаряжена экспедиция для розыска этой страны бессмертных (см. об этом [Сидихменов 2000: 165]; [Yves Bonnefooy 1993: 238]). Упоминание *об этих мифических горах* встречается в художественной литературе:

«... император подозвал даоса Голубое облако:

– Говорят, в этом море плавают *Три горы*. Кто-нибудь из смертных побывал на них?

Даос в ответ:

– Чтобы добраться до *Трех гор*, нужно преодолеть десятки тысяч ли, миновать Сяньло, Лана, Фусан и другие страны. *Три горы* находятся на самой середине Восточного моря. Первая *гора* зовется *Пэнлай*, вторая – *Фанчжан*, третья – *Инчжоу*. Со времен Цинь и Хань никто не пытался

добраться до них, но если ваше величество желает, я готов быть проводником» («Сон...» 1982, 380-381).

Существует легенда, которая рассказывает, будто к князю Чу Хуайвану (328-299 до н.э.) во сне явилась фея *горы Ушань* (*гора* находится на востоке провинции Сычуань) и поделила с ним ложе. Прощаясь, она сказала, что будет к нему приходить вечером, выпадая дождем, а утром уходить, поднимаясь в небо в виде облачка (см об этом [Ким Ман Чжун 1961: 375-376]):

«Фея другая на склоны Ушаня//Ночью дождем снизошла к Хуайвану...» [Ким Ман Чжун 1961: 145].

В корейской литературе *горы Ушань* – символ любви, любовной встречи.

Горы часто используются в эмблемах. Эмблема Сеула, принятая к использованию с 28 октября 1996 года, содержит *горы*, солнце и реку Хан, которые по силуэту на эмблеме похожи на танцующего человечка. У эмблемы есть и более глубокий смысл: *зеленые горы* – любовь к природе, голубая река – история и энергия, и солнце в центре – видение будущего и надежда на лучшее [Корея. Карманная энциклопедия 2000: 172].

Итак, на Дальнем Востоке отношение к *горам* особое. Как показали исследования, символика *гор* многозначна. *Горы* – это элемент пространства, духовная высота, символ величия, вечности, постоянства. *Горы* – это часть рельефа. Они также входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина мира природы. *Горы* – один из главных элементов дальневосточного пейзажа, они являются знаками разных времен года. В корейском и китайском стереотипном мышлении *горы* олицетворяют мужское начало ян. Это и место, где проводятся похоронные обряды, а также ритуалы, связанные с жертвоприношением. *Горы* – граница между миром людей и миром природы, преграда на пути *багряной пыли*, символа мирской суеты. Они являются эталоном высоких морально-нравственных качеств (милосердие, надежность и др.), поведения человека: нестигаемый, решительный человек (*утес*), непоколебимый, неустрашимый перед лицом врага (*гора Тайшань*), его внешности (брови – *горные кряжи*), а также вместе с реками и морями «единицами измерения» субъективно переживаемых чувств человека (любовь) и его эмоционального состояния (счастье). *Горы* у народов Дальнего Востока служат эталоном при определении веса, высоты, размера, а также количества чего-либо (*горы Тайшань*). *Горы* используются в составе эмблем (эмблема Сеула), на поздравительных открытках (символ постоянства). Соронимами (*Тайшань*, *Ушань*, *Кымгансан* и мн.др.) связаны многочисленные мифы, легенды, предания и поверья, образовано большое коли-

чество речений фразеологического характера, пословиц и поговорок. Для носителя русского языка большинство этих речений представляет собой лексико-семантические лакуны. Лишь некоторые из них, в состав которых входят оронимы, могут быть оценены как не противоречащие языковому и культурному опыту носителей русского языка, хотя они и не представляют собой привычных русским людям речений.

В Корее форма близлежащей *горы* с давних времен учитывалась геомантами при выборе места для жилья при закладке населенного пункта. Прогулки *в горах* (тынсан) – излюбленный национальный вид отдыха и туризма, особенно популярный среди людей старшего поколения. По данным неофициального опроса, проведенного автором среди многочисленной студенческой аудитории, большинство все же предпочитает отдыху *в горах* поездку на море, а подъем *в горы* считает утомительным и малоинтересным занятием.

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1978.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Джарылгасинова Р.Ш.* Слово о стране утренней свежести // Глазами этнографов. М.: Наука, 1982. С. 180-199.
- Ду Фу.* Сто печалей. СПб.: Кристалл, 2000.
- Жданова Л.В.* Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998.
- Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- Зайчиков П.Т.* Корея. М.: Географиз, 1951.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей / Пер. с корейск. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
- История цветов. Корейская классическая проза / Перевод с ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
- Ким Си Сын.* Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Книга Прозрений / Сост. *В.В. Малявин.* М.: Наталис, 1997.
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корея. Карманная энциклопедия / Сост. *С.В. Волков, Т.М. Симбирцева.* М.: Изд. Дом «Муравей-Гайд», 2000.
- Кравцова М.Е.* История культуры Китая. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.
- Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Изд. «Лань», «ТРИАДА», 2004.
- Ли Бо.* Нефритовые скалы. СПб.: Кристалл, 2000.
- Лим Су.* Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
- Малявин В.В.* Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М.: Наталис, 1997.

- Малявин В.В.* Сумерки Дао. М.: Издательство «АСТ», 2003.
- Мифологический словарь / Гл.ред. *Е.М. Мелетинский*. М.: Российская энциклопедия, Лада-Маком, 1992.
- Никитина М.И.* Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.) СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
- Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Гл. ред. Восточной литературы, 1982.
- Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун (V-XIII вв.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Повесть о девице Ок // Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 2. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. С. 44-67.
- Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 288-322.
- Приключения зайца // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 327-360.
- Предания гор Кымган. Пхеньян: Изд-во литер на иностр. яз., 1990.
- Реформатский А. А.* Топомастика как лингвистический факт // Топомастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. С. 9-34.
- Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Самозванцев А.М.* Мифология Востока. М.: Алетея, 2000.
- Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Издательство «Правда», 1989.
- Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
- Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000.
- Симбирцева Т.М.* Корея на перекрестке эпох. М.: Муравей-Гайд, 2000.
- Сказание о Чхунян. М.: Бонфи, 2003.
- Сон в нефритовом павильоне. М.: Худож. литер., 1982.
- Сон Хён.* Гроздя рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып. 5. С. 25-109.
- Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. М.: УДН, 1981. С. 93-101.
- Сорокин Ю. А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
- Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М.: ВИПКРП, 1989.
- Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
- Трессидер Джек.* Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001.
- Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.
- Троцевич А.Ф.* Корейский средневековый роман «Облачный сон девяти» Ким Манджуна. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1986.
- Троцевич А.Ф.* Символы в языке корейской средневековой повести // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. № 6. М.: Наука, 1971. С. 122-126.
- Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Художественная литература, 1991.
- Филимонова Е.Н., Пак Сон Гу.* Конфронтативные лакуны изобразительного типа в русских текстах // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2002. Вып. 21. С. 80-89.
- Черепеховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Kim Tae-kil.* Values of Korean People Mirrored in Fiction. Vol. 1. Seoul, ROK: Dae Kwang Munwhasa, 1990.
- Tae Hung Ha.* Maxims and Proverbs of Old Korea. Seoul: Yonsei University Press, 1970.
- Yves Bonnefoy.* Asian Mythologies. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.

Языковые средства демонизации образа Китая в российских СМИ

© Ши Ся (Китай), 2007

В СМИ и в общественно-политических дискуссиях в целом сейчас активно используется слово «демонизация», в том числе по отношению к образам разных стран. Приведем несколько примеров из огромного массива цитат, демонстрирующих как неформальную межличностную коммуникацию в Интернете, так и выдержки из интервью политических деятелей, а также мнения авторов серьезных статей:

1) *Искусственное нагнетание нестабильности в мусульманском мире, демонизация Ирана используется сегодня пентагоновскими ястребами как предлог для наращивания военных расходов, ускоренной милитаризации Европы и развязывания очередного витка гонки вооружений.* (лидер КПУ Петр Симоненко <http://www.versii.com>)¹

2) *Есть у автора рациональное зерно... но демонизация Америки и разговоры про Россию что мол ни причем.. незнаю, незнаю.* (форум сайта www.censor.net.ua)

3) *И из демонизации Америки или Израиля тоже ничего хорошего не будет.* (форум «Литературной газеты» www.forum.lgz.ru)

Как видим, термин «демонизация» используется в тех случаях, когда речь идет о сознательном создании устрашающего негативного образа страны или нации и мифологизации этого образа. Использование данного термина по отношению к образу Китая и китайцев также довольно активно. Известный писатель и национал-патриот А. Проханов говорит в интервью радио «Эхо Москвы»:

Вот я по «Эхо Москвы» недавно слушал Яблокова, который страшно критиковал китайскую индустрию, китайское небрежение мировой экологией. <...> Китай действительно допустил ошибку. Их индустрия, бурно развивающаяся сумасшедшими темпами, не успевает обеспечивать среду, в которой она развивается. Это конечно большая проблема для Китая и соседних стран, включая Россию. Но я просто знаю, что сейчас эта драма используется для демонизации красного Китая. Говорят: какой

¹ В текстах, заимствованных из Интернета, сохраняется авторская орфография и пунктуация.

же это гигант, суперэкономический организм, он не может даже уберечь себя от техногенных аварий, катастроф. И в мировой печати это даже прослеживается. Идет демонизация Китая по этому отдельно взятому казусу.

(<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/40273/index.phtml>)

Мы полагаем, что демонизация образа Китая в российских СМИ действительно имеет место и осуществляется, естественно, лингвистическими средствами. Прежде чем рассмотреть наиболее употребительные из них, остановимся на самом понятии «демонизация», в той его трактовке, которую дают В. Топоров и И. Сажин.

В статье «Демонизация как феномен» в «Независимой газете» (№5, май, 1999) Виктор Топоров утверждает: «Слово "демонизация" пора включать в специальные словари. Прежде всего, в политологические, но не только в них. Демонизация стала широко распространенной тактикой, обросла техникой, включила в свой репертуар разноликие сценарии. <...> Демонизацию нельзя путать с конспирологией, то есть с суммой представлений, фантазий и суеверий о наличии некоего всемирного заговора. Демонизация столь же иррациональна, но предельно конкретна: демонизируются люди, поступки, общественные организации (как существующие, так и несуществующие – в последнем случае как раз и подключается конспирология), демонизируются государства, народы, религии, не говоря уж о сектах; демонизируются идеи, понятия и ключевые слова. Демонизируются институты и практики, такие, например, как срочная служба в армии или пенитенциарная система. Демонизируются прошлое, настоящее и будущее. Демонизируются политические и иные альтернативы. Демонизируются общественные ожидания».

Говоря о демонизации этносов, Топоров не может обойтись без указания конкретных языковых средств, которые при этом используются: «Демонизация евреев уходит корнями в глубокое прошлое. Демонизация лиц кавказской национальности – примета наших дней. Но демонизируются и патриоты – как красно-коричневые, так и фашисты. Само по себе выражение “русский фашизм” – это уже демонизация...»

Главный принцип демонизации автор статьи видит в вычлениении одного объекта из ряда и использовании его для запугивания: «Демонизация – это когда пугают детей. Ну не обязательно детей: можно пугать евреев. Или интеллигентов. Или допризывников. Или по большому счету кого угодно. Можно вычлениить одно имя, одно понятие, одно событие из общего ряда – из объективно страшного ряда, можно рассмотреть его обособленно, феноменологически – и тем самым оно окажется демонизировано. Так, в качестве империи зла был демонизирован СССР: США не противопоставлялись ему как “империя добра”, хотя

дело чуть было не дошло и до этого; СССР, рассмотренный в отрыве от США, превратился, не мог не превратиться, в империю зла».

Опасность демонизации в том, что она «подсказывает и навязывает [неверный]² ответ на один из вечных вопросов – "кто виноват?"»

Итак, мы можем сказать, что демонизация – это определенное несоответствие между миром языка и миром реальности; это несоответствие терминов и, шире, номинаций фактам действительности; это отрыв некоторой стороны процесса или некоторого свойства предмета от целого, от общей картины и искажение оценочного плана. Демонизация – это особый способ оперирования словами и идеями, нагнетающий негатив под маской раскрытия истины. Важнейшим средством демонизации в СМИ является номинация.

Далее мы остановимся на четырех языковых способах демонизации образа Китая в современных российских СМИ:

- 1) посредством использования национального символа Китая (*дракон*);
- 2) с помощью неадекватного употребления абстрактной лексики (*экспансия*);
- 3) с помощью конкретной оценочной лексики (китайские *тряпки*);
- 4) с помощью постоянного эпитета (*хитрые* китайцы).

Дракон – это символ Китая. Китайцы считают себя потомками Великого дракона. Китайские драконы занимают центральное место в китайской мифологии, и место весьма позитивное. Они не отнимают у людей их богатств, они дают сокровища и воду людям.

Однако на образ китайского дракона в сознании современных россиян влияет их более близкое знакомство с драконами западноевропейскими – злыми, кровожадными, лицемерными. Дракон из европейских мифов, легенд и сказок – это огромное змееподобное чудовище с когтистыми лапами, гигантскими крыльями, покрытое чешуей, изрыгающее дым и пламя и стоящее на стороне темных сил. Одним из классических подвигов героев – Геркулеса, Сигулда, Св. Михаила, Св. Георгия – была победа над драконом. «Убить дракона» – лозунг, под которым выступают добрые силы.

Дракон же в Китае был, как правило, сам воплощением доброй силы, существом благодатным, милостивым к людям. Словарь «Шовэнь» (I век нашей эры) рассказывает о драконе следующее: «Дракон – самое длинное из чешуйчатых существ. Может скрыться, может появиться, может стать тонким, может стать огромным. <...> В день весеннего равноденствия взлетает в небо; в день осеннего равноденствия ныряет в

² Слова, заключенные в квадратные скобки, принадлежат автору статьи.

бездну. <...> Дракон может направлять тучи и дождь. Он вдыхает воздух и выдыхает облако». (http://tmn.fio.ru/works/48x/307/drak_kyx.htm)

Но это представление о добром и благодатном драконе отсутствует в русской языковой картине мира. На китайского дракона переносятся устрашающие признаки дракона европейского и русского Змея Горыныча. На сайтах и форумах Рунета имя «дракон» всегда сочетается со словом «страшный», «угроза», и его следует «бояться»! Красноречивый пример находим в эссе Нины Красновой «Москва рязанская», где автор пишет: *Когда я уезжала в Москву, поступать в Литературный институт, многие рязанские поэты пугали меня Литинститутом и вообще Москвой, как страшным китайским драконом или русским Змеем Горынычем или каким-то монстром.* («Наша улица», № 1-2003) (<http://krasninar.narod.ru/Krasnova-Ryazanskaya.htm>)

Если мы обратимся к статьям в российских СМИ, в которых упоминается дракон как символ Китая, то картина складывается устрашающая. Так, в статье под названием «Европа пытается остановить китайского "дракона"» (Федор Лукьянов, «Российская газета». № 3755, 26 апреля 2005 года) мы читаем:

«Наследники "лионских ткачей" требуют принять срочные меры.

Европа в шоке. *После отмены пошлин на китайский текстиль с января 2005-го в странах Евросоюза ежедневно разоряется 50 фирм и предприятий легкой промышленности, закрывается около тысячи рабочих мест. По расчетам, из-за дешевого китайского импорта уже очень скоро может разориться половина всей европейской текстильной индустрии...*

Паника в Европе разразилась *после того, как "Евростат" опубликовал данные о том, к чему привела отмена пошлин и квот на китайский текстиль с января этого года.*

Оказалось, что только импорт китайских пуловеров и жилетов из шерсти в Евросоюз за первые три месяца года вырос на... 893 процента, брюк – на 201, а колготок для жительниц Европы – на 1940 процентов (!). Объединение европейских текстильщиков – "Евротекс" – сразу же забило тревогу».

Европа в шоке, в Европе разразилась паника, «Евротекс» бьет тревогу, потому что на Европу напал китайский дракон! И название, и каждый абзац статьи нагнетают ощущение опасности. Каков же этот дракон и как он атакует Европу? О чем на самом деле идет

речь? Речь идет об отмене Евросоюзом пошлин и квот на китайский текстиль, а вовсе не о какой-либо спланированной со стороны Китая агрессивной акции. Тем не менее, тональность статьи вполне угрожающая. Не удивительно, ведь дракон – это страшно.

Кроме того, дракон еще и прожорлив и ненасытен, он так и норовит завладеть чужими богатствами.

«Китайский дракон» окончательно сожрет российский автопаром, – утверждает портал utro.ru. Аппетит китайского дракона в сталелитейной промышленности страшно тревожит украинский бизнес. (<http://ukrtrudprom.com>) Китайский дракон разминается перед схваткой, ненасытный аппетит китайского "дракона" заставляет взлетать цены на нефть и другое сырье. Тень китайского дракона падает на Среднюю Азию. Дракон с жутким аппетитом съел как кролика американскую нефтяную компанию, проглотил ее и не заметил. Парадоксально, но китаец не узнает в этих заголовках и цитатах китайского дракона; это дракон европейский. Как видим, образ жадного, коварного, злобного дракона – врага людей, господствующий в европейском сознании, широко используется для демонизации образа Китая.

Таким образом, имя национального символа Китая представляет собой благодатную почву для использования его в целях демонизации образа этой страны. Напрашивается аналогия с любимым пугалом западного обывателя – русским медведем, которую мы можем подкрепить красноречивыми примерами заголовков и цитат из статей западных изданий, представленных в переводе на сайте [Иносми.ру](http://inosmi.ru):

1) *Русский медведь или китайский дракон? Не стоит упускать из виду русского медведя, но гораздо важнее сегодня следить за китайским драконом.* ("Christian Science Monitor", США, автор — Джон Хьюз (John Hughes), 11 мая 2005);

2) *Медведь обхаживает Дракона. Самый разоблачающий аспект намерений Владимира Путина <...> О возможности стратегических объятий между Медведем и Драконом говорят много лет. Обычно – с заметной долей скептицизма.* ("Corriere Della Sera", Италия, автор – Франко Вентурини (Franco Venturini), 13 января 2005).

Картина, как мы видим, рисуется драматическая для Запада: обнимающиеся медведь и дракон!³ Причем, естественно, дракон рисуется в воображении западного читателя именно такой, какой знаком ему по

³ Ср. также заголовок статьи с официального сайта Национал-большевистской партии России: «Китайский дракон у берлоги русского медведя». (http://www.nbp-info.ru/subs/ostrova/02_china.html)

западным книгам, фильмам и компьютерным играм, например, такой игре, в которой героический пёс Скуби-Ду побеждает опасного врага – китайского дракона. О российской версии этой игры в лингвистическом плане стоит сказать особо. Если по-английски она называется «Скуби-Ду и страшный каменный дракон», то по-русски – «Скуби-Ду и китайский дракон». Интересна также аннотация к игре:

Скуби и его команда отправляются в Китай навстречу новым приключениям! Статуя каменного дракона из Подземного Императорского Дворца ожила и теперь разрушает город. Друзья должны выяснить, кто стоит за этими событиями, и положить конец безумию.

Дракон, разрушающий город, – это типично европейское представление о драконе.

Различие в представлениях европейцев и китайцев о драконе ведет к межкультурному непониманию.

Таким образом, встречая в российской прессе выражение «китайский дракон» для обозначения китайской угрозы, мы имеем дело одновременно с непониманием журналистами истинного значения национального символа Китая и с демонизацией образа Китая посредством использования западноевропейского представления о драконе как опасном чудовище.

Второй демонизирующей номинацией, часто применяемой по отношению к Китаю, является абстрактное имя действия – **экспансия**.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова дается следующее определение слова «экспансия»: «Расширение, распространение чего-н. за первоначальные пределы (книжн.). || Расширение границ государства путем завоеваний, а также распространение его политического и экономического влияния на другие государства (полит.)». Как мы видим, в первой части толкования, сопровождающейся пометой «книжное», нет оценочного компонента, в отличие от второй части, сопровождающейся пометой «политическое». Следует признать, что в современном русском языке слово **экспансия** употребляется обычно с негативной оценочностью. Не является исключением и применение этого слова для характеристики самых различных сторон активности Китая в мире. Идет ли речь о китайской миграции, о китайских товарах, о китайских автомобилях, о снижении пошлин на китайский текстиль в Европе, об олимпийских соревнованиях в Китае, даже о космических кораблях «Шэнь Чжоу» – всюду журналисты видят китайскую экспансию. Использование этого слова служит для демонстрации того, что любая активность Китая на международной арене (экономическая, культурная, промышленная, спортивная) опасна не только для России,

но и для всего мира. Часто слова **экспансия** получает эпитет «ползучая» и выступает в синтагматическом окружении сильнооценочных слов – угроза, напасть и т. п. Разумеется, в российских СМИ существует и другой голос, говорящий, что китайской экспансии нет и рассуждения о наличии или отсутствии китайской угрозы для России абсолютно бессмысленны, но для нас важно то, что в лингвистическом плане номинация **экспансия** является одним из лейтмотивов образа Китая в современных российских СМИ.

Так, в статье «Китайская экспансия: напасть или панацея» «Независимая газета» (06.02.2006) пишет: *Мнения по поводу **китайской экспансии** высказываются разные. Одни полагают, что речь идет об угрозе национальной безопасности. Другие утверждают, что это миф и китайцы лишь помогут России поднять экономику Дальнего Востока и заодно Сибири. Но и первые, и вторые сходятся в одном – пока что внятной государственной политики на этом фронте не наблюдается. «НГ-регионы» попыталась сделать небольшой срез проблемы «**китайской экспансии**».* Заключение словосочетания «китайская экспансия» в кавычки весьма значимо, так как демонстрирует понимание автором того факта, что данное наименование носит более оценочный, чем номинативный характер, являясь скорее журналистским штампом, чем объективным отражением ситуации.

«Остановим китайскую экспансию!» – так озаглавлен пресс-релиз Иркутского Регионального Отделения Национал-Большевистской Партии, следующего содержания: *«12 февраля группа иркутских национал-большевиков захватила офис Федеральной Миграционной Службы по Иркутской области (г. Иркутск, ул. Киевская, 1) в знак протеста против пособнической политики властей китайской миграции в Россию. Были мирно заняты крыша, балкон и несколько кабинетов данного ведомства. На захваченном объекте были вывешены транспаранты «Россия – не чайнатаун!», «Остановим китайскую экспансию!» и флаг НБП. Другая группа национал-большевиков в это время устроила **несанкционированный пикет** под окнами ФМС с лозунгом “Чиновники – пособники китайцев!”».* (<http://irk.nb-info.org/start.files/kitai.htm>)

Мифологический характер китайской экспансии подчеркивается употреблением официальной советской фразеологии. Здесь мы видим и описанный в статье Топорова переход от демонизации к лозунгам, к призывам и действию.

Но это все политика – область, в которой оценочное применение термина **экспансия** традиционно и закреплено в словаре. А вот примеры из совсем иных областей. Здесь значимо соотношение заголовков и текста заметок.

1) **«Китайская экспансия»**

*Российскому фигурному катанию в пору **бить в колокола**. В самом благополучном его виде, считавшемся чуть ли не национальным достоянием, **прихватили часть Дальнего Востока и оттяпали кусок Сибири**. Китайские спортивные пары на чемпионате мира завоевали золото и серебро, а россияне не сберегли даже представительство из трех дуэтов на следующий год...*

(<http://www.rambler.ru/db/sport/msg.html?mid=9984046>)

2) **«Китайский поисковик Baidu начинает международную экспансию»**

*Китайская Интернет-компания Baidu планирует **начать международную экспансию**. Первыми в компании начнут предоставлять услуги на японском языке.*

По словам руководителя компании Робина Ли, в начале 2007 года Baidu получит японский интерфейс и будет предоставлять различные сервисы на японском языке. Кроме того, компания намерена открыть офис в Токио (Япония). (<http://www.advertology.ru/article39516.htm>)

3) **«Китайская экспансия становится реальным фактором на внутреннем рынке металлургической продукции»**

Китайская экспансия становится реальным фактором на внутреннем рынке металлургической продукции. До недавнего времени китайские экспортеры, по большей части, составляли существенную конкуренцию отечественным производителям ширпотреба, бытовой электроники и одежды. В 2006 году ситуация изменилась коренным образом. К экспансии на российский рынок присоединились китайские металлурги. (<http://www.itinvest.ru/analytics/news/akm/60053>)

Приведенные примеры показывают, что выражение **«китайская экспансия»** используется современными российскими журналистами по отношению к любому шагу Китая на международной арене, даже самому небольшому. Ср.: в заметке о «международной экспансии» китайской поисковой системы говорится всего лишь о ее выходе на японский рынок и начале индексации японских сайтов. Опасность **китайской экспансии** российские СМИ стремятся подкрепить в сознании россиян идеей конкуренции: любое достижение Китая, «прорыв» в любой области рассматривается не как успех, а как отвоевание позиций,

жизненного пространства у кого-то другого – у россиян или европейцев. Это именно та демонизация и мифологизация, о которой говорится в цитировавшейся ранее статье Топорова. О том, что **экспансия** и **дракон** – это две составных части одного механизма, свидетельствует параллельное использование этих номинаций в разных источниках при сообщении одной и той же новости, касающейся Китая. Так, распространение китайской поисковой системы, которое в приведенном выше примере характеризовалось как экспансия, на другом сайте обсуждается под заголовком «**Китайский дракон наращивает мускулатуру**». (<http://www.obgoni.ru>)

Можно задаться вопросом: так ли уж специфична демонизация посредством номинации «экспансия» именно для образа Китая в российских СМИ? А как, например, Америка? Анализ примеров демонстрирует, что американская *экспансия*, безусловно, присутствующая на страницах современной российской прессы, подается совершенно под другим углом. Речь ведется об экспансии страны, которой, в общественном сознании России, как бы дано право на экспансию, чья экспансия воспринимается как нечто ожидаемое, более как расширение своих позиций, а не захват чужих. Конечно, при экспансии одно сопровождает другое: невозможно в современной мировой политике и экономике расширять свое присутствие, не тесня при этом чужого. Но для нас, лингвистов, важно то, как подается информация в тексте. Американская экспансия подается как некий факт, а китайская – как нечто демоническое, необъяснимое и непреодолимое, внушающее иррациональный страх.

Участвует в демонизации образа Китая и такой, казалось бы, прозаический и бытовой оборот, который в русском языке уже можно считать фразеологизмом, как **китайские тряпки**.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова так определяется слово «тряпка»:

1. Лоскут, какой-н. ткани. *Стереть пыль тряпкой. Протереть пол мокрой тряпкой. Кукла из тряпок.* 2. только мн. *Женские наряды* (разг. пренебр.). *Она только о тряпках и думает. Истратила сто рублей на тряпки.* 3. перен. Бесхарактерный, слабовольный, ничтожный человек (разг. презрит.). *Сосульку, тряпку принял за важного человека!* Гоголь. *Павел Васильевич был в душе тряпкой и не умел отказывать.* Чехов.

Когда мы говорим об одежде «тряпки», конечно, это слово выступает с оттенком негативным, пренебрежительным. Тряпки ассоциируются с неприятным, грязным, несимпатичным, некачественным. И любой

китаец, живущий в России, как и я, часто слышит, что люди употребляет фразу «**китайские тряпки**» как устойчивое словосочетание, когда речь идет о дешевой китайской одежде, некачественных товарах, причем далеко не обязательно китайских! И не только о товарах. Недавно, отвечая на вопросы журналистов на прошедшей в Москве пресс-конференции, Андрей Луговой, который обвиняется в убийстве телохранителя олигарха Березовского, живущего в Англии, и выдача которого британским властям стала камнем преткновения в российско-британских отношениях, обратился к общественности Великобритании: «*Вашим гражданством торгуют, как китайскими тряпками где-то на рынке. А вы хлопаете ушами и стучите себя по ляжкам*».

Не без основания скажем, что некачественной продукции из других стран на российских рынках не меньше, чем китайской, а Китай производит не меньше качественных товаров, чем некачественных. Но образ сложился и закрепился в массовом сознании. Приведем несколько примеров.

1) «**Китайские “тряпки”, возможно, будут шить саратовцы**»

Вместо увеличения экспорта, Саратовскую область, вероятно, ожидает рост импорта. В сентябре в Саратов прибудет делегация китайских бизнесменов и банкиров, которые будут обсуждать перспективы создания совместных предприятий. В первую очередь это будет касаться легкой промышленности, а конкретнее — текстильной отрасли. По замыслу Аяцкова — китайцы дадут нам технологии, а мы обеспечим производственные мощности и рынок сбыта. (СаратовБизнесКонсалтинг, 26.08.2002.

http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_33_aId_124304.html)

В данном примере интересно то, что журналист, очевидно, плохо подумав или в силу заштампованности своего сознания, «обозвал» китайскими тряпками текстильные изделия, которые будут производиться в Саратовской области, тем самым заранее приравняв качество российского продукта к худшему образцу. Таким образом, вся заметка приобрела уничижительный характер.

2) Одна москвичка так пишет в своем Интернет-блоге: ... *в Москве мы говорим “китайские тряпки”, когда хотим намекнуть, что человек так себе одет.* (<http://annafedorova.ru/?p=34>)

Очень показательная фраза, демонстрирующая идиоматический характер словосочетания «**китайские тряпки**».

Итак, демонизированный Китай – это не только злобный **дракон**, это не только **экспансия** во всем и повсюду, это еще и заведомо низкое,

«бросовое» качество товаров, а значит – обман, что и подводит нас к последнему пункту анализа.

Традиционным способом демонизации китайцев является создание представления об их **хитрости**.

Китайцы всегда и все до одного «**хитрые**», это их исконное и неотъемлемое национальное качество в русской языковой картине мира. Приведем примеры из Интернет-форумов и новостных сайтов:

1) *А «Хитрый Китаец» – это избыточность. Потому как китайцы все и так хитрые.* (<http://сахара.ru/90310.html>)

2) *«Хитрые китайцы обрадовали археологов»*

Ученые выяснили, что уже 3 тысячи лет назад китайцы, жившие на территории северо-западного Китая, владели технологией водосбора. Так считают археологи Северо-западного университета Китая, проводившие раскопки в уезде Чуньхуа. (<http://account.spb.ru/news/social/32189/>) Данный заголовок – это типичный пример того, что изобретательность, мудрость, ум, сообразительность, если они принадлежат китайцам, будут все равно названы хитростью⁴.

То, что **хитрость** китайцев связывается в сознании современного россиянина с идеей опасности Китая, демонстрируют ответы респондентов на открытые вопросы, посвященные российско-китайским военным учениям в базе данных на сайте www.fom.ru: «Учения раскрывают наши секреты, наши слабости», – сетуют респонденты и добавляют: «Китай – ненадежная страна»; «китайцам не стоит доверять, они слишком хитрые»; «китайцы – ненадежные партнеры, от них всего можно ожидать»; «не доверяю Китаю»; «не люблю китайцев – нация, от которой не знаешь, что ожидать»; «нет к Китаю доверия»; «они научатся и могут использовать против нас»; «они недобросовестные, все для себя, все хотят русских забить»; «они – себе на уме, **хитрые**»; «с ними лучше не связываться, они только для себя живут»; «**хитрят** они» (<http://bd.fom.ru/report/whatsnew/d053527>).

Надо отметить, что представление о **хитрости** китайцев не является исключительно принадлежностью русской языковой картины мира. Оно характерно и для самих китайцев. В то же время следует признать, что многие простые россияне, мнение которых нам удалось выяснить лично или узнать из Интернет-дискуссий, не склонны к демонизации образа

⁴ Мудростью в русских текстах может характеризоваться только фразеологизм *один старый китаец*.

Китая. Обнаруживается разрыв между тем, как односторонне этот образ подают в СМИ, и тем, что думают обычные люди. Для меня, как для гражданки Китая, кажется существенным контраст между освещением моей страны в прессе и на телеэкране и беседами россиян на страницах Интернета. Однако мне представляется, что понимание некоторых демонизирующих тенденций в представлении образа Китая в российских СМИ важно как для китайцев, так и для россиян. Критическая, разумная оценка этих тенденций, умение обнаруживать стратегию автора за конкретными языковыми средствами, спроецированными на общий фон, на языковую картину мира, – это путь к укреплению нашего взаимопонимания.

Л и т е р а т у р а

Топоров В. Демонизация как феномен // «Независимая газета» №5, май, 1999.
Сажин И. От демонизации к истерии. <http://www.prpc.ru/actual/060328.shtml>

ЛИНГВИСТИКА

Английские артикли в когнитивном и стилистическом освещении

© кандидат филологических наук Е.А. Долгина, 2007

Хотя артикли в английском языке являются постоянным предметом научных изысканий и подробно обсуждаются в учебных пособиях, практика преподавания показывает, что этот аспект грамматики, по-прежнему, представляет большую трудность для студентов всех уровней – от начинающего до продвинутого и выше, поэтому его изучение не теряет актуальности. Сложности практического освоения английского артикля говорят о необходимости разрабатывать новые подходы к его изучению, то есть развивать теорию вопроса, что в конечном итоге определяет методику преподавания.

1. Когнитивный анализ имен существительных как словарных единиц

В настоящей работе к изучению артиклей в качестве основного выдвигается когнитивный подход. Его новизна состоит в том, что артикли рассматриваются как особая система знаков, каждый из которых призван обозначать определенный мыслительный процесс и его результат в виде **представления** о предмете (денотате, референте), выражаемом существительным в речи. Совокупность представлений о предмете составляет **понятие** о нем, что выражает имя существительное как единица языка. Такой подход применим к любому артиклевому языку, однако именно природа английских артиклей обуславливает его наибольшую эффективность, так как английскому языку свойственна большая свобода артиклевого дейксиса по сравнению с другими европейскими языками, где семантика артиклей в основном состоит в выражении морфологических категорий имен существительных, таких как число, род и падеж.

Хотя и в английском языке одной из функций артикля остается указание на число, вся система в целом служит, в основном, для выражения понятийной категории дейксиса как вида референции, построенной на противопоставлении определенности и неопределенности предмета. Следовательно, артикль можно рассматривать как средство указания на мысленную категоризацию предметов участниками коммуникативного акта на более или менее знакомые, иначе говоря, на степень или ступень их познания.

Будучи новым направлением в артиклеведении, когнитивный подход, тем не менее, опирается на достижения функциональной лингвистики, основной заслугой которой является определение основных функций 3-х форм артикля – обобщения, классификации и индивидуализации обозначаемого существительным предмета. В когнитивном освещении функция того или иного артикля состоит в обозначении одноименного мыслительного процесса.

Кроме того, также как и функциональный, когнитивный подход, предусматривает рассмотрение артиклей как особой системы знаков, указывающих на неразрывную связь ситуации и языка в виде имени и обозначаемого им референта. Поэтому предметом исследования является не просто артикль, а комплекс, состоящий из артикля и имени существительного. Однако имеется и существенное различие: традиционно изучение ведется в направлении от референта (предмета) к слову, т.е. имени, а от имени к его значениям, в которых проявляется все многообразие его лексико-грамматических свойств, в то время как когнитивный подход не отрицает рассмотрения существительных и их значений, а предполагает включение его в более комплексную систему, первым и основным элементом которой следует считать **представление** говорящего или пишущего о предмете (или референте). Оно является частью происходящего мыслительного, когнитивного процесса и облекается в форму существительного, вводимого в речь с помощью артикля. Таким образом, когнитивное изучение артикля включает уже не 2 составляющих компонента, а 3 и ведется от представления о предмете к слову, а от слова к значению.

Когнитивный подход рассматривает английские артикли в качестве показателей определенных ступеней мыслительно-познавательного процесса, т.е. познания и восприятия предметов, обозначаемых существительными. При этом их анализ предлагается вести от нулевого артикля (значащего отсутствия артикля) через неопределенный к определенному артиклю. Такой порядок противопоставляется традиционному, согласно которому описание или анализ употребления артикля начинается либо с неопределенного (в практических грамматиках), либо с определенного артикля, при этом всегда нулевой артикль противопоставляется двум грамматически выраженным формам.

Итак, система включает три элемента, каждый из которых соответствует определенному уровню познания: нулевой артикль указывает на обобщение, абстракцию, неопределенность того или иного представления о предмете, выражаемого именем, а именно, на начальную ступень или отправную точку процесса познания. Неопределенный артикль указывает на промежуточную ступень процесса познания – классификацию предмета, и, наконец, определенный артикль сигнализирует об абсолютной определенности предмета в сознании говорящего/пишущего. Резуль-

татами этих процессов являются соответствующие представления о предмете: обобщенное (или отвлеченное, абстрактное), классифицированное и индивидуализированное.

Вместе с тем каждая форма артикля говорит о типе значения имени существительного, а изменение дейктической ориентации немедленно сообщает об изменении значения. Предлагаемый системный порядок следования артиклей позволяет сделать вывод о сужении значения имени на каждой новой ступени познания предмета.

Применение когнитивного подхода, в основе которого лежит представление говорящего о предмете, позволяет также утверждать, что независимо от принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому классу, все имена существительные за исключением неисчисляемых, достаточно малочисленных и требующих отдельного рассмотрения, могут отражать все три ступени познания обозначаемых ими понятий. Таким образом, анализ дейктической организации того или иного имени, отражающей все возможные представления о предмете является понятийным. Если проводить данный анализ на уровне языка как системы, то наиболее адекватным материалом являются толковые словари английского языка, а именно та часть словарной статьи, которая содержит фразеологию, иллюстрирующую употребление данного существительного в различных значениях. В центре внимания оказываются наиболее частотные имена, употребляющиеся с 3 формами артикля. Воспользовавшись иллюстративными данными, начнем понятийный анализ с существительного **life**. Подготовительный этап к нему состоит в извлечении всей иллюстративной фразеологии и разделения ее на 3 группы в соответствии с категориальной формой артикля. Как уже говорилось, первой ступенью анализа, является обобщение, отвлечение или абстракция от предмета, что выражается в языке нулевым артиклем или его значимым отсутствием:

The floods caused a massive loss of **life**.

Hurry, doctor, it's a matter of **life** and death.

Life began on Earth millions years ago.

In spring the countryside bursts into **life**.

The plant may recover; it's very dry and withered, but there's still **life** in it.

The story is very true to **life**.

Life isn't like in the movies.

There is little **plant life** in the desert.

Cultural life in England takes so many forms that a brief summary can only attempt to suggest its variety.

She enjoyed **political life**.

Commuting is a part of **daily life** for many people.

That's **life**. / Such is **life**.

Несмотря на то, что эти примеры сопровождают разные словарные значения данного имени, их объединяет концептуальное противопоставление жизни целому ряду понятий: смерти, неживой природе, другим формам жизни и т.д. Именно оно лежит в основе мыслительного процесса обобщения или отвлечения, и соответствует начальному этапу познания предмета. В зависимости от типа противопоставления корректируется представление о референте и уточняется значение слова: *life – death, life – inanimate matter, human life – plant life – insect life – bird life; cultural life – political life; adult life – childhood, working life – old age; city life – village life; prison life – freedom*. Таким образом, существительное может иметь целый ряд обобщенных значений, отражающий различные представления о референте. При этом определения, такие как *daily, cultural, political* и др. также отражают процесс обобщения, являясь неотъемлемой составляющей представления.

Противопоставление может быть эксплицитным, т.е. выраженным лексическими средствами, и, как показывают приведенные примеры, имплицитными. Последние 2 примера представляют собой синонимичные фразы, которые часто употребляются для того, чтобы подбодрить собеседника. Их смысл в том, что неудачи случаются не только с теми, кому они адресованы, но и со всеми. Безусловно, ключевым в них является слово *life*, которое, по-видимому, отражает горький опыт человека, то плохое, с чем он может столкнуться в жизни.

В реальном речепотреблении можно обнаружить и другие противопоставления, а, следовательно, и другие оттенки значения слова:

The order of the ideas, their suddenness and irrelevancy, is more true to **life** than **literature**. (V. Woolf)

Жизнь в данном случае противопоставляется литературе как художественному вымыслу, и потому обобщенным значением слова в данном случае будет «реальность, действительность, факты». Кроме того, этот пример показывает, что при лексическом выражении мысленного понятийного противопоставления синтаксически оно принимает форму так называемых параллельных конструкций, т.е. сочетаний существительных с союзами или предлогами, столь частотных в английском языке. Нередко в их составе обобщенное значение приобретают и существительные, которые обычно употребляются как исчисляемые, т.е. обозначая отдельных индивидуумов: *reader and writer, mother and baby, doctor and patient, vowel and consonant* и т.д.

В результате процесса отвлечения существительные, передающие эти представления о предметах, приобретают следующие лексико-грамматические признаки: неисчисляемость и абстрактность.

Употребление неопределенного артикля всегда свидетельствует о другом мыслительном процессе, а именно сужении представления о предмете до типового, что делает возможной его классификацию. Любое из обобщений, рассмотренных в связи с нулевым артиклем, может сужаться (исключение составляют только те, которые определяются в грамматике как неисчисляемые, что означает, что на мыслительном уровне они не допускают сужения). Таким образом, результатом процесса классификации является более конкретное и, по сравнению с обобщенным, более узкое представление о предмете, как о типичном представителе данного класса.

Вернемся к анализу слова *life* и рассмотрим его употребления с неопределенным артиклем:

She's had a **hard life**.

I just want to be able to lead a **quiet life**.

He has a **full social life**.

Since an early age he'd led a **life of crime**.

They emigrated to start a **new life in Canada**.

A **vigorous cultural life** in Scotland has as its highlight the annual Edinburgh International Festival, one of the world's leading cultural events.

Приведенные примеры показывают, как обобщенные представления о жизни могут сужаться до представления о продолжительности или образе жизни какого-либо одного человека. В последнем примере абстрактное представление о культурной жизни вообще переходит в более конкретное под влиянием таких факторов как пространство и время. Классифицированное значение данной лексической единицы – «ежегодное культурное времяпрепровождение, доступное как жителям Эдинбурга, так и его гостям».

В результате процесса классификации имя существительное, обозначающее классифицированное представление о предмете, приобретает большую конкретность и становится исчисляемым.

Мыслительный процесс классификации, обозначаемый неопределенным артиклем, может принимать различные формы, или быть представленным разными мыслительными **операциями**. Во-первых, происходит указание на **единичность** предмета, относящегося к определенному классу. Во-вторых, неопределенный артикль может указывать на сходство одного представителя класса другому, поскольку они имеют и сходства, и различия. В-третьих, классификация может принимать форму множественности, когда имеется в виду любой представитель данного класса. Следует заметить, что эти мыслительные операции могут дополнять друг друга, сочетаясь различным образом. Так, в приведенных при-

мерах неопределенный артикль указывает либо на жизнь какого-либо индивида или разновидность культурной жизни общества и потому передает представление об этом как единичном явлении. Кроме того, в каждом из них представление говорящего о жизни имплицитно сравнивается с другим возможным представлением: *a hard life – an easy life; a quiet life – a hectic life; a full social – life – a dull life; a life of crime – a life of luxury, and so on*. Вполне естественно, что мыслительный процесс классификации лексико-синтаксически часто выражается с помощью описательных определений.

Определенный артикль обозначает конечную ступень познания предмета – в высшей степени конкретное представление о нем, результат мыслительного процесса индивидуализации:

What do you think will happen in **the life to come**?

This is **the life**.

He was **the life and soul** of the party.

What an accurate portrait – it's him **to the life**.

В первых двух случаях индивидуализированное представление о жизни опирается, прежде всего, на отнесенности данного понятия к определенному периоду времени и является имплицитным, так как в них только подразумевается, во-первых, жизнь после смерти и, во-вторых, беззаботная жизнь не работающего, не занятого делом человека, который ею наслаждается. Обе мысли можно выразить более конкретно: *What do you think will happen in **the life to come after death**? This is **the life I am enjoying**.*

Последние два примера демонстрируют представления, индивидуализация которых связана с конкретным человеком: в первом случае – с его поведением в конкретной ситуации, в компании, а во втором – при установлении точного внешнего сходства с его портретом, в третьем случае оно передает представление о жизни. Как следует из них, оба индивидуализированных значения существительного оказываются переосмысленными: жизненная сила, радость и умение делиться ей с другими, с одной стороны, и то, как на самом деле, в действительности выглядит человек.

В плане лексико-грамматического выражения, существительное может быть и исчисляемым, и неисчисляемым, абстрактным или конкретным, одушевленным или неодушевленным, поскольку индивидуализироваться может и отвлеченное, и классифицированное представление о предмете.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы: во-первых, применение когнитивного подхода к изучению английских артиклей позволяет объяснить широкую вариативность их

употребления в отношении одного и того же имени существительного, так как представление об обозначаемом им предмете в сознании данного говорящего коллектива может варьироваться. Во-вторых, различное представление о предмете находит свое грамматическое выражение в каждом из 2-х элементов комплекса «артикл + существительное»: выбор артикла указывает на результат определенного мыслительного процесса, а существительное приобретает соответствующий лексико-грамматический статус. Таким образом, устанавливается вторичность лексико-грамматических признаков по отношению к мысленному восприятию предмета. В-третьих, использование когнитивного подхода не противоречит правилам, предлагаемым в любом грамматическом справочнике, которые отражают частотность употребления различных лексико-грамматических категорий английских существительных. При их индивидуальном когнитивном рассмотрении можно расширить представления изучающих язык о понятийном и семантическом потенциале каждого из них.

2. Когнитивный анализ комплекса «артикл + существительное» в речи

В данном разделе методика когнитивного анализа артиклевого действия имен существительных будет применяться к современной английской речевой практике, где каждый случай употребления имени с артиклем будет рассматриваться как отражение определенного представления говорящего о предмете. Как и в предыдущем разделе, объектом исследования станут наиболее употребительные имена существительные, традиционно представляющие собой интерес с дейктической точки зрения. В частности, анализу будут подвергнуты такие имена, как *sea*, *sky*, *sun*, *light* и *deck*, которые во многих грамматиках описываются как встречающиеся в сходных контекстах, редко допускающие разнообразия в выборе артиклей. Например, считается, что существительные *sun* и *sky* требуют, в основном, определенного артикла и объясняется восприятием обозначаемых предметов как уникальных, единственных в своем роде, т.е. проявлением ситуативной референции как разновидности индивидуализирующей:

We could feel **the hot sun** on our backs.
She was sitting **in the sun** reading a book.
The sun was just setting.
At noon **the sun** is directly above us in the sky.
Air pollution is clearly visible **in the skies** over the city.
The sky went dark and it started to rain.

Однако существительные *sea* и *deck*, согласно словарным данным, могут употребляться с двумя формами артикля: либо с нулевым, либо с определенным артиклем. Ср.:

We are renting a house **by the sea**.
The sea was choppy.
Most of his belongings will be transported **by sea**.
A service was held to commemorate those lost **at sea**.
A lot of passengers were sitting up **on deck**.
He was sitting **on the top deck**, right **at the front**.

Предоставляемая словарями информация, безусловно, является надежной с точки зрения частотности употребления, особенно в обычных, каждодневных ситуациях. Но в отношении художественной литературы эти данные могут оказаться либо противоречивыми, либо недостаточными, поскольку в этой разновидности речи может встретиться все перечисленные существительные в сопровождении всех трех категориальных форм артикля.

Нулевой артикль или его значащее отсутствие, который обозначает в высшей степени отвлеченное представление о предмете, как отмечалось раньше, обычно в сознании говорящего противопоставляется обобщенному представлению о другом предмете. Противопоставление может быть эксплицитным:

Sigh no more, ladies, sigh no more.
Men were deceivers ever,
One foot **on sea** and one **on shore**,
To one thing constant never. (W. Shakespeare)

Однако чаще всего противопоставления оказываются имплицитными: палуба корабля как его верхняя часть (*deck*) противопоставляется каютам (*cabins*), которые располагаются внизу, а море (*sea*) противопоставляется суше (*dry land*):

Amused, Olivia thanked them and sat down. It was much nicer to stay **on deck**. (E. Lemarchand)
Presently someone reported that the weather was looking up, and before turning in the party went out **on deck** to look at the harbour lights and get a breath of fresh air. (E. Lemarchand)
For a time she gazed contentedly **out to sea**, and then began to read and became absorbed, only subconsciously aware of other arrivals in the area around her. (E. Lemarchand)
His romance is the romance of hunted men hiding in woods at night; of brigs standing **out to sea...** (V. Woolf)

Интересно, что для усиления этого имплицитного противопоставления автор может прибегнуть к параллельным конструкциям, в целом типичных для описательного стиля:

Olivia gazed at the panorama of **sky** and **sea**, and the scatter of small islands apparently floating on the water... (E. Lemarchand)

As the small landing-craft approached the jetty she forgot to repine. The sapphire of **sea** and **sky** framed the dazzling white marble ruins and the enchanting little peak of Mount Cyntus. (E. Lemarchand)

...and the landscape seemed bathed in **light** and **peace**. (E. Lemarchand)

Pneumonia's no joke, and Doctor Carmichael said you badly wanted **sun** and **warmth**. (E. Lemarchand)

Как показывает материал, параллельные конструкции включают существительные, дополняющие друг друга. В первых трех случаях, существительные *sky* и *sea*, *sun* и *warmth* сочетаются в целях описания великолепного пейзажа, открывающегося рассказчику или персонажу. Необъятное синее небо сливается с синим безбрежным морем, и при этом оба противопоставляются далекому берегу (суше). Яркий солнечный свет и покой, которыми наслаждается совершающая морской круиз героиня романа Е. Лемарчанд, в ее сознании, по-видимому, самым положительным образом контрастируют с серыми трудовыми буднями, холодом, плохой погодой. Для другого персонажа этого романа, также совершающего морское путешествие, солнце и тепло, о которых говорится в последнем примере, являются необходимым средством восстановления здоровья после тяжелой болезни.

При имплицитном противопоставлении рассматриваемые существительные могут входить в состав обстоятельственных оборотов типа *on sea*, *on shore*, *on deck*, *out to sea* и т.п., в которых отсутствуют определения.

Грамматически отвлеченные представления о предмете выражаются неисчисляемыми существительными, однако столь же отвлеченные представления могут передавать эти существительные и в форме множественного числа:

A splendid midsummer shone over England: **skies so pure, suns so radiant** as were then seen in long succession, seldom favoured, even singly, our wave-girt land. (Ch. Bronte)

We saw beautiful things, breathtaking, unforgettable; houses and mountains and gardens and palaces, **seas and skies** and churches and lakes...(S. Hill)

Употребление тех же слов с неопределенным артиклем показывает, что представление об обозначаемых ими предметах стало более конкретным, так как они передают их возможные состояние, внешний вид моря, солнца или неба. Поэтому неопределенный артикль и указывает на классификацию, которая, как уже отмечалось, может принимать различные формы. С одной стороны, в приводимых ниже примерах неопределенный артикль сигнализирует о каком-либо **одном** восприятии участником ситуации (автором или персонажем произведения) референта в какой-либо период времени. С другой стороны, он же указывает на возможность различного восприятия или представления о данном референте. Таким образом, мыслительный процесс классификации в данных случаях проявляется в двух операциях – одновременном указании на единичность и сравнении:

The rays of a **bright morning sun** had a dazzling effect among the glittering foliage. (W. Irving) (Not a dim evening sun)

As the sun came up **in a clear sky** on the following morning the “Penelope” was progressing steadily down the Adriatic. (E. Lemarchand) (Not a cloudy sky)

... **a pale crystalline sky** arched over the valleys. (J. Cusack)

The monsoon was blowing hard and when they left the shelter of the land they found **a heavy sea**. (S. Maugham) (Not a calm sea)

‘Bring ‘er (the ship) up to the wind with **a sea like this running**?’ No, sir.’ (S. Maugham)

Mrs Gore had a way of waddling from side to side, as though **on a deck in a rough sea**, as she transported the food into the sitting-room. (F. King)

Promenade deck is **an upper deck** of a passenger ship, usually open at the sides, where people may walk. (Not a lower deck) (Longman)

They sailed out of the narrow arm between the two islands, and now found themselves in what looked like **an island sea**. (S. Maugham)

A hurricane lamp hanging from a beam gave **a dim light**. (S. Maugham) (Not a bright light)

In spite of the bright sunshine the world was **bathed in a softly muted light** tinted with aquamarine and gold. (E. Lemarchand)

Значения анализируемых существительных сужаются по сравнению с теми, которые отражали процесс отвлечения или абстракции, и грамматически эти имена становятся исчисляемыми. Синтаксически, процесс классификации усиливают описательные определения.

Определенный артикль указывает на высшую индивидуализацию в восприятии предмета говорящим или участником данной конкретной ситуации вне какого-либо мысленного противопоставления. Значения

существительных максимально сужаются под воздействием таких факторов, как время и пространство. Заметим, что примеры их употребления в художественной литературе практически не отличаются от иллюстративного материала словарей. Единственное различие состоит в более частых ограничивающих определениях:

The morning slipped away pleasantly, with a useful and entertaining lecture sandwiched between two spells of idling **in the sun**. (E. Lemarchand)

I really had to move over to this side, **out of the sun**. (E. Lemarchand)

A pleasant cool breeze was clearing **the sky**. (E. Lemarchand)

It was a clear night, with the stars in their myriads twinkling brightly; **the sea** was rough, and in the darkness the waves looked enormous. (S. Maugham)

The flat sea was shining like polished steel. (S. Maugham)

They sang lustily with rich deep voices and the sound traveled over **the peaceful sea**. (S. Maugham)

There was not a cloud in the sky, and the sun beat down on **the shining sea**. (S. Maugham)

Later, by changing boats at the Fondamenta, they returned to the “Penelope” by water in the magic of **the evening light**. (E. Lemarchand)

Passengers with cabins on the port side tended to wake first as **the bright light** filtered in. (E. Lemarchand)

Rather glad of the chance of some time on her own, Olivia prospected carefully and finally settled herself in a secluded spot on **the Boat Deck** with a copy of “Emma”. (E. Lemarchand)

The sailors were swabbing **the upper deck**. (S. Maugham)

Suddenly the noisy dragging of a chair **across the deck** to within a few feet of her own roused her. (E. Lemarchand)

До сих пор анализу подвергались нарицательные существительные, составляющие самую многочисленную их всех лексико-грамматических категорий существительных. Но поскольку было заявлено, что когнитивный подход к артиклевому дейксису не учитывает категоризацию имен, то целесообразно предположить, что использование имен собственных в речи может быть сходным с именами нарицательными. Иначе говоря, выводы, сделанные в отношении артиклевого дейксиса нарицательных существительных могут быть верны и для имен собственных.

Хотя считается, что имена собственные, в зависимости от назначения, употребляются либо без артикля, либо с определенным артиклем, анализ различных произведений речи свидетельствует о значительно большей вариативности.

Хотя по определению имена собственные используются для идентификации и индивидуализации людей и потому не должны требовать дополнительного действительного обозначения, различные факторы могут обуславливать их употребление с неопределенным или определенным артиклями. По аналогии с нарицательными существительными, обозначающими либо определенное, либо неопределенное представление о предмете, употребление личных имен может подчеркивать, например, что другие участники коммуникативной ситуации не имеют никакого представления о человеке, о котором идет речь. В этом случае и употребляется неопределенный артикль:

If **a Mrs Hillier** phones, say I'm away on a trip.

The name of the firm, Ullswater and York, had no geographical connotation. There was **a Mr Ullswater** and **a Mr York**, partners. Mr Ullswater, by far the elder of the partners, had now almost retired. Martin York was a rounded-faced, square-cut man of about forty. (M. Spark)

Неопределенный артикль, как обычно выполняет свою классифицирующую функцию, указывая на единичность, так как имеется в виду один человек, носящий такую фамилию. Кроме того, неопределенный артикль перед личным именем может указывать и на множественность, когда подразумевается любой представитель какой-либо семьи. В таких случаях артикль синонимичен неопределенному местоимению *any*:

And every now and then **a Forsyte** would come up, sidle round and take a look at him. (J. Galsworthy)

Употребление артиклей с именами собственными может указывать на сужение их значений в связи с изменением их статуса, когда они переходят в разряд нарицательных. Совершенно естественным является метонимическое использование имени известного художника в отношении его картины. Безусловно, оно становится конкретным и исчисляемым и получает возможность употребляться как с неопределенным, так и определенным артиклем. Ср.:

Amedeo Modigliani is an Italian painter and sculptor influenced by Toulouse-Lautrec, Cezanne, and Picasso. (Longman)

The Steen, Dagliesh remembered had **a Modigliani**. It was not **a well-known painting**, not did it represent the artist at his best, but it was, undeniably, **a Modigliani**. It hung in the first-floor boardroom, the gift of a former grateful patient, and it represented much that the clinic stood for in the public eye.

The Modigliani was out of place in the Boardroom but not aggressively so. (P.D. James)

Сравнительный анализ словарной фразеологии существительных различных лексико-грамматических категорий и их употребления в речи показывает значительно более широкую дейктическую вариативность последнего. Независимо от их статуса, каждая их форм артикля неизменно свидетельствует о соответствующем мыслительном процессе и представлении о предмете (человеке, вещи, явлении), заключенном в имени. Каждый из этих трех процессов может принимать различные формы и потому требует отдельного рассмотрения.

3. Лингвостилистический анализ артиклевого дейксиса в художественной речи

До сих пор в центре нашего внимания находились семиотические свойства английских артиклей, т.е. обозначение основных мыслительных операций сознания говорящих. Однако нередко к ним присоединяются и метасемиотические или стилистические функции. Это происходит, когда говорящий или пишущий считает необходимым усилить или подчеркнуть результаты отвлечения, классификации и индивидуализации. Стилистическое функционирование, в основном, распространено в художественной речи, поскольку это помогает автору в создании более выразительных средств и произвести необходимое эмоциональное воздействие на читателей.

Критерии, с помощью которых можно провести границу между стилистически нейтральным, собственно дейктическим назначением артиклей и их стилистическим функционированием, представляют собой несоответствие реальных употреблений артиклей грамматическим данным словарей, во-первых, и – общим правилам, приводимым в учебниках, во-вторых. Чтобы их проиллюстрировать, обратимся сначала к материалу, который мы уже рассматривали с дейктической точки зрения.

В соответствии с первым критерием, употребления существительных *sun*, *moon*, *sky* и *sea* с определенным артиклем являются стилистически нейтральными – широко распространенными, нормализованными, естественными, так как они полностью соответствуют словарным данным и иллюстративной фразеологии. Что же касается употребления нулевого артикля с этими именами, его уже можно считать стилистическим, так как обозначаемое им отвлеченное представление реализуется в стилистически окрашенных значениях. Для авторов неважны постоянные физические свойства этих объектов окружающего мира, которые можно наблюдать ежедневно. Цель их, напротив, состоит в том, чтобы привлечь внимание читателей к их экстраординарности, широте, необычности и заставить вообразить огромное небо, сливающееся с безбрежным морем, и много-много солнца.

Подобным образом, неопределенный артикль перед этими существительными усиливает их классифицированные значения: он подчеркивает индивидуальное восприятие самого автора или персонажа, соответствующее настроению, которое может быстро измениться. Такие употребления нетипичны, о чем свидетельствуют данные словарей. Исключение составляет слово *sky*, которое довольно часто реализует свое классифицированное значение, как в повседневной разговорной речи, так и в официальных сводках о погоде: *a clear blue sky, a cloudless sky*. По-видимому, это связано с интересом человека к погоде, которая имеет обыкновение часто меняться, и в этом смысле состояние, цвет неба является первым показателем.

Второй критерий стилистического функционирования артиклей требует детального анализа всякого рода отклонений от правил, характеризующих обычную, нейтральную речь, что могло бы внести ясность в многочисленные случаи вариативного использования артиклей в художественной речи.

Согласно одному из самых основных правил, первое указание на человека, предмет или явление требует при существительном (неисчисляемом) неопределенного артикля. И это, действительно, является наиболее естественным началом любого литературного повествования:

One sunny afternoon in the autumn of the year 1861 **a soldier** lay in a clump of laurel by the side of a road in western Virginia. (A. Bierce)

It was **a quiet, shady street, on a Sunday afternoon**, and the houses, set back on long lawns, looked closed up, deserted. A few people were walking on the street, under the trees, and some children were playing in an empty lot next to **a small apartment building**. **A car** passed me, and just then **a dog** ran out into the street... (M. Schorer)

Then he turned away, searching his pockets until he found **a crumpled pack of cigarettes**. Livia studied him, wondering at his quick change in mood. (A. Thorne)

Тем не менее, встречаются и такие случаи, где это правило не соблюдается. Например:

Mr Martin bought **the pack of Camels** on Monday night in the most crowded cigar store on Broadway. It was theatre time and seven or eight men were buying cigarettes. The clerk didn't even glance at Mr Martin, who put **the pack** in his overcoat pocket and went out. If any of the staff at F @ S had seen him buy **the cigarettes**, they would have been astonished, for it was generally known that Mr Martin did not smoke, and never had. No one saw him. (J. Thurber)

Как следует из приведенного отрывка, автор не проводит различий между первым и последующими употреблениями существительного

pack, так как на это есть конкретные причины. Он считает необходимым сразу же привлечь внимание читателей к предмету, которому в рассказе уготована существенная роль и потому без грамматических предисловий индивидуализирует его. В последствии становится ясным, что, покупая ту самую пачку сигарет, герой рассказа, замысливающий преступление, хочет обеспечить себе надежное алиби.

Похожий случай эмфатического употребления определенного артикля представлен в следующем отрывке, на этот раз не из художественного текста, а литературно-критического:

While Miss Austen was delineating the restricted life of a provincial lady, Scott, taking eight hundred years of Scots, English and French history as his province, was changing the whole course of the novel throughout Europe. Indeed, he was *the European novelist*, as Byron was *the poet*, and a later generation of novelists, Balzac, Dumas, and the Russians among them, were to look back to him as a father.

Здесь выделенные курсивом определенные артикли намеренно используются автором, чтобы подчеркнуть исключительность литературных талантов Байрона и Скотта. Если в предыдущем отрывке определенный артикль замещал, а точнее, взял на себя функции указательного местоимения, то в данном тексте он, фактически, выступает эквивалентом целого ряда усилительных фраз: великий поэт, поэт среди поэтов, поэт с большой буквы и т.д. Аналогичные описательные обороты включают слово *романист*.

Нарушение основного правила может выражаться и в обратной последовательности употребления артиклей, что демонстрирует следующий отрывок:

She made the girls a doll's house out of a tea-chest – anguished secret hours with plywood and saw and hammer and tacks and battered fingers. Wallpaper remnants, carpet offcuts and real pictures on the walls, in tiny photograph frames. She was *the good mother*. All right, so they didn't have holidays in Spain or Greece, but they had a dolls' house. They had *a mother* who fetched them from school, who helped them with their homework, who paid attention. (P. Lively)

С одной стороны, у автора есть все основания представить референт в индивидуализированном виде, так как о нем косвенно шла речь в предшествующем предложении. С другой стороны, определенный артикль используется здесь не только дейктически, но и в усилительных целях, чтобы подытожить сказанное. Эмфазу поддерживает и неопределенный артикль, который усиливает семиотическое значение сравнения

как разновидности классификации. Таким образом, читатель должен сделать вывод о том, что не все матери одинаковы, не все они уделяют столько внимания своим детям. Вполне естественно, что синтаксическое положение существительного в обоих случаях соответствует выбору артикля. В случае изменения дейктической организации обоих высказываний изменилось бы и их синтаксическое построение.

Бывает, что повествование в художественном произведении ведется как бы от лица персонажа, и поэтому выбор артиклем отражает его индивидуальное восприятие мира, степень знакомства с тем или иным явлением. Разберем в этой связи следующий отрывок:

The trees thinned out. There was a clearing. And there in the clearing, leaned up against a rock reading a newspaper, with a sandwich in one hand and a can of Coke alongside, was **a man**. **A long, rangy man** in ubiquitous Aussie gear – shirt, shorts and knee socks. Myra prepared to walk tactfully past.

He looked up. 'Hi, there,' he said. 'Enjoying the trip?'

She put two and two together. Of course. The driver. (P. Lively)

Героиня рассказа путешествует на экскурсионном автобусе по окрестностям Сиднея. Во время одной из остановок на природе она идет прогуляться в небольшой лесок и там встречает мужчину, который заводит с ней непринужденный разговор. Ей требуется некоторое время, чтобы узнать в нем водителя автобуса, и пока это не произошло, она держится настороженно. По-видимому, этот мысленный процесс узнавания передается с помощью намеренного усилительного употребления неопределенного артикля.

Рассмотрим еще несколько случаев несоответствия употребления имен с различными формами артикля общим правилам и тенденциям в английском языке, в частности такие употребительные существительные, как *man* и *woman*:

- 1) **Man** that is born of **woman** hath but a short time to live. (The Bible)
- 2) 'Bless you, George,' said Miss Brimly, **woman** enough to believe him. (J. Le Carre)
- 3) Then Maxim had turned and glanced at me, caught my eye and smiled, and as I looked into his face I heard, falling into my head as clearly as drops of water falling on to stone, '**That man** is a murderer. He shot Rebecca. That is **the man** who killed his wife,' and for one terrible moment, staring at Maxim, I saw a stranger, **a man** who had nothing to do with me, **a man** I did not know. (S. Hill)

Эти отрывки отражают в той или иной мере действие обоих критериев стилистического использования артиклей, так как в них обнаруживается и несоответствие выбора артикля словарным данным об их час-

тотности, что показывают первые два примера, а также несоблюдение правил в третьем примере.

Первый случай демонстрирует возвышенное употребление существительных *man* и *woman* в Библии как противопоставленных друг другу отвлеченных понятий и тем самым существенно отличается от повседневного. На первый взгляд, привлекает внимание гендерное противопоставление мужчин и женщин, но главным оказывается другое – противопоставление дающих жизнь бога и женщины, а, в конечном счете – смертных людей и бессмертного бога. Таким образом, можно сформулировать отвлеченное значение слов *man* и *woman* – «смертность, слабость, зависимость» в подразумеваемой оппозиции слову *God* в значении «бессмертие и могущество». Безусловно, выражению такого смыслового контраста в немалой степени способствует значимое отсутствие артикля.

Во втором примере, который представляет собой диалог между мужчиной и женщиной, за употреблением слова *woman* стоит совсем другое представление. Хотя сохраняется гендерное противопоставление, от целостной категории «женщина» отвлекается специфическое, по понятиям автора, представление о ней, а именно проявление интуиции и проницательности, которые так удивляют мужчин. Это значение усиливается с помощью нулевого артикля.

Третий отрывок характеризуется нарушением привычного порядка следования артиклей. Сначала референт – муж героини, от имени которой ведется повествование, индивидуализируется в усиленной форме – с помощью указательного местоимения и определенного артикля, а затем неожиданно классифицируется, о чем свидетельствует неопределенный артикль. Стилистически, такой порядок следования артиклей помогает автору подчеркнуть резкое отчуждение героини от мужа, вызванное размышлением о его прошлом, точнее новым взглядом на него: она с ужасом видит в нем совершенно чужого человека. В результате, семиотически, неопределенный артикль обозначает процесс сравнения разных представлений об одном человеке, а стилистически – усиливает его.

В том же романе есть похожий эпизод, описывающий возвращение героини в Англию после долгого пребывания за границей. Она не испытывает радости при встрече с родными местами, так как туда ее привели экстренные причины. Она вдруг осознает, что совсем в недавнем прошлом, находясь на чужбине, она, тем не менее, была счастлива и спокойна, а сейчас ее жизнь превратилась в тревожное ожидание. Этот контраст между прошлым и настоящим в душе героини убедительно передает образ моря, основанный на сравнении Ламанша (Английского канала) и французской Атлантики, на побережье которой она провела

много лет. Погода в Англии не была приветливой, на море разыгрался шторм, и эта мрачная картина рисуется героиней во всех деталях, в индивидуализированном виде, поэтому существительные, используемые в этом описании, в том числе *sea*, употребляются с определенным артиклем. Но когда среди безрадостных мыслей о настоящем появляются светлые воспоминания о совсем другом, далеком море, спокойном и полном красок, автор подчеркивает эту разницу не только с помощью соответствующих лексических средств, но и выбора неопределенного артикля:

As we set off for the church there had been skeins of mist weaving in and out of the trees, dissolved by the sun even as we watched, as the frost was melted by it, and I had instinctively looked over to where I knew that, miles away, **the sea** lay. When we had arrived at Dover on the previous evening it had already been dark, and coming across the channel **the sea had simply been dull, grey and heaving** about outside the ship's windows, so that in a curious way, I had no real sense of its being **the sea** at all: and then the car had sped up away, and on to the long road.

In spite of all that it had meant to us for ill, all the harm it has caused, I had missed the slow drag of it up the beach, the hiss and suck over the pebbles, the crash of it, smacking down on to the shore of the cove – the fact that it was always there, sensed even through the densest fog that muffled every sound, and that whenever I wanted to I had been to go down and simply look at it, watch its movement, the play of its light upon it, see it change, the shadows shift, the surface roughen. I had often dreamed of it, dreamed that I had gone there at night when it was calm and still and gazed from some place above down upon the moonlit water. **The sea we had lived close to and walked beside at times during our exile was a tideless, glittering sea, translucent, brilliantly blue, violet, emerald green, a seductive, painted sea, quite unreal.** (S. Hill)

Наконец, когда повествование достигает кульминации, существительное *sea* уже употребляется с нулевым артиклем. Однако на этот раз оно реализует, главным образом, метафорическое значение – «несчастье, страдание и риск большой потери», все то, перед чем оказалась героиня. Интересно, что оно противопоставляется слову *rock* в переносном значении – «помощь, поддержка». Вместе с тем можно утверждать, по-видимому, что сохраняется и прямое значение этих слов, а это означает полифонию:

But to me he had been more, **a rock** when I had believed that all around me was **swirling, raging sea** and I about to drown in it. (S. Hill)

В рассмотренных отрывках артиклевый дейксис существительного *sea* играет важную стилистическую роль, усиливая индивидуализированное, сравнительное и отвлеченное представления о море, активно участвуя в создании образности.

Еще одну разновидность несоответствия выбора артикля правилам в речи можно увидеть в случае употребления неопределенного артикля вместо определенного, который всегда ожидается при ситуативно обусловленной известности референта:

Dr Murray stayed where he was, an amiable man in his mid-thirties, with fresh complexion, light brown hair and a nice smile. He smiled as Rosie asked, 'Are you staying?'

'I've got **a wife**, expecting me home, but I'll have a cup of coffee if there's one going.' (J. Donnelly)

And now, facing the building, he stood in the corner, formed by the two walls, one foot on the ledging of each, **a hand** on the shoulder-high indentation of each wall. His forehead was pressed directly into the corner against the cold bricks, and now he carefully lowered first one hand, then the other, perhaps a foot farther down, to the next indentation in the rows of bricks. (J. Finney)

В первом случае в речи доктора Мюррея довольно необычным является употребление слова *wife* с неопределенным артиклем, когда он имеет в виду *свою* жену, и потому требуется соответствующая синтаксическая конструкция. Такой выбор способствует комическому эффекту, который говорящий хочет произвести на собеседницу. Эта шутка помогает ему принять приглашение своей пациентке и заодно сообщить ей, что он женат.

Во втором отрывке тон повествования совершенно серьезен, и описываемая ситуация довольно драматична. Герой рассказа пытается спасти листок бумаги с важными сведениями, которые было бы сложно восстановить, рискуя упасть с одиннадцатого этажа. Необычное употребление слова *hand* (а также и *foot*) можно объяснить, если принять во внимание саму необычную ситуацию – человека, ползущего по узкому выступу за окном. Задача автора состоит в том, чтобы привлечь внимание к его медленным, поочередным движениям рук и ног, а не индивидуализировать их. Поэтому получает усиление классификация.

Иногда стилистическое функционирование артиклей сопровождается нарушением особенно строгих грамматических ограничений. Так, согласно одному из них, существительные, обозначенные в словаре как неисчисляемые, не могут употребляться с неопределенным артиклем. Это означает, что в сознании говорящих на данном языке отсутствует классифицированное представление о предмете мысли, но существуют

отвлеченные и индивидуализированные представления о нем. В обычной, повседневной речи случаи нарушения такого правила воспринимаются как проявления неграмотности или небрежности. Однако если такое встречается в речи художественной, и, особенно, у известных авторов, требуется детальный анализ. Приведем пример «пренебрежения» правилом из романа «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда:

Music had stirred him like that. Music had troubled him many times. But music was not articulate. It was not a new world, but rather another chaos, that is created in us. Words! Mere words! How terrible they were. How clear, and vivid, and cruel!! One could not escape from them. And yet what **a subtle magic** there was in them! They seemed to be able to give a plastic form to formless things, and to have **a music of their own** as sweet as that of viol or lute. Mere words! Was there anything so real as words?

В этом страстном внутреннем монологе персонаж обращается к творческому потенциалу и красоте слов, сравнивая их с волшебством и музыкой. Существительные *music* и *magic* приобретают у О. Уайльда метафорические, классифицированные значения, которых нет в системе языка. Так, *a magic* означает какую-то волнующую, непостижимую тайну, а *a music* – необыкновенно красивое звучание слов, при этом оба имени имеют описательные определения, которые подчеркивают классификацию. Автор не имеет в виду музыку и магию как явления или процессы в целом, а только одно их общее качество – способность вызывать невыразимый восторг и удовольствие. Именно с помощью такого представления о них он и классифицирует силу слова, сравнивая их. Можно сделать вывод о том, что такие намеренные вольности с грамматикой дали возможность автору употребить всем знакомые слова в новом значении и произвести сильное стилистическое воздействие на читателей. И чем смелее отклонение от нормы, тем значительней художественный эффект.

Тем не менее, как показывает материал, такие употребления нельзя считать индивидуально авторскими, поскольку аналогичные примеры можно встретить, например, и у С.Мюэма:

Ah Kay lit himself a cigarette, and taking an odd, stringed instrument, something like a banjo, amused himself by playing softly. The thin notes straggled along the air, disconnected sounds they seemed, as if now and then you heard the beginning of a melody, it was not completed and your ear was deceived; it was **a slow and plaintiff music**, as incoherent as the varied scents of flowers, and it seemed to offer you but indications, a hint here and there, the suggestion of a

rhythm, with which to create in your own soul **a more subtle music** than ears could hear.

В настойчивых употреблении слова *music* как исчисляемого можно усмотреть попытку авторов представить это понятие в полном виде, расширить его за счет включения в систему более узкого (по сравнению с отвлеченным) классифицированного представления. В этом случае дейктическая ориентация этого слова была бы законченной.

Имена собственные также могут приобретать стилистическую окрашенность с помощью артиклевых дейксиса в случаях нарушения общепринятого употребления, узаконенного в словарях и грамматиках, и поэтому критерии остаются прежними. Естественно, что предметом изучения будут те из них, которые, обычно используются в стилистически нейтральной речи без артикля. Как только они приобретают выраженный артикль, это следует рассматривать как целевое стилистическое воздействие. Так, например, когда требуется усиление индивидуализации, выражаемой именем собственным, с целью подчеркнуть какие-либо отличительные черты характера конкретного человека, в художественной речи его имя нередко употребляется с определенным артиклем и соответствующим ограничивающим определением впереди или после него:

The startled Jolyon set down his barley water... (J. Galsworthy)

I was about to revert to the probability of a union between Mr. Rochester and **the beautiful Blanche**... (Ch. Bronte)

'I wonder, will Lydia be at Rowsley?' said Kitty, who was cheered by this reminder that a sister closer to her in temperament than **the wise and sweet Jane**, or **the clever, thoughtful Lizzy**, could be was to come into the vicinity. (E. Tennant)

"In the strange anomaly of my existence, feelings with me, had never been of the heart, and my passions always were of the mind... and I had seen her – not as **the living and breathing Berenice**, but as **the Berenice of a dream**... (E. Poe)

Ограничивающее определение может быть выражено придаточным предложением или причастным оборотом:

His thoughts, which were largely on **Carrie**, were like the chronic physical discomfort of flu or some gastric complaint. Indeed he was, he decided, ill – emotionally ill. But **the Carrie of whom he thought, detached from any known setting, was unreachable, removed by distance as finally as though by time**. (P. Lively)

С другой стороны, определенный артикль у имени собственного и при отсутствии определений может оказаться не менее усиливающим индивидуальные черты человека. Например:

Once upon a time, we must believe, there was a rule, a discipline, which controlled the great republic of readers in a way which is now unknown. This is not to say that **the great critic – the Dryden, the Johnson, the Coleridge, the Arnold** – was an impeccable judge of contemporary work, whose verdicts stamped the book indelibly and saved the reader the trouble of reckoning the value for himself. The mistakes of these great men about their own contemporaries are too notorious to be worth recording. But the mere fact of their existence had a centralizing influence. (V. Woolf)

В этом примере имена собственные называют представителей класса великих литературных критиков, авторов с большой буквы, поэтому и существительное, обозначающее весь класс в целом, и каждый его представитель обозначаются определенным артиклем, что является сильным усилительным средством индивидуализации.

Кроме определенных артиклей имена собственные допускают и неопределенные артикли, что представляет собой особое явление. Это происходит, когда говорящий или пишущий классифицирует кого-либо, указывая на сходство с другим, имя которого и употребляется с неопределенным артиклем для сравнения. В этот момент имя перестает быть собственным, так как оно уже не называет человека, а только указывает на некоторое сходство с другим. В результате создается стилистический прием антономазии:

Reviewers we have but no critic; a million competent but no judge...

Nowhere shall we find the downright vigour of **a Dryden**, or **Keats** with his fine and natural bearing, his profound insight and sanity, or Flaubert and the tremendous power of his fanaticism... (V. Woolf)

‘I don’t pretend to be a great painter,’ he said. ‘I’m not **a Michael Angelo**, no, but I have something.’ (S. Maugham)

Swithin smiled and nodding at Bossiney said “Why, you are quite **a Monte Cristo**”. (J. Galsworthy)

Когда же подчеркивается не частичное сходство двух людей, а их точное подобие, то антономазия выражается именем с определенным артиклем:

He was **the Byron** of his age.

Virgil was **the Homer** of the Romans.

Elliot, the costume too large now for his emaciated frame, looked like a chorus man in an early opera of Verdi’s. **The sad Don Quixote** of a worthless purpose. (S. Maugham)

Стилистическая вариативность артиклевого дейксиса наблюдается и в других разрядах имен собственных, которая также усиливает то или иное представление о предмете мысли. Например:

‘...They like to think that Italy is like my pictures. That’s what they expect. That’s what I expected **Italy** to be before I came here.’

And I think that was the vision that had remained with him always, dazzling his eyes so that he could not see the truth; and notwithstanding the brutality of fact, he continued to see with the eyes of the spirit **an Italy of romantic brigands and picturesque ruins**. It was an ideal that he painted – a poor one, common, and shop-soiled, but still was an ideal; and it gave his character a definite charm. (S. Maugham)

Everything seemed to lack love, lack care. We had struggled to pick over the meal and had said very little once we had come upstairs, only murmured this and that, nothing of consequence, remarks about the journey, the dreary tedious miles across **a sad, grey Europe**. (S. Hill)

Проведенное когнитивное и лингвостилистическое исследование артиклей на материале английской художественной речи позволило выявить их способность совмещать семиотические и стилистические функции. Несмотря на служебный характер, артикли в немалой степени способствуют выразительности речи и, что существенно, в особенно экономичной форме.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

- Бархударов Л.С., Штелинг Д.А.* Грамматика английского языка. М., 1973.
Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
Лингвистический Энциклопедический Словарь. М., 1990.
Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
Тьмчук Е. В. Артикль и межкультурная коммуникация. М., 2005.
Blokh M. A Course in Theoretical English Grammar. М., 1994.
Jespersen O. Essentials of English Grammar. London, 1946. Language. Its nature, Development and Origin. London, 1949.
Linguostylistics: theory and method / Edited by Olga Akhmanova. MGU, 1972.
Longman Dictionary of Language and Culture, 2000.
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2002.
Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford University Press, 2005.
Longman Grammar of Spoken and Written English, 1999.
Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvic J. A Grammar of Contemporary English. London, 1972.

Динамика эксплицитной и имплицитной семиотики в развернутых произведениях речи деловой направленности¹

© Б. В. Буданова, 2007

Предлагаемая статья является третьей в цикле статей, посвященном онтологии знаковости в деловом общении на современном английском языке. В первой статье – «Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке»² – исследовалась устная речь, представленная диалогами и полилогами деловой направленности. Ключевой полилексемный термин «семиотика коммуникантов», использованный в названии, определяется как «семиотически значимые характеристики участников ситуации общения»³. В статье детально разъясняется суть метода семиотической стратификации, заключающегося в последовательном выявлении в аутентичных высказываниях деловой направленности таких единиц, которые передают («сообщают»), как этого требует филологическая семиотика (Назарова 1990, 1994, 2006), обобщенные инвариантные содержания, а именно:

- указание на принадлежность коммуникантов миру бизнеса, актуализируемое общеупотребительной терминологией английского языка делового общения (e.g. client, competitor, customer base, recession, sales manager, service, supplier),
- и
- конкретизация предпринимательской отрасли (области, сферы) с опорой на разные виды специализированной бизнес-терминологии.

Во второй статье – «Онтология знаковости в англоязычной деловой корреспонденции»⁴ – объектом исследования стала письменная форма делового общения и такая ее распространенная разновидность, как деловая корреспонденция на английском языке. Применение метода семиотической стратификации к многообразию деловых писем позволило выявить совокупность единиц, выполняющих знаковую функцию, т.е. указывающих а) на связь письменных высказываний с деловым миром и б) на принадлежность говорящих определенной отрасли. Изучение деловых писем также показало, что некоторые слова и сложные эквива-

¹ Под редакцией д. филол. н., проф. Т.Б. Назаровой.

² См.: Т.Б. Назарова, Б.В. Буданова. Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2006. – Вып. 32. – С. 43 – 50.

³ А.Н. Баранов, М.Н. Добровольский (ред.). Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 321.

⁴ См.: Т.Б. Назарова, Б.В. Буданова. Онтология знаковости в англоязычной деловой корреспонденции // Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2007.

ленты слова, не обладая знаковостью на уровне языковой системы, обнаруживают знаковые свойства в речи, указывая на принадлежность коммуникантов одной из двух англоязычных культур – британской или американской. Этот процесс обозначается термином «семиотизация» и определяется как «приобретение незнаковой сущностью функций знака»⁵.

Продолжая линию исследования, намеченную в двух предыдущих статьях, обратимся к новой разновидности материала, включающей восьмистраничные тексты серии **Executive Book Summaries**, создаваемые американской компанией **Soundview** для делового сообщества и посвященные актуальным проблемам деловой жизни. Ниже приводятся отрывки из аутентичного текста **The Responsibility Virus**:

The key tool for directors is to use the Responsibility Ladder to guide their thinking. The board must internalize the reality that no single level of responsibility is right for all choices. Sometimes the board wants recommendations, sometimes it wants the CEO to take action without consultation. The trick is to know what decisions belong on what level.

The first major cost of the Responsibility Virus is that it undermines the capacity for genuine, productive collaboration. Diminished collaboration among employees means that companies don't benefit from economies of scale as they grow and globalize. Large projects can't be integrated without taming the virus. The virus also undermines collaboration with other firms, customers and suppliers.

The Virus infects corporations and nonprofit organizations large and small, with devastating costs for the institution and its employees. The heroic leader is one who takes on more responsibility than he or she can handle, while the passive follower doesn't take on enough responsibility. One cannot exist without the other. Heroic leaders are convinced their passive followers can't handle responsibility so they shoulder the burden while passive followers sense that responsibility is being taken away and withdraw further. But there is a cure.

Присутствие в рассматриваемом развернутом высказывании большого числа общеупотребительных терминов английского языка делового общения не является случайным. Эта разновидность терминологии указывает на принадлежность произведения речи миру бизнеса: **company** – an organization that makes or sells goods or services in order to make a profit; **customer** – a person or organization that buys goods or services from a shop or company; **corporation** – a company registered under the

⁵ А.Н. Баранов, М.Н. Добровольский (ред.). Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 321.

Companies Act; a large company or a public organization; **cost** – the expenditure on goods or services required to carry out the operations of an organization; **employee** – a person who is paid to work for sb; **price** – the amount of money for which a particular kind of goods or services is bought or sold; **presentation** – a talk or report by a company executive that introduces a new product or service to an audience of specialists in the field or potential investors; **firm** – a company or business, especially one which is quite small; **supplier** – a person or organization that provides necessary goods or commodities.

Последовательное использование ключевой бизнес-терминологии представляет собой пример эксплицитной семиотики, т.е. такой знаковости, которая носит системный характер и находит эксплицитное выражение в развернутом произведении речи.⁶

К названной разновидности семиотики относятся и орфографические варианты, воспроизводимые в тексте и отчетливо сообщающие читающему о принадлежности принятого в исследуемом материале речепотребления к американскому английскому. Обратимся к высказываниям, в которых написание слов создает знаковую ситуацию:

The reason behind your harmful **behavior**? (Ср.: BrE behaviour) | When Michael meets with Caroline, he's alarmed by her **demeanor**. (Ср.: BrE demeanour) | The Virus infects corporations and nonprofit **organizations** large and small, with devastating costs for the institution and its employees. (Ср.: BrE organisation).

В приведенном материале существительные, выделенные полужирным, имеют в языковой системе регионально-маркированные орфографические варианты: противопоставление осуществляется по линии «британский английский – американский английский».

В следующих высказываниях полужирным выделены глаголы, также имеющие британские орфографические варианты:

Long-term, he needs to **stabilize** the magazine's revenue base by increasing the number of ad pages per issue and by increasing the average ad price. (Ср.: BrE stabilise) | That would have constituted productive collaboration and **utilized** both their skill-sets in combination to produce an outcome superior to the outcome of either working alone. (Ср.: BrE utilise) | The choice is framed when a minimum of two mutually exclusive options are identified that would **neutralize** the problem. (Ср.: BrE neutralise).

⁶ Ср.: «Эксплицитный – выраженный формально». А.Н. Баранов, М.Н. Добровольский (ред.). Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 133.

В тексте **The Responsibility Virus** встречаются и другие глаголы, написание которых сообщает о региональной принадлежности текста:

At the same time, as you burden grows you begin to **harbor** resentment. (Ср.: BrE harbour) | Since the parties don't **inquire** into the reasoning and motivation of one another, they must fill in the blanks by guessing. (Ср.: BrE enquire).

Аналогичный пример эксплицитной семиотики демонстрирует прилагательное, выделенное полужирным в следующем предложении: Misunderstanding, mistrust and resentment eventually bring about **organizational** rigidity. (Ср.: BrE organisational). Чередование букв z и s является системным и регионально-маркированным.

Выше обращалось внимание на две разновидности эксплицитной семиотики, носителями которой выступали ключевые бизнес-термины, с одной стороны, и орфографические варианты полных слов, с другой стороны. На следующем этапе рассмотрения материала необходимо еще раз вернуться к бизнес-терминологии, поскольку некоторые ее составляющие проявляют в речи способность не только указывать на мир бизнеса, но и идентифицировать англоязычную бизнес-культуру, в которой текст создан. Имеются в виду бизнес-термины, обнаруженные в следующих высказываниях:

The Virus infects **corporations** and nonprofit organizations large and small, with devastating costs for the institution and its employees. (Ср.: BrE company) | Ned is the 71-year-old founder, chairman and principal **stockholder** of the STG empire. (Ср.: BrE shareholder).

В американском и британском вариантах английского языка термин corporation имеет разные значения: "In *AmE*, but not *BrE*, the word **corporation** is used after the name of a business to show that it has been incorporated. In *BrE*, the word corporation is usually used for foreign or international companies or public organizations"⁷. Что же касается термина stockholder, то он во всех авторитетных одноязычных толковых бизнес-словарях дается как американский, имеющий британское (и общеанглийское) соответствие shareholder.⁸

В развернутом произведении речи эксплицитная семиотика не ограничивается бизнес-терминологией и орфографией. Она может прояв-

⁷ New Oxford Business English Dictionary for Learners of English. – Oxford University Press, 2005. – P. 122.

⁸ См. напр.: New Longman Business English Dictionary. – Pearson Education Limited, 2000. – Pp. 445, 469; New Oxford Business English Dictionary for Learners of English. – Oxford University Press, 2005. – Pp. 502, 531.

ляться и на лексическом уровне – в используемых пишущим фразеологических единицах, как это происходит в следующих трех случаях:

As the new publisher of *Wapshot* magazine, he was hired **to turn** the magazine **around**. (Ср.: BrE to turn round) | Looked at **in light of** the governing values, collaboration becomes the very embodiment of the threat of failure. (Ср.: BrE in the light of) | Once responsibility is shared, we can no longer keep control of the recognition and rewards that accrue from winning; collaboration therefore **runs afoul** of the first governing value: *win, don't lose*. (Ср.: BrE to fall foul of).

Переходя к следующему этапу изучения материала, отмечу, что по мере обсуждения разных проявлений эксплицитной семиотики создавалось впечатление, что все грани знаковости в аутентичном высказывании распознаны, описаны и продемонстрированы. Так ли это на самом деле? Исчерпана ли картина знаковости, присущей развернутому произведению речи деловой направленности? Ограничивается ли она эксплицитной (системно-обусловленной и формально выраженной) семиотикой? Возможны ли здесь имплицитные⁹ проявления семиотики? Для ответа на каждый из сформулированных вопросов необходимо продолжить стратификацию текста, отделяя один пласт речупотребления от другого и тщательно анализируя его с точки зрения имплицитных (в отличие от эксплицитных / системно-обусловленных) семиотических свойств.

Обратимся к следующим высказываниям, в которых для целей исследования выделены полужирным определенные формы: “**I’m** disappointed that the numbers **haven’t** turned around but **I’m** confident in the new strategy you laid out in the last board meeting,” he begins. | The next day Dick gathers his team and tells them, “**We’re** going after the consumer market. Ned sees it as a priority.” | Collaboration occurs when “**we’re** in charge” not when “**I’m** in charge and **you’re not**.” | Her confidence is shaken, and she asks for help with a presentation **she’s** making to the advertiser to save the account. | ... Caroline begins to feel as if Michael **is** undermining her. | Fear of failure **is** personal, and **it’s** also universal. | Unfortunately, **it is** a model too many leaders today use. | Large projects **can’t** be integrated without taming the virus. | The greatest obstacle to collaboration is that as soon as the collaborative path is initiated, control is compromised, failure **cannot** be kept at arm’s length and embarrassment may ensue.

В приведенном материале стяжения (contractions) сосуществуют с полными формами (перечисляются в порядке появления): I’m (disap-

⁹ См.: «Имплицитный – не выраженный в явном виде». А.Н. Баранов, М.Н. Добровольский (ред.). Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 179.

pointed) | haven't (turned around) | we're (going after) | you're not | she's (making) | is (undermining) | is (personal) | it's (universal) | it is (a model) | can't (be integrated) | cannot (be kept). В языковой системе первые противопоставлены последним по линии informal vs formal, что подтверждается корпусными исследованиями.¹⁰ Сосуществование двух вариантов в одном тексте свидетельствует о намеренном смещении стилей, в большей степени характерном для американского речеупотребления.

Продолжим рассмотрение материала и обратимся к названию текста – **The Responsibility Virus**. Прежде всего необходимо заглянуть в авторитетные одноязычные корпусные словари, в которых перечислены типичные сочетания для каждого из двух полнозначных слов responsibility и virus:

the cold virus | virus infections | caused by a virus | She's got some virus. | computer virus

have/take/assume/accept responsibility for | have a responsibility to do sth | It is sb's responsibility to do sth. | moral responsibility | accept/take responsibility | sense of responsibility | a responsibility to sb | to do sth on your own responsibility | claim responsibility (for).¹¹

Оба слова отнесены корпусными лексикографами к частотной лексике. Сочетание the responsibility virus следует морфосинтаксической сочетаемости **noun + noun**, характерной для слова virus, например computer virus и the cold virus. Нарушена лексико-фразеологическая сочетаемость слова virus, а применительно к слову responsibility нарушены оба вида сочетаемости. Иначе говоря, в названии текста использовано новое и в высшей степени оригинальное («окказиональное» – Тер-Минасова 1981) словосочетание, которое, вне всякого сомнения, сообщает читающим не о воспроизведении единиц языка, а о намеренном речетворчестве. Есть ли здесь какие-либо основания для дальнейшего поиска проявлений имплицитной семиотики?

Для ответа на поставленный вопрос вернемся к тексту. Следует отметить, что речетворчество не сводится к оригинальному словосочетанию the responsibility virus: в тексте выявлены другие окказиональные сочетания и новые слова. Приведу материал, подтверждающий сказанное (полужирный мой. – Б.Б.):

¹⁰ См.: Longman Grammar of Spoken and Written English. – Pearson Education Limited, 1999. – Pp. 166, 1129 – 1131.

¹¹ См.: Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – 2nd edition. – Cambridge University Press, 2005; Longman Dictionary of Contemporary English. – New Edition. – Pearson Education Limited, 2005; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2002; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 7th edition. – Oxford University Press, 2005.

Those who are infected with the **over-Responsibility Virus** often see their efforts as heroic and come to view those they are rescuing as sheep who would be lost without those efforts. | The **over-responsible** party becomes disillusioned, bitter and angry. He reacts by becoming **under-responsible** while the other party then by necessity assumes more responsibility.

Перечислю первый ряд слов-неологизмов: over-responsibility (в сочетании the over-responsibility virus), over-responsible (the over-responsible party), under-responsible (reacts by becoming under-responsible). Приведу для сравнения устойчивые сочетания прилагательного responsible из авторитетных корпусных словарей: hold/find sb responsible (for sth) | be responsible (for sth) | responsible for an accident/mistake/crime/change/problem/ event | She may be only 14, but she's very responsible. | Schools have adopted a very responsible attitude towards the problem. | be responsible to sb | responsible for doing sth | responsible adult/citizen/person/job/position | Police are determined to catch the man responsible.¹²

Продолжу перечисление высказываний, в которых имеются слова, подтверждающие тезис о речетворчестве: Ultimately, the project fails or the company **underperforms** – but the law of Conservation of Responsibility continues to exert its influence. | The tool for breaking out of this **self-sealing** loop is the Frame Experiment. | That would have constituted productive collaboration and utilized both their **skill-sets** in combination to produce an outcome of their working alone. | This is the only way to maximize individual **choice-making** ability.

Следует остановиться подробнее на приставке under- в глаголе underperform (the company underperforms). В словарях Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English представлено в общей сложности 119 лексических единиц с данным префиксом, из них 23 – глаголы (e.g. underachieve, underestimate, underfund, underscore, undervalue, etc.).

Не менее продуктивна приставка self-, присутствующая в прилагательном self-sealing: авторитетные словари регистрируют более 126 лексических единиц с этим префиксом, например self-defeating, self-deluding, self-fulfilling, self-mocking, self-satisfied.

¹²Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – 2nd edition. – Cambridge University Press, 2005; Longman Dictionary of Contemporary English. – New Edition. – Pearson Education Limited, 2005; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2002; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 7th edition. – Oxford University Press, 2005.

Корпусные словари приводят следующие лексические единицы, близкие по форме слову *skill-set*: *tea set* | *a chess set* | *the smart set* | *the jet set* | *a social set* | *the top/bottom set* | *a TV set*.

Слово *choice-making* образовано по модели **noun + ing form** (ср. с такими существительными, как *cheese-making*, *cider-making*, *dress-making*, *film-making*, *money-making*, *policy-making* и *profit-making*).

Новые слова и словосочетания, отличаясь от зарегистрированных в словарях лексических единиц, создают знаковую ситуацию и указывают, как отмечалось выше, на речетворчество. Рассматривая все проявления речетворчества, целесообразно задать следующий вопрос: Можно ли утверждать, что моно- и полилексемные неологизмы совокупно, хотя и имплицитно, указывают на американский вариант языка, так как именно с ним исследователи связывают больший динамизм в использовании словообразовательных моделей? Учитывая то количество случаев эксплицитной семиотики, которое выявлено в рассматриваемом тексте, а также факт отсутствия приведенных выше единиц в толковых одноязычных корпусных словарях *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*, *Longman Dictionary of Contemporary English*, *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* и *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, можно ответить утвердительно на сформулированный вопрос.

Эксплицитная и имплицитная разновидности семиотики сосуществуют в рассматриваемом развернутом произведении письменной речи. Весьма важно в связи со сказанным обратиться к аудиозаписи, сопровождающей текст **The Responsibility Virus**. Устное воплощение многократно прочитанного материала открывает глаза на целый ряд проявлений знаковой, до этого этапа обойденных вниманием. В последующем изложении будут перечислены основные разновидности семиотики, которые, в отсутствие аудиокассеты, остались бы в имплицитном режиме: через большое количество частных случаев аудиозапись объективирует высказанные на первых страницах статьи наблюдения об эксплицитной и имплицитной семиотике.

Следует начать с такого явления, как назализация, которая, по признанию фонетистов, относится «к наиболее ярким фонетическим особенностям, отличающим General American от Received Pronunciation»¹³.

¹³ Имеется в виду артикуляция, «при которой воздушная струя частично выходит через полость носа. В специальной литературе это получило название *American twang*». Г.Г. Бондарчук, Е.А. Бурая. Основные различия между британским и американским английским. – М.: МГОУ, 1999. – С. 7. См. также: А.Я. Бронштейн. *The Pronunciation of American English*. – Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1960. – P. 217; Д.А. Шахбагова. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 20 – 24.

Следующей особенностью устного высказывания является [r]-образный оттенок и артикуляция [r] во всех позициях, где пишется буква r:

	аудиозапись	Longman Pronunciation Dictionary / LPD		Cambridge Pronouncing Dictionary / CPD	
		BrE	AmE	BrE	AmE
leader	'li:də	'li:də	'li:dər	'li:də ^r	'li:də
follower	'fa:ləʊə	'fɒləʊə	'fa:ləʊər	'fɒləʊə ^r	'fa:ləʊə
your	jɔ:r	jɔ:	jʊər, jɔ:r	jɔ: ^r	jʊr
customer	'kʌstəmə	'kʌstəmə	'kʌstəmər	'kʌstəmə ^r	'kʌstəmə
harmful	'hɑ:rmfʊl	'hɑ:mfʊl	'hɑ:rmfʊl	'hɑ:mfʊl	'hɑ:rmfʊl
behavior	bɪ'heɪvjə	bɪ'heɪvjə	bɪ'heɪvjər	bɪ'heɪvjə ^r	bɪ'heɪvjə
corporation	kɔ:pə'reɪʃən	kɔ:pə'reɪʃən	kɔ:rpə'reɪʃən	kɔ:pə'reɪʃən	kɔ:pə'reɪʃən
organization	ɔ:rgənɪ'zeɪʃən	ɔ:gənəɪ'zeɪʃən	ɔ:rgənə'zeɪʃən	ɔ:gənəɪ'zeɪʃən	ɔ:rgənɪ'zeɪʃən
large	lɑ:rdʒ	lɑ:dʒ	lɑ:rdʒ	lɑ:dʒ	lɑ:rdʒ
burden	'bɜ:dən	'bɜ:dən	'bɜ:dən	'bɜ:dən	'bɜ:dən
further	'fɜ:ðə	'fɜ:ðə	'fɜ:ðər	'fɜ:ðə	'fɜ:ðə
other	'ʌðə	'ʌðə	'ʌðər	'ʌðə ^r	'ʌðə
failure	'feɪljə	'feɪljə	'feɪljər	'feɪljə ^r	'feɪljə
advertising	'ædvətəɪzɪŋ	'ædvətəɪzɪŋ	'ædvətəɪzɪŋ	'ædvətəɪzɪŋ	'ædvətəɪzɪŋ

Регионально-нейтральные слова письменного высказывания (например, leader, follower, burden и др.) приобретают региональную маркированность в устном варианте, когда в звуковых оболочках лексических единиц появляется [r]-образный оттенок. Как видно из таблицы, приведенной выше, в британском произносительном варианте данный оттенок отсутствует.¹⁴

Следующий момент, имплицитно присутствующий в тексте и находящийся эксплицитно в аудиозаписи, – это регионально-

¹⁴ Здесь необходимо пояснить присутствие символа [r] в транскрипциях Cambridge Pronouncing Dictionary: "It is necessary to show, in British English entries, cases of potential pronunciation of /r/, mainly in word-final position; in other words, it is necessary to indicate, in a word such as 'car', that though the word when said in isolation does not have /r/ in the pronunciation (/kɑ:/), there is a potential /r/ which is realized if a vowel follows (e.g. in 'car owner'). This is indicated by giving the transcription as /kɑ:^r/, where the superscript /r/ indicates the potential for pronunciation." Introduction // Cambridge English Pronouncing Dictionary. – 16th edition. – Cambridge University Press, 2003. – P. xiv.

маркированное изменение качества гласных звуков, полностью совпадающее с данными авторитетных корпусных произносительных словарей:

	аудиозапись	LPD		CPD	
		BrE	AmE	BrE	AmE
follower	'fa:louə	'fɒləʊə	'fa:ləʊər	'fɒləʊər	'fa:ləʊə
colleague	'kɑ:li:g	'kɒli:g	'kɑ:li:g	'kɒli:g	'kɑ:li:g
responsible	rɪ'spɑ:n'səbl	rɪ'spɒn'səbəl	rɪ'spɑ:n'səbəl	rɪ'spɒn'səbl	rɪ'spɑ:n'səbl
office	'ɑ:fɪs	'ɒfɪs	'ɑ:fəs	'ɒfɪs	'ɑ:fɪs
cannot	'kæna:t	'kænɒt	'kæna:t	'kænɒt	'kæna:t
onboard	'ɑ:nbɔ:rd	'ɒnbɔ:d	'ɑ:nbɔ:rd	'ɒnbɔ:d	'ɑ:nbɔ:rd
drop	dra:p	drɒp	dra:p	drɒp	dra:p
confidence	'kɑ:nfɪdənts	'kɒnfɪdənts	'kɑ:nfɪdənts	'kɒnfɪdənts	'kɑ:nfɪdənts
shoulder	'ʃouldə	'ʃəʊldə	'ʃouldər	'ʃəʊldə	'ʃouldə
over	'əʊvə	'əʊvə	'əʊvər	'əʊvər	'əʊvə
owner	'əʊnə	'əʊnə	'əʊnər	'əʊnər	'əʊnə
can't	kænt	kɑ:nt	kænt	kɑ:nt	kænt
after	'æftə	'ɑ:ftə	'æftər	'ɑ:ftər	'æftə
ask	æsk	ɑ:sk	æsk	ɑ:sk	æsk
staff	stæf	stɑ:f	stæf	stɑ:f	stæf
cause	kɑ:z	kɔ:z	kɑ:z	kɔ:z	kɑ:z
withdraw	wɪð'drɑ:	wɪð'drɔ:	wɪð'drɑ:	wɪð'drɔ:	wɪð'drɑ:
caught	kɑ:t	kɔ:t	kɑ:t	kɔ:t	kɑ:t

Следующее регионально-маркированное явление, объективированное в устной форме, – это монофтонгизация дифтонга:

	аудиозапись	LPD		CPD	
		BrE	AmE	BrE	AmE
either	'i:ðə	'aɪðə	'i:ðər	'aɪðər	'i:ðə
neither	'ni:ðə	'naɪðə	'ni:ðər	'naɪðər	'ni:ðə
serious	'sɪriəs	'sɪəriəs	'sɪriəs	'sɪəriəs	'sɪriəs
fear	fɪə	fɪə	fɪər	fɪər	fɪr
organization	ɔ:rgəni'zeɪʃən	ɔ:ɡənəi'zeɪʃən	ɔ:rgənə-	ɔ:ɡənəi'zeɪʃən	ɔ:rgənɪ-
experience	ɪk'spɪəriənts	ɪk'spɪəriənts	ɪk'spɪr-	ɪk'spɪəriənts	ɪk'spɪrɪ-
direct	dɪ'rekt	dai'rekt	də'rekt	dɪ'rekt, dai-	dɪ'rekt
process	'prɑ:səs	'prəʊses	'prɑ:səs	'prəʊses	'prɑ:səs

В представленном материале региональная маркированность становится эксплицитной только в устном варианте рассматриваемого аутентичного текста. Исключением является слово organization, которое ре-

гиональную маркированность реализует и в письменной форме, отлича-
ясь написанием от британского соответствия.

При прослушивании аудиозаписи обращает на себя внимание одина-
ковое произношение звуков [t] и [d] в положении между гласными:

	аудиозапись	LPD		CPD	
		BrE	AmE	BrE	AmE
responsibility	rɪspɑ:n/sə'biləti	rɪspɒn'tsə'biləti	-spɑ:n'tsə'biləti	rɪspɒn/sə'biləti	-spɑ:n/sə'biləti
inevitable	ɪn'evɪtəbl	ɪn'evɪtəbəl	ɪn'evətəbəl	ɪn'evɪtəbl	ɪn'evɪtəbl
devastating	'devəsteɪtɪŋ	'devəsteɪtɪŋ	'devəsteɪtɪŋ	'devəsteɪtɪŋ	'devəsteɪtɪŋ
executive	ɪg'zekjətɪv	ɪg'zekjutɪv	ɪg'zekjətɪv	ɪg'zekjətɪv	ɪg'zekjətɪv
frantically	'fræntɪkəli	'fræntɪkəli	'fræntɪkəli	'fræntɪkəli	'fræntɪkəli
meeting	'mi:tɪŋ	'mi:tɪŋ	'mi:tɪŋ	'mi:tɪŋ	'mi:tɪŋ
immunity	ɪm'ju:nəti	ɪm'ju:nəti	ɪm'ju:nəti	ɪm'ju:nəti	ɪm'ju:nəti
utilized	'ju:təlaɪzd	'ju:tɪlaɪzd	'ju:təlaɪzd	'ju:tɪlaɪzd	'ju:təlaɪzd

С точки зрения орфографических оболочек указанных слов, гово-
рить о региональной принадлежности можно только применительно к
слову utilized. В остальных же случаях необходимо обращение к устной
форме.

Интересным является проявление двусторонней ассимиляции¹⁵, ко-
гда происходит замена [d+j] и [t+j] на [dʒ] и [tʃ]:

	аудиозапись	LPD		CPD	
		BrE	AmE	BrE	AmE
situation	sɪtʃu'eɪʃən	sɪtʃu'eɪʃən	sɪtʃu'eɪʃən	sɪtju'eɪʃən	sɪtʃu'eɪʃən
individual	ɪndɪ'vɪdʒuəl	ɪndɪ'vɪdʒuəl	ɪndɪ'vɪdʒuəl	ɪndɪ'vɪdʒuəl	ɪndɪ'vɪdʒuəl

Здесь следует сказать, что в британском английском это явле-
ние имеет место далеко не всегда, в то время как в американском ан-
глийском оно наблюдается повсеместно.¹⁶

¹⁵ См.: О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энцикло-
педия, 1969. – С. 57. Ср. «yoed coalescence, coalescent or reciprocal assimilation» в словарях:
David Crystal. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. – Basil Blackwell, 1985. – P. 52;
Longman Pronunciation Dictionary. – Pearson Education Limited, 2000. – P. 50.

¹⁶ Специалисты обращают внимание на то, что в настоящее время [dʒ] и [tʃ] все чаще
стали встречаться в RP, замещая [d+j], [t+j] и теряя таким образом свою региональную
маркированность, как в случае со словами situation и individual. Ср.: транскрипции [sɪtjué-
ɪʃn] и [ɪndɪvɪdʒuəl] в издании 1958 года словаря The Advanced Learner's Dictionary of Cur-
rent English by A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield.

Выявляя знаковость в развернутом произведении речи деловой направленности на разных уровнях (орфографическом, терминологическом, лексическом и лексико-фразеологическом), необходимо расширить перечень имеющихся категоризаций за счет дихотомии «эксплицитная семиотика – имплицитная семиотика»: первая объединяет системно-обусловленные проявления знаковости в речи, в то время как последняя требует углубленного изучения разнообразного материала с целенаправленным сопоставлением разных тенденций речеупотребления в письменной и устной формах.

Л и т е р а т у р а

1. *Аниховская Т.В.* Риторика интеллективного общения (на материале телевизионных программ новостей Би-Би-Си): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
2. *Бондарчук Г.Г., Бурая Е.А.* Основные различия между британским и американским английским. – М.: МГОУ, 1999.
3. *Буданова Б.В., Кузнецова Ю.Н.* Семиотическая стратификация текстов деловой тематики // II международно-практическая конференция. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения (РУДН, 21 – 22 апреля 2006 г.). – М.: «Уникум-Центр», 2006. – С. 7-8.
4. *Дечева Н.Г.* Филологическое чтение американской художественной литературы в прагмафонетическом освещении: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
5. *Дечева С.В., Аниховская Т.В.* К вопросу об английском языке Би-Би-Си в свете современных произносительных тенденций // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 61-70.
6. *Назарова Т.Б.* Лингвистическая семиотика: теория и практика // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. №4. – С. 44-54.
7. *Назарова Т.Б.* Семиотика созвучий (на материале современного английского языка) // Филологические науки. 1990. №1. – С. 24-30.
8. *Назарова Т.Б.* Современный английский язык и методы его изучения: филология, семиотика и ЭВМ: Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1990.
9. *Назарова Т.Б.* Филология и семиотика. Современный английский язык. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2003.
10. *Назарова Т.Б., Буданова Б.В.* Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2006. – Вып. 32. – С. 43-50.
11. *Назарова Т.Б., Буданова Б.В.* Онтология знаковости в англоязычной деловой корреспонденции // Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2007.
12. *Преснухина И.А.* Деловое общение в свете диатопического варьирования современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
13. *Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1980.
14. *Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
15. *Тер-Минасова С.Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. – М.: Высшая школа, 1981.
16. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
17. *Шахбагова Д.А.* Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка. – М.: Высшая школа, 1982.

18. *Olga Akhmanova, Rolandas F. Idzelis. Linguistics and Semiotics.* – Moscow: Moscow University Press, 1979.
19. *Baranova L.L. Changes in Pronunciation: Implications for ELT // New Developments in Modern Anglistics.* – Moscow: Max Press, 2001. – P. 77-80.
20. *Baranova L.L. Varieties of American English and the Problem of Intelligibility // New Developments in Modern Anglistics.* – Moscow: Max Press, 2001. – P. 15-18.
21. *Bronstein A.J. The Pronunciation of American English.* – Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1960.
22. *Decheva S.V. Absence of Voice in Terms of British – American Speechology // Language Learning.* – Moscow, 2001. – №1. – P. 15-24.
23. *Decheva S.V. American English in the British-oriented Classroom // New Developments in Modern Anglistics.* – M.: Max Press, 2001. – P. 88-94.
24. *Decheva S.V. The Bases of English Philology.* – Moscow, 2000.
25. *Decheva S.V. English Syllabification as Part of the Learner-oriented Speechology.* – Moscow: Moscow University Press, 1994.
26. *Decheva S.V., Anikhovskaya T.V. BBC English as Part of the Target-oriented English Language Teaching // Language Learning: Materials and Methods.* – Moscow: Max Press, 2003. – № 4. – P. 4-22.
27. *Longman Grammar of Spoken and Written English.* – Pearson Education Limited, 1999.
28. *Nazarova T.B. Business English Vocabulary: Stratification and Methodology // New Developments in Modern Anglistics. Akhmanova Readings 1996.* – Moscow: Dialogue-MSU, 1997. – P. 27-36.
29. *T.B. Nazarova. Business English. A Course of Lectures and Practical Assignments* – Moscow: AST/Astrel, 2004.
30. *Nazarova T.B. Business English. An Introductory Course for Advanced Students.* – Moscow: Dialogue-M, 1997.
31. *Nazarova T.B. Business English. An Introductory Course for Advanced Students of Language and Literature.* – Moscow: Dialogue-M, 2000.
32. *Nazarova T.B. Linguistic and Literary Semiotics// Applied Semiotics.* – University of Toronto. – 1996. – No. 1. – P. 5-12.
33. *Nazarova T.B. Semiotics in an ELT Setting // Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement.* – Moscow: AST/Astrel, 2006. – P. 306-351.
34. *Nazarova T.B. The Fundamentals of Applied Semiotics: Language, Literature and Culture // Folia Anglistica. Semantics, Pragmatics and Semiotics.* – Moscow: Moscow State University, 1998. – P. 79-89.

С л о в а р и

35. *Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.* – М.: Советская энциклопедия, 1969.
36. *Баранов А.Н., Добровольский М.Н. (ред.). Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике.* – М.: Азбуковник, 2001.
37. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary.* – 2nd edition. – Cambridge University Press, 2005.
38. *Cambridge English Pronouncing Dictionary.* – 16th edition. – Cambridge University Press, 2003.
39. *David Crystal. A Dictionary of Linguistics and Phonetics.* – Basil Blackwell, 1985.
40. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – New Edition. – Pearson Education Limited, 2005.
41. *Longman Pronunciation Dictionary.* – Pearson Education Limited, 2000.
42. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.* – Bloomsbury Publishing Plc, 2002.

43. *Nazarova T.B.* Dictionary of General Business English Terminology. – M.: Astrel/AST, 2002.
44. *Nazarova T.B.* Dictionary of General Business English Terminology. – Second edition. – M.: Astrel/AST, 2006.
45. New Longman Business English Dictionary. – Pearson Education Limited, 2000.
46. New Oxford Business English Dictionary for Learners of English. – Oxford University Press, 2005.
47. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 7th edition. – Oxford University Press, 2005.
48. The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. – London University Press, 1958.

Особенности семантики эвфемизмов в языке делового общения

© Н. М. Потапова, 2007

Приёмы эвфемии занимают видное место в системе языка, а эвфемизация речи является актуальной стратегией, с помощью которой маскируются негативные аспекты действительности, поддерживаются гармоничные социальные отношения между общающимися.

Как известно, эвфемизм – это языковая единица, обладающая семантической неопределённостью, позволяющей смягчать негативную оценку стигматичного¹ денотата, имеющая положительные коннотации в своём сигнификативном слое значения, которая не нарушает истинности высказывания.

Методика лингвостилистического анализа традиционно используется в изучении и анализе художественного текста, но благодаря его универсальности, он представляется нам удобным средством анализа значения эвфемизмов в деловом дискурсе. Об универсальности лингвостилистического анализа, «в том смысле, что он применим к любому произведению речи, независимо от функционального стиля» писали О.С. Ахманова, В.Я. Задорнова, см. [Ахманова 1978], [Задорнова 1984: 109-119]. «Его всеобщность, безразличность к характеру анализируемого текста как бы уравнивает произведения речи, принадлежащие к различным регистрам, ставит их на один уровень» [Задорнова 2005: 115].

Лингвостилистический анализ предполагает рассмотрение высказывания на трёх уровнях: семантическом, метасемиотическом и лингвопоэтическом. Здесь первые два уровня анализа – это выявление собственно смыслового содержания слова и накладывающихся на него экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотаций. Третий уровень связан с выявлением лингвопоэтических, эстетических, личностных оттенков, придаваемых слову и обуславливающих поэтический фон художественного произведения.

При рассмотрении произведений делового дискурса мы будем именовать третий уровень анализа – метаметасемиотическим и рассматривать общее идейное содержание современных особенностей бизнеса, выраженных единицами языка.

¹ Понятие «стигма» расшифровывается в работе Бердовой Н.М.: «Под стигмой понимается не только отрицательное качество «предмета», нашедшее своё отражение в его антецеденте, но и его способность вызывать негативные эмоции» (Бердова Н.М. Дисс. Эвфемизмы в свете теории вторичной номинации. Канд.филол.наук. М.1998).

Три уровня лингвостилистического анализа соотносятся, взаимодействуют друг с другом, неразрывно связаны. На семантическом уровне рассматриваются языковые единицы в их прямых значениях, изучается семантика слов – система их лексических значений, анализируется способность слова передавать разные сообщения. Учитываются экспрессивные коннотации, заложенные в значении (сигнификате) слова. Например, в слове *dull* негативная коннотация ингерентна.

На уровне семантического анализа эвфемизмы не всегда могут быть идентифицированы, поскольку, они, зачастую, выражены косвенным наименованием и требуют соотнесения с антецедентом, то есть с сигнификатом означаемого для раскрытия своего значения, а это предполагает выход за рамки рассмотрения семантики отдельных слов. Так, в предложении, взятом из словаря эвфемизмов Р.Холдера: “We enter 1995 with the bulk of right-sizing behind us” Lou Gerstner, chairman of IBM, on last year’s 35 000 redundancies – слово *right-sizing* является эвфемизмом. Однако, семантического анализа не достаточно для такого заявления. Семантический анализ показывает, что слово состоит из двух сем *right* и *sizing*, при этом архисема *size* имеет значение размер, а дифференциальная сема *right* указывает на действие, производимое над ним, причём действие положительного свойства, после которого размер станет желаемым, верным, сема *ing* отражает характер действия-процесса. Таким образом, мы получаем бизнес-термин – оптимизация размера организации. Для того чтобы обосновать принадлежность этого термина к классу эвфемизмов необходимо перейти на следующий уровень анализа – метасемиотический.

Метасемиотический уровень анализа вытекает из семантического в том смысле, что дополнительное содержание языковых единиц может быть осмыслено только с учётом их семантики. Термин метасемиотика конкретизируется в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой следующим образом: «Метасемиотика – это отрасль семантики, изучающая такое использование единиц языка, при котором содержание и выражение становится (в целом, совокупно) либо содержанием для нового (мета) выражения, либо выражением для нового (мета) содержания» (С. 230). Метасемиотический уровень анализа необходим также и потому, что язык представляет собой особую знаковую систему, в которой единицы разных уровней «вступают» в знаковые отношения и в свою очередь образуют знаковые системы. Термин «знаковая система» конкретизируется в учебном пособии «Филология и семиотика» Т.Б. Назаровой следующим образом: знаковая система – это «совокупность единиц, «передающих», «сообщающих», «сигнализирующих» какой-либо тип обобщённого значения» [Назарова 2003: 37]. Обоснованием семиотического аспекта языка и изучением совокупности знако-

вых явлений в языке занимается лингвистическая семиотика. Профессор Т.Б. Назарова отмечает, что исследование семиотических свойств языка, знаковых отношений в языке не является для филолога самоцелью, а одним из приёмов изучения современного английского языка.

Таким образом, на метасемиотическом уровне анализа мы рассматриваем функционирование слов в речи, изучаем средства выражения дополнительного содержания языковых единиц в речи, обращая внимание на те коннотации, которые приобретают слова в контексте употребления. Происходит раскрытие адгерентных свойств слов, тех особых оттенков значений, которые слова приобретают в контексте ситуации, в то время как в ином контексте или изолированно эти коннотации могут утрачиваться. Метасемиотика реализует функцию воздействия в языке.

На метасемиотическом уровне анализа чаще всего выявляются речевые или контекстуальные эвфемизмы. В приведённом выше примере термин *right-sizing* приобретает функции эвфемизма, заметные на метасемиотическом уровне. Имея широкое абстрактное значение сигнификата (*right-sizing* – оптимизация), с отчётливой положительной направленностью, это слово в приведённом выше примере используется вместо более прямого и стигматичного слова *redundancies*. Однако, мелиорация носит формальный характер, говорящий и слушающий понимают, что речь идёт о «сокращении», или в прямом наименовании «увольнении». Связь с негативным денотатом не утрачивается.

И, наконец, третий уровень лингвостилистического анализа – метасемиотический позволяет увидеть идейный фон высказывания, некий обобщённый образ, обладающий конкретными характеристиками. Эвфемизация делового дискурса заметная на метасемиотическом уровне анализа демонстрирует особенности национальной языковой картины мира и поведения людей.

Остановимся более подробно на семантическом уровне анализа бизнес-эвфемизмов. Необходимо уточнить, что семантический анализ производится после того, как мы установили принадлежность слова к классу эвфемизмов. Однако, как указывалось выше для установления такой принадлежности одного семантического анализа иногда не достаточно, необходим анализ на следующем уровне – метасемиотическом, раскрывающий значение единицы в речи. Следовательно, описываемый анализ бизнес-эвфемизмов, обычно имеет место после проведённой идентификации эвфемизма.

Семантический анализ предполагает изучение значения языковых единиц. Мы будем трактовать семантический анализ узко, то есть рассматривать ту часть содержания значения языковой единицы, которая закодирована в слове в данном речевом отрезке. Мы не будем на этом этапе учитывать сведения о говорящем и слушающем, об обстановке, и

другую фоновую информацию, поскольку эти аспекты будут рассмотрены на уровне метасемиотического и метаметасемиотического анализа.

Выделяют виртуальное и актуальное значение языковой единицы. Виртуальное значение – это значение, совпадающее со значением слова в системе языка. Оно может быть охарактеризовано как *растянутое, неопределённое, социальное и абстрактное* (термины И.М. Кобозевой, [Кобозева 2007: 54]). Это самое обобщённое значение слова. Так, у слова *account*² словарная статья в Oxford Advanced Learner's Dictionary растягнута на целую страницу. Значение этого слова можно считать неопределённым в силу этого, а также в силу того, что вне контекста ситуации мы не знаем, в каком из нескольких своих значений выступает слово *account*. Под социальностью виртуального значения И.М. Кобозева понимает то, что люди, говорящие на одном языке понимают значение данного слова, оно для них общее. Под *характеристикой абстрактное значение* понимается то, что мы не знаем, какие из признаков слова *account* актуализируются вне контекста ситуации. В речи значение слова становится актуальным, так как передаваемая им информация будет определённой, напр. I don't have a bank account; how do you account for the show's success?

Виртуальное и актуальное значения диалектически взаимосвязаны. А.М. Пешковский об этой взаимосвязи писал: «...мы должны различать два образа: один возникающий в нас при произнесении отдельного слова, а другой – при произнесении того или иного словосочетания с этим же словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых» (цитата по [Кобозевой 2007: 55]).

Далее, значение как виртуальное, так и актуальное имеет структуру. Её компоненты называются денотативным, сигнификативным, коннотативным или прагматическим значением, или слоём по терминологии Б.Ю. Городецкого. Эти семантические слои несут особую информацию о слове.

Денотативный слой значения, или денотат – это множество объектов мира дискурса, которые могут именоваться этим словом. Когда мы произносим слово *accounting*, мы представляем себе множество бухгалтерских практик (*conservative, neutral, aggressive, etc*), либо абстрактную бухгалтерскую практику. Вместо термина *актуальный денотат* часто используют термин *референт*.

Сигнификативный слой значения, или сигнификат – это то, как объект или ситуация отражается в сознании говорящего. «Сущность слова-лексемы заключается не в том, что оно обозначает вещь или соотносит-

² Account n. v. an arrangement at a bank to keep money there; written record of money that is owned to a business and of money that has been paid by it; a regular customer; written or spoken description; to have the opinion that; explain, etc. (OALD, 10).

ся с вещью, а в том, что оно репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека» [Кобозева 2007: 81]. Если под денотатом слова *accounting* мы понимаем все ситуации связанные с бухгалтерской практикой, то под сигнификатом мы понимаем не ситуации и не сами практики, а те свойства, благодаря которым мы можем объединить разные виды бухгалтерских практик (*accounting practices*) в класс. Бухгалтерская практика – это и определённая работа, и процесс подготовки финансовой отчётности, и профессия, а также система учёта денежных средств компании (*work, process of keeping financial accounts, profession, a system of recording the money value of business dealings, etc*). Совокупность значимых признаков обозначаемых словом есть его сигнификат, ядро лексического значения. Если мы описали сигнификативный слой, то мы растолковали значение слова. В словарях даётся сигнификативный слой значения слов.

Прагматический слой значения дополняет сигнификативный и денотативный. Среди учёных нет общепринятого термина для обозначения этого слоя значения: Б.Ю. Городецкий называет его экспрессивным, Ю.Д. Апресян – прагматическим, Н. Б. Гвишиани, И.М. Кобозева – коннотативным. Этот слой значения может содержать несколько пластов оценочной информации: информацию об отношении человека, использующего слово к обозначаемому словом объекту, к адресату, или к ситуации. Большинство слов не содержат в своём значении подобной информации напр. *accounting practice, work, finance, report, etc*. У этих и многих других слов различимы только сигнификативный и денотативный слои значения.

Но есть слова, у которых ингерентно присутствует экспрессивный компонент, выражающий оценочное отношение говорящего. Сравним нейтральный глагол *dismiss (to give sb an official permission to leave, to make sb leave – увольнять)* с глаголом *fire* в значении *увольнять*, но с отрицательным оценочным компонентом в коннотативном слое. *Fire – to force somebody to leave their job, to dismiss peremptorily from employment, the deed is usually rapid* (заставить кого-либо уволиться с работы; беспарламентно уволить, обычно совершается быстро).

Противоположным по оценочному значению своего экспрессивного компонента и, соответственно, имеющий несколько иное прагматическое значение, будет глагол *outplace*. Этот эвфемистический вариант нейтрального глагола *dismiss* приводит Холдер в словаре эвфемизмов. Эвфемистичный глагол *outplace* образован от существительного *outplacement – the process of helping people to find new jobs after they have been made unemployed* (процесс оказания помощи уволенным людям в поисках новой работы) путём утраты суффиксальной морфемы *-ment*. Это достаточно необычная деривационная схема, когда от более слож-

ного в морфологическом плане слова-существительного образуется менее сложное (с меньшим числом морфем) слово-глагол³.

Рассмотрим семантический состав существительного *outplacement*. Применяя методику компонентного анализа, в нём можно выделить архисему *place* в значении *размещать*, то есть *предоставлять работу*, и дифференциальные семы *out*, которая уточняет, что размещение происходит в *другом, новом* месте, и *-ment*, которая указывает на видовое значение. Благодаря положительной коннотации слова *outplacement*, новый глагол *outplace* тоже воспринимается как обладающий этими дополнительными значениями, это позволяет употреблять его эвфемистично, вместо прямого наименования *dismiss*.

Слова с положительным оценочным компонентом в прагматическом слое значения часто выступают в роли эвфемизмов. Примерами могут служить эвфемизмы – синонимы слова *dismiss*, которые приводит Холдер в своём словаре эвфемизмов: *outplace, re-engineer, rightsize, downsize, unassign, dehire, etc.* Такие слова следует отличать от слов, в которых оценочное значение присутствует в самом сигнификате, а не в прагматическом слое значения. Это слова *success, error, доблесть, хороший*, и др. Из лексики АДО к этой группе слов можно отнести сложные слова с отрицательной приставкой *non*:

⇒ *non-assented bonds* (облигации, владельцы которой не согласились на изменение финансового плана или условий займа),

⇒ *non-marketable collateral* (обеспечение кредита, состоящее из трудно реализуемых активов, вследствие узости рынка на эти активы),

⇒ *non-acceptance* (отказ от уплаты счёта по предъявлению), etc. (Примеры из *English-Russian Financial and Business Dictionary* by V.Baker, E. Sorokin).

В прагматическом слое значения, как указывалось выше, может содержаться информация об отношении говорящего к адресату. Есть много примеров подобных слов-эвфемизмов, получивших распространение в деловом дискурсе. Термин-эвфемизм *merger* (слияние), используемый вместо нейтрального наименования *sale* (продажа) или *take-over* может служить примером. Сигнификативное значение слова *merger* – это его лексическое значение: «*combination of two or more businesses on a relatively equal footing that results in the creation of a new reporting entity*» (соединение двух или более предприятий на сравнительно равных условиях, в результате которого образуется новая компания). Однако, упот-

³ В словаре *Oxford Advanced Learner's Dictionary* содержится только существительное *outplacement* с пометкой (business) и приведённым значением. Глагол *outplace* отсутствует.

ребление эвфемизма *merger* вместо термина *take-over* покупающей стороной, говорит о её стремлении завуалировать факт покупки компании, назвав покупку слиянием. Именно эвфемизм *merger* содержит информацию о деликатном отношении говорящего к адресату, свидетельствует о стремлении не задевать достоинство продающей стороны.

Эвфемистические переименования профессий тоже служат примером слов, в коннотативном слое которых различимо стремление проявить уважение к малопrestижной профессии, вернее к человеку, имеющему такую профессию. Например, в США особенно чутко относятся к людям малопrestижных профессий и придумывают соответствующие эвфемизмы для их номинации. Так, вместо *controller of pests* (контролирующий паразитов) используется благозвучное наименование *exterminating engineer* (истребляющий инженер). В Великобритании такого специалиста называют *rodent operator* (оператор грызунов). У большинства иностранцев такое название, наверняка, вызовет улыбку. Широко используется и слово *president* и *vice-president* для обозначения руководящих позиций в компании или банке, например, говорят *president* вместо *managing director* (usually for an honorary position that carries little responsibility – для уважительного обозначения позиции с небольшой долей ответственности). Пример из реалий российского бизнеса: в крупной компании возникла необходимость ввести должность кладовщика, человека, который занимался бы инвентаризацией технических средств. Однако, после долгих споров называть должность словом *кладовщик* не стали, посчитав его прямолинейным и малопrestижным, хотя и точно передающим суть работы. Отдали предпочтение неопределённому названию *специалист технического отдела*. Мы считаем, что данное наименование в описанной ситуации эвфемистично и передаёт отношение называемого лица к адресату, стремление не унижить достоинство человека.

К прагматическому слою значения относятся также коннотации или семантические ассоциации слова. Это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» (Апресян, 1974, 67). Примером коннотации может служить признак неуклюжести у слова медведь. К коннотациям, закреплённым в системе языка, относятся переносные значения слов, напр. в русском языке *лев* значит *сильный и смелый: храбрый как лев*, у слова *берёза* коннотация – *стройная*, у слова *осёл* – *упрямый*. Коннотации закрепляются в пословицах и поговорках, песнях, стихах. Когда коннотации значения слова закреплены в языке, они отражают языковой опыт целого коллектива.

Существуют и коннотации в виде неких ассоциаций, которые могут ощущаться только отдельным человеком и отражать особенности его восприятия мира. Осознание человеком наличия особых оттенков значения у слов и использование их приводит к возникновению авторских контекстных эвфемизмов, которые требуют рассмотрения в данной ситуации общения. Так, прилагательное *underwater* (подводный), которое имеет значение *found, used or happening below the surface of water (underwater creatures, an underwater camera) (находящийся, используемый или имеющий место под водой)* в следующем примере является контекстным авторским эвфемизмом: «he said that many of the director's options were *underwater*» (Daily Telegraph, 12 May 2000). Ассоциации по схожести слова с утонувшим кораблём позволили использовать прилагательное *underwater* для выражения негативного значения *showing loss* (демонстрирующий потери). Благодаря тому, что эти ассоциации неустойчивы и индивидуальны, они придают оттенок неопределённости значению слова и позволяют использовать слово с целью мелиорации значения.

Для эвфемистического наименования важен семантический анализ слова и вычленение прагматического слоя значения и его коннотаций, так как в них отражается оценка обозначаемого явления говорящим, его отношение к адресату или сообщаемому. Как известно, эвфемизм используется в том случае, когда описываемое явление или предмет представляется говорящему стигматичным, то есть либо имеющим негативные коннотации, либо способным вызвать негативные чувства у говорящего и адресата. Именно в ходе семантического анализа принимается решение классифицировать денотат как стигматичный и появляется необходимость использовать эвфемизм. Эвфемистичное наименование способно смягчить негативные коннотации у антецедента (прямого наименования) благодаря содержанию в своём сигнификативном слое сем с несколько размытой, широкой семантикой, а также положительных коннотаций в своём прагматическом слое. Названный эффект достигается также в силу семантической редукции в сигнификативном слое эвфемизма. (Как указывалось в первой главе работы, семантическая редукция является отличительным свойством эвфемизмов). Напомним, что под семантической редукцией понимается «сокращение доли информации в языковой единице, сокращение числа её дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуационной замене» [Сеничкина 2006, 11]. Считается, что механизм эвфемизации связан либо с редукцией, либо с изменением статуса сем, мотивирующих отрицательную оценку. Так, архисема, мотивирующая отрицательную оценку и, следовательно, вызывающая у собеседников негативные эмоции, у эвфемизма может терять свой статус и перехо-

дить в разряд дифференцирующих сем, находящихся в тени архисемы и в меньшей степени влияющих на значение слова. Пример подобного механизма мы наблюдаем, когда избегаем использовать прямое наименование *dismiss (from employment)*, *sack* (увольнять), а говорим *dehire*, *outplace*. Этимологический анализ глагола *dismiss* показывает, что он образован от причастия прошедшего времени старофранцузского *desmis* (*dimittere*). Семантический анализ слова затруднён тем, что архисема *miss*, являясь заимствованной, не раскрывает своего значения, в то время как дифференциальная сема *dis*, имеет чётко выраженное значение отрицания, противоположности (ср. *disappear*, *disagree*, *disgrace*, etc). Поэтому значение слова воспринимается как имеющее отрицательные коннотации. В слове *dehire*, наоборот, отрицательная дифференциальная сема *de* затемняется положительной архисемой *hire* и значение слова воспринимается как менее отрицательное в сравнении с *dismiss*.

Итак, семантический анализ способствует более полному раскрытию значения слова со стороны его означаемого. Описание значения слова понимается нами как интегральная часть описания значения высказывания. Анализ языковых единиц на указанных трёх уровнях позволит нам добиться понимания высказывания в широком смысле, как цели филологической герменевтики, суть которой Т.Б. Назарова описывает как: «двустороннюю связь, взаимодействие между «текстом» и заложенными в сознании воспринимающего его читателя представлениями о мире, бытии, культуре, социально-исторической природе данной эпохи в развитии общественной психологии» [Назарова 2003: 9].

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М. 1974.
 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М, 1969.
 Бердова Н.М. Эвфемизмы в свете теории вторичной номинации: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.
 Гвишиани Н. Б. Современный английский язык. Лексикология. М. 2000.
 Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
 Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М, 1984.
 Задорнова В.Я. Слово в художественном тексте // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 29. М., 2005.
 Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2007.
 Назарова Т.Б. Филология и семиотика. М., 2003.
 Сенчикова Е.П. Эвфемизмы русского языка. М., 2006.
 Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1952.
 Akhmanova O.S., Idzelis R.F. What is the English we use. Moscow, 1978.
 Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. Oxford University Press, 2003.
 English-Russian Financial and Business Dictionary by B. Baker, E. Sorokin
 Oxford Advanced Learner's Dictionary

Метафора как средство манипуляции сознанием в Третьем Рейхе (на материале статей газеты „Völkischer Beobachter“)

© О. В. Харькова, 2007

Современная лингвистика развивается в направлении когнитивных исследований языка [Чудинов 2006: 53-67]. Это направление преломляется по-разному в исследованиях концептуальных структур, языковой картины мира и ее фрагментов, способов объективации знаний о мире. Одним из таких способов выступает метафора. Метафора обеспечивает возможность появления нового знания за счет переноса уже существующего из одной концептуальной области в другую. В этом состоит когнитивная сущность переосмысления. Метафора не только формирует представления об объекте, она также предопределяет стиль и способ мышления о нем. Н.Д. Арутюнова отмечает особую роль ключевых метафор, которые задают аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождают более частные метафоры. «Ключевые метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий» [Арутюнова 1990: 17].

Использование метафор как образов, заложенных в сознание людей и облеченных в словесную форму, является неотъемлемой частью создания любой идеологии. Метафора – это не просто средство украшения речи, это «основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира», «способ мышления» [Чудинов 2006: 53]. Метафора является способом, обеспечивающим возможность появления нового знания за счет переноса уже существующего знания из одной концептуальной области в другую [Пименова 2007]. Клиффорд Гирц в работе «Идеология как культурная система» пишет: «Силу метафоре дает именно взаимодействие между разнородными смыслами, которые она символически сопрягает в целостную концептуальную схему, и успешность, с которой данное сопряжение преодолевает внутреннее сопротивление, обязательно возникающее у всякого, кто воспринимает эту семантическую противоречивость» [Гирц 1998: 38]. Гирц утверждает, что, подобно общезначимым системам символов, идеологии скрепляют современное общество. Идеологические техники, таким образом, похожи на техники мифов, отмеченные такими исследователями, как Роман Якобсон, Клод Леви-Стросс, Ролан Барт, Мэри Дуглас, Эдмунд Лич и др. – они основа-

ны на соединении различных, зачастую, противоречивых контекстов и образовании новых смыслов, новых категорий культуры.

Как замечает Гирц, идеологии появляются впервые, когда политическая система выходит из-под власти религиозных и философских традиций; а выделение политики в качестве автономной области подразумевает и выделение отдельной культурной модели политического процесса. Идеология возникает там, где есть социальные сдвиги и культурное напряжение, которое нельзя преодолеть с помощью самых общих (философских) и самых обыденных культурных ресурсов, и, следовательно, главная ее функция – преодоление напряжения, снятия конфликта между старыми и новыми смыслами и значениями.

Любой политический деятель является частью того общества, в котором он существует. Поэтому, так или иначе, он вынужден иметь дело с традициями, духовными и культурно-историческими ценностями, которые являются важной составляющей частью общества. При создании своего имиджа и политической программы он прибегает к образам, наиболее близким и понятным широким кругам избирателей. Поскольку основная цель политика – завоевать доверие избирателей, то есть заставить их поверить в то, что предлагаемый им путь развития не противоречит интересам общества, он прибегает к различным средствам воздействия на сознание избирателей, зачастую апеллируя к их чувствам и эмоциям. На уровне языка это реализуется, в частности, в выборе «эмоционально заряженной лексики», привлечении метафор, основанных на сравнениях, хорошо известных и доступных для всеобщего понимания. Манипулятивный эффект достигается за счет своеобразной трактовки содержания традиционных, исторически сложившихся в сознании людей образов в русле идей конкретных политиков или политических движений, что нередко влечет за собой подмену смыслов и общепринятых ценностей.

В данной статье представлены механизмы действия некоторых ключевых концептуальных политических метафор, встречающихся в текстах основного печатного органа национал-социализма – газете „Völkischer Beobachter“. Под концептуальной метафорой здесь понимается «способ думать об одной области сквозь призму другой» [Пименова 2007]. При этом рассматривается проблема подмены ценностей и смыслов, характерная для идеологии национал-социализма, и механизмы реализации подмены смыслов в языке. В качестве иллюстративного материала использованы примеры из статей указанной газеты периода 1933-1945 гг., одним из дополнительных источников послужила работа немецкого лингвиста Зигрида Фринда «Die Sprache als Propagandainstrument in der Publizistik des Dritten Reiches» (Язык как инструмент пропаганды в публицистике Третьего Рейха).

Национал-социализм как политическая идеология, основанная на иррациональном восприятии мира, как мировоззрение, границы которого сильно размыты, отличается особенной «страстью» к метафорам.

Воздействие на сознание массовой аудитории, основанное на подмене ценностей путем лингвистических манипуляций с образами в языке национал-социализма можно проследить на материале текстов газеты *Völkischer Beobachter*, превращенной из незначительной листовки в «рупор» национал-социалистских идей. Представления национал-социалистов о задачах прессы и пропаганды, а также использование многочисленных техник словесного манипулирования легли в основу формирования своеобразного стиля газеты, который характеризуется особым «инвентарем» лексических и словообразовательных средств.

Специалисты выделяют три центральных тенденции [Strassner 1983: 38-39], отличающих стиль „*Völkischer Beobachter*“:

- стремление к эмоциональной выразительности;
- стремление к краткости и лаконичности формы;
- стремление к размытости и неопределенности содержания.

Характеризуя лексический состав языка газеты, необходимо отметить, что „*Völkischer Beobachter*“ практически не вводит в употребление новые слова, за исключением терминов для обозначения новых организаций и политических институтов. Особый стиль газеты формируется в основном за счет использования огромного количества метафор, источниками которых выступают различные сферы духовной и общественной жизни.

«Важная черта национал-социалистского движения – частое использование выражений религиозного содержания и соответствующей символики, – пишет З. Борк. – Понятия с высоким эмоциональным зарядом, взятые из области религии, хорошо подходят для внушения, основанного на иррациональности. Обращение к чувствам масс дает больший эффект психологического воздействия на сознание, чем убеждение через рациональную аргументацию» [Bork 1970: 77].

Виктор Клемперер пишет о псевдорелигиозности национал-социализма следующее: «LTI (*Lingua Tertii Imperii* – язык Третьего Рейха) апеллирует к фанатическому сознанию, а потому вполне естественно, что этот язык в своих взлетах приближается к языку религии. Самое интересное здесь, однако, в том, что, будучи религиозным языком, LTI тесно связан с христианством, а точнее – с католицизмом» [Klemperer 1990: 54].

Использование религиозных метафор связано с освещением одной из главных тем газеты „*Völkischer Beobachter*“ – темы национализма. Исследователь языка прессы Третьего Рейха Зигрид Фринд говорит об особенностях функционирования религиозных терминов в газетных

текстах того времени: «Некоторые религиозные метафоры наполняются совершенно новыми смыслами, отличными от традиционных, другие переносятся в иные, несвойственные им контексты, сохраняя при этом исходное значение» [Frind 1994: 87].

Враждебная в понимании христианской религии идеология национал-социализма приобретает мнимую легитимацию при помощи религиозных метафор, призванных вызвать у широкой публики ассоциации с основополагающими понятиями христианства. Убедиться в этом можно уже на примере специфической трактовки национал-социалистами слова „gottgläubig“ (верующий в Бога), использовавшегося в качестве официального обозначения людей, выступивших из церкви [Frind 1994: 92].

При детальном изучении особенностей функционирования религиозных метафор в текстах „Völkischer Beobachter“ становится ясно, что основная цель их использования – представить национал-социализм как богоугодное дело и приобщить, таким образом, массы верующих людей к идеологии.

Одним из излюбленных образов, взятых из сферы религии, является «вечность» („Ewigkeit“) , «вечный» („ewig“). Клемперер пишет об этом: «Слово «вечный» можно трактовать как последнюю ступеньку на длинной лестнице нацистских числовых суперлативов, и за этой ступенькой – уже небеса. «Вечный» – это атрибут только божественной сферы; то, что именуется вечным, возводится в область религии» [Klemperer 1990: 55].

Вот лишь некоторые примеры из статей „Völkischer Beobachter“: „Der ewig gültige Mobilmachungsbefehl Johann Gottlieb Fichtes“ (вечно действующий приказ о всеобщей мобилизации Иоганна Готтлиба Фихте), „diese ewige Schande zu beenden“ (положить конец этому вечному позору), „ewige Versuche des Judentums“ (вечные попытки еврейства), „der Sieg für ewig“ (победа навеки), „der ewige Reich“ (вечная империя). Использование слова «вечный» нацелено на создание у аудитории впечатления безграничности, бесконечности существования Третьей Империи, но также безграничной непримиримости с ее заклятым врагом – еврейством.

Слово „heilig“ (священный, святой) – еще один из излюбленных образов в газете. Сочетания типа „Heiliges Wort: Berlin“ (священное слово: Берлин), „Der Kampf, den er (Hitler) erst als Einzelperson aufgenommen ... hatte, wurde nun eine ... heilige Aufgabe von unserer Bewegung“ (борьба, которую он (Гитлер) начал в одиночку, стала... священной задачей нашего движения), „heilige Mission unserer Bewegung“ (священная миссия нашего движения) нацелены на создание особого, сакрального образа национал-социалистского «движения», его «задач» и действий.

Присваивая религиозные образы, национал-социализм присваивал себе имплицитно выраженное в них эмоциональное содержание. Как пишет З. Фринд, «иррациональный элемент религиозных представлений предоставлял точки соприкосновения для мотивации собственных иррациональных выражений и черт национал-социализма» [Frind 1994: 96]. Манипулирование религиозными образами дает возможность создать необходимый эмоциональный настрой в сознании широких масс, не раскрывая при этом истинных целей и способов решения проблем.

Не менее важное место в текстах газеты „Völkischer Beobachter“ занимают метафоры, построенные на аналогии с борьбой и военными действиями. „Völkischer Beobachter“ называет национал-социализм «динамичным движением» (*dynamische Bewegung*). В основу идеологии положена не разработка тактики, а «доминантность действия» [Wendel 1981: 101]. Именно поэтому «активность» НСДАП характеризуется содержащими заряд движения понятиями „Dynamik“ (динамика), „Blitz“ (молния), „Sturm“ (штурм, натиск, атака).

«Революционная динамика новой идеи» („Die revolutionäre Dynamik einer neuen Idee“ – V.B. 4.7.1940) реализуется в наполненных движением формулировках: „Blitzkrieg“ (*блицкриг*), „Sturmschritt“ (*шаг штурма*), „Sturmflagge“ (*знамя штурма*).

При употреблении слова „Dynamik“ (*динамика*) специалисты отмечают актуализацию аспекта насилия [Seidel-Sloty, Seidel 1961:167]. По мнению Андреаса Венделя, цель использования данных слов состоит в том, чтобы «отвлечь людей от созидания и побудить их к действию» [Wendel 1981: 102].

Важную позицию в подготовке людей к совершению насилия занимает «язык военных действий». В „Völkischer Beobachter“ военная метафора приобретает широкое распространение еще задолго до начала военных действий: „Eroberung der Wirtschaft“ (*завоевание экономики*), „marschieren nunmehr in eine neue große Zukunft unseres Lebens“ (*отныне маршировать в новое великое будущее нашей жизни*), „Zweifrontenkrieg gegen den Verderb“ (*война с распутством на два фронта*).

Использование образов, связанных с военными действиями, объясняется целью подготовить людей к совершению жестокости и насилия. Приравнивание жизни к войне как следствие примитивного изложения теории социального дарвинизма преподносится читателям в качестве «истинной жизненной философии»: „Ich will ja nicht gleich einen Gegner mit Gewalt zum Kampf fordern, ich sage nicht ‚Kampf‘, weil ich kämpfen will, sondern ich sage: ‚Ich will dich vernichten! Und jetzt Klugheit, hilf mir, dich so in die Ecke hineinzumanövrieren, dass du zu keinem Stoß kommst, und dann kriegst du den Stoß ins Herz hinein.‘ Das ist es!“ (Я не хочу силой призывать противника к борьбе, я не говорю ‚борьба‘, потому что хочу

бороться, но я говорю: *„Я хочу уничтожить тебя! И теперь, смекалка, помоги мне загнать тебя в угол, чтобы ты не смог нанести ни одного удара, и тогда ты получишь удар прямо в сердце.“* Вот так!)

Такой бесчеловечный, жестокий способ выражения объясняется ориентированностью национал-социализма на военные идеалы. Люди постепенно перестают ощущать различие между реальностью и ложным пафосом словесных формулировок. Таким образом, культивируется нечувствительность людей к настоящей жестокости.

«Борьба» выступает в качестве несущего элемента национал-социалистского «движения», на что указывает уже название книги Гитлера *„Mein Kampf“* (Моя *борьба*). Как подтверждают следующие примеры, борьба ведется за и против всего, что угодно: *„Sie haben ihren Kampfgeist und damit ihre Existenzberechtigung bewährt“* (Они оправдали свой *дух борьбы* и вместе с ним свое право на существование), *„Kampf aufnehmen gegen Lügenverbrechen“* (Приступить к *борьбе* с преступлением лжи), *„Kampf gegen die Gefahr der (rassischen) Vermischung“* (*Борьба* против опасности (расового) смешения). Читатель постоянно помещается в искусственно создаваемое состояние борьбы. Физическая подготовка к войне сопровождается, таким образом, подготовкой психологической. Предпочтение слов *„Kampf“* (*борьба*), *„kämpfen“* (*бороться*) слову *„Krieg“* (*война*) объяснимо. В то время как война вызывает прямые ассоциации с жадной завоёвацией и кровопролитием, борьба символизирует состязание и, в худшем случае, подразумевает самооборону.

Еще одним источником «обновления» языкового репертуара *„Völkischer Beobachter“* выбирает сферу технической терминологии. Национал-социализм видит в технических метафорах своеобразные формулы, одновременно функциональные и наглядные. Частое использование глаголов *„eingliedern“* (*присоединять*), *„erfassen“* (*охватывать, включать*), *„einsetzen“* (*применять, использовать, вводить в эксплуатацию*), *„prägen“* (*чеканить*), *„formen“* (*формовать*) в сочетании с *„Mensch“* (*человек*) способствует развитию ассоциаций человека с лишним чувств «материалом». Тем самым подчеркивается важность людей в количественном отношении по сравнению с «качеством» – индивидуальными человеческими способностями.

Проведенный анализ лишь нескольких ключевых метафор в *„Völkischer Beobachter“* доказывает, что национал-социализм не ограничивался отношением к метафоре лишь как к фигуре украшения речи. Для него метафора была эффективным средством управления сознанием широких масс, средством слома старых стереотипов и формирования новых.

Изучение языка национал-социализма в аспекте понятийных связей, заключенных в метафорах, и того, как эти связи способны переключать

сознание с исконных на вновь приобретенные смыслы позволяет понять, насколько серьезную роль может играть метафора в процессах целенаправленного воздействия на массовое сознание, и насколько высока цена непонимания и недооценки метафор, особенно в сфере политики.

Л и т е р а т у р а

- Анализ производился на материалах газеты „Völkischer Beobachter“ за 1933-1945 гг
Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
Гирц К. Идеология как культурная система. // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 29.
Пименова М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007.
Франке Г. Манипулируемый человек, М., 1964.
Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екб., 2006.
Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
Bachem R. Aus der Analyse politischer Texte. München, 1990.
Bork S. Mißbrauch der Sprache. Tendenzen nationalsozialistischer Sprachregelung, Bern und München 1970.
Friind S. Die Sprache als Propagandainstrument in der Publizistik des Dritten Reiches. Berlin, 1994
Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Aufl. 10. Leipzig, 1990.
Noller Sonja und von Kotze Hildegard. Facsimile, Querschnitt durch den Völkischen Beobachter. München, 1967.
Seidel-Slotty I., Seidel E. Sprachwandel im Dritten Reich. Halle, 1961.
Strassner E. „Sprache im Nationalsozialismus“ // „Macht der Verführung. Sprache und Ideologie des NS“. Tagung der Katholischen Akademie Stuttgart. 1983
Wendel A. Tendenzielle Meinungsbildung mittels sprachlicher Manipulation in der rechtsradikalen Publizistik. Bochum, 1981.
Wülfing W. Schlagworte des jungen Deutschlands. Berlin, 1981.
Wulf J. Kultur im Dritten Reich. Bd. 1. Presse und Funk. Ullstein, 1989.

К вопросу о системности терминологии банковского дела

© Т. В. Шетле, 2007

В настоящее время в эпоху глобализации как естественного процесса миграции всевозможных видов ресурсов: денежных, человеческих, производственных, экономических, образовательных и др. в масштабах всей планеты, и взаимопроникновения самых различных областей человеческого знания, а также стремительного развития политических, экономических и научных отношений между различными странами значительное влияние в сфере международного делового и научного общения приобретает экономика. В этой связи трудно переоценить возросшее значение и роль банков и банковской системы, в общем, и терминологии банковского дела в частности для дальнейшего развития не только делового и экономического, но и политического международного общения. «Современная языковая ситуация, характеризующаяся информатизацией общества и так называемым “информационным взрывом”, заставляет обращать особое внимание на рост и расширение лексических значений и на роль терминов и терминологии» [Марчук 1996]. Экономика, являясь целостной системой научного знания, обладает своей собственной системой понятий и терминов. Терминологии экономики в целом и терминологии банковского дела в частности как гуманитарным наукам присущи определённые свойства.

Научные исследования, которые ведутся на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова как в гуманитарной, так и в негуманитарной областях знания, таких как: лингвистика, философия, искусствоведение, литературоведение, навигация, бизнес и медицина – имеют важное значение для развития общей методологии терминологических исследований гуманитарных наук.

О.С. Ахманова в своих работах анализирует в частности терминологию языкознания и поднимает вопросы, которые актуальны для гуманитарных наук в целом. Автор подчёркивает необходимость понимания терминологии не просто как средства выражения определённой системы знания, но и как научного мировоззрения [Ахманова 1977]. О.С. Ахманова показывает, как отсутствие разграничения между мета-языками языкознания и математической логики может превратить изучение терминов языкознания в исследование спорных и противоречивых вопросов в области нелингвистических терминов. Многие заимствованные термины не могут широко употребляться в рамках данной терминологии и поэтому оказываются лишними. Следовательно, изучение метатаксономии уместно только в том случае, если термин рассмат-

ривается как часть определённой системы понятий. Такое определение предполагает изучение терминологической системы в качестве неотъемлемой части научной лексики в рамках данного терминологического поля.

Так, Н.Б. Гвишиани проводит чёткое разграничение между терминологией гуманитарных наук и терминологией естественных и точных наук [Гвишиани 1986]. Автор утверждает, что текстовые описания предмета той или иной естественной науки оказываются, как правило, в гораздо меньшей степени зависимыми от литературного языка по сравнению с гуманитарными науками. Это свойство обусловлено такими характерными особенностями языков естественных наук как их большая по сравнению с языками гуманитарных наук независимость от контекста, а также использование стилистически нейтральных языковых средств. В то же время, широкое использование ряда гуманитарных понятий и терминов, например, в разговорной речи, а также их формальное совпадение со словами общего языка создают иллюзию «прозрачности» термина, что часто затрудняет правильное понимание научной дефиниции данного термина и подчас делает невозможным отличие термина от не-термина.

Общие свойства терминологии в гуманитарных науках те же, что и в естественных и точных науках. Но, как уже было отмечено выше, терминология гуманитарных наук обладает рядом характерных особенностей. Например, В.М. Лейчик отмечает, что для терминологии гуманитарных наук характерны некоторые определённые свойства и средства выражения общих типических черт, а также прямая зависимость термина от некоторой теории и системы взглядов. Кроме того, в гуманитарных науках объект исследования принадлежит к социальной сфере и тесно связан с человеком и его деятельностью [Лейчик 1986].

Одно из основных различий между терминологией гуманитарных наук и терминологией естественных и точных наук заключается в том, что в гуманитарных науках не следует руководствоваться только семантическим соответствием между русским и иностранным терминами. В естественных науках объектом исследования является не понятие объективной реальности, а сама реальность, в то время как в гуманитарных науках язык-описание консубстанционален по отношению к языку-объекту. В естественных науках большинство терминов явно отличается от слов общего языка.

Так, например, химические термины чётко отграничены от слов общего языка в плане выражения. Вполне очевиден тот факт, что такие слова как «алюмосиликат» или «моносахарид» являются терминами. Данные термины не существуют в общем языке. Они обладают только научными дефинициями.

Кроме того, необходимо помнить о том, что основными средствами общения и распространения информации при описании объекта исследования гуманитарных наук являются вербальные средства. В естественных и точных науках вербальные средства составляют только 50% научного общения, в то время как вторая половина включает в себя различные формальные системы символов и обозначений (например, формулы).

Кроме того, учёные часто по-разному относятся и используют терминологические единицы, выражающие понятия данной научной области. С одной стороны, наблюдается стремление использовать термин в его моносемантическом значении, с другой стороны, очень часто одно и то же понятие интерпретируется совершенно по-разному, что препятствует однозначному употреблению соответствующих терминов. Стремление многих учёных к терминотворчеству приводит к нестандартному или своеобразному пониманию отдельных терминов, что особенно характерно для гуманитарных наук. Следует отметить, что создание и развитие терминологии гуманитарных наук в большой степени зависит от субъективной оценки.

В гуманитарных науках термины создаются различными научными школами и обуславливаются методологическими установками исследования.

Существует мнение, что классификация внутри терминологии гуманитарных наук должна осуществляться между различными более узкими отраслями, которые не ограничиваются принципами различных методологий, нежели чем между различными часто взаимопротиворечащими национальными терминологическими школами.

А.С. Гринштейн утверждает, что гуманитарные науки обусловлены общественной природой предмета исследования. Это отражается в соответствующей терминологии, для которой характерна индивидуальная интерпретация терминов, а также субъективная оценка отдельных понятий [Гринштейн 1988].

В этой связи необходимо сделать ещё одно важное замечание: в гуманитарных науках существует значительных элемент оценочной трактовки при формировании определённых терминологических систем. Данное положение имеет особое значение, поскольку разные терминологические школы одной и той же сферы или разные учёные могут создавать термины, исходя из своего собственного понимания значения того или иного термина, и не руководствоваться определёнными объективными критериями. Так, очень часто один и тот же термин может иметь несколько научных дефиниций в зависимости от частной точки зрения учёного или терминологической школы. Данные наблюдения оказываются столь же верными и по отношению к терминологии бан-

ковского дела. Для неё характерно субъективное, часто оценочное употребление тех или иных терминов в речи. Очень часто термины наделяются несвойственными им метазначениями, в результате чего совершенно определённые термины с чёткой и ясной научной дефиницией нередко приобретают дополнительное регионально-обусловленное значение или становятся стилистически окрашенными в силу их специфического употребления в той или иной профессиональной среде. Даже в рамках банковской системы одной страны проявляется значительная степень вольности в употреблении банковских терминов, не говоря уже о серьёзных различиях в образовании и употреблении одних и тех же терминов разными национальными банковскими системами.

В этой связи, как отмечает Н.Б. Гвишиани, остро стоит вопрос о «принципиальной возможности упорядочения и международной стандартизации терминологии в гуманитарных науках». Необходимо сформулировать и разработать универсальную концепцию и методологию терминологической деятельности на основе координирования и согласования положений различных национальных терминологических школ. В данном случае речь уже идёт об исследовании социально-лингвистического и методологического аспектов терминологии. Говоря о терминологии в гуманитарных науках, можно с уверенностью заявлять, что стандартизация здесь возможна исключительно при наличии единой теоретической и методологической основы терминологической работы. Однако прежде чем начинать работу по унификации и стандартизации терминологии банковского дела, необходимо убедиться в том, что данная терминология является целостной системой, способной в полной мере служить в качестве адекватного средства выражения понятий данной области научного знания и отвечать основным критериям системности любой терминологии. Для этого необходим детальный анализ выбранной терминологической системы.

Прежде всего, следует кратко остановиться на основных свойствах термина. Настоящая работа основывается на концепции определения термина, разработанной учёными филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, и в частности, на работах О.С. Ахмановой, которая так определяет термин: «Термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.д.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1969].

Одним из основных свойств термина является его системность.

О.С. Ахманова определяет слово «система» как «внутреннюю организационную совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями» [Ахманова 1969].

Система для термина представляет собой, в первую очередь, лингвистическую упорядоченность специальных слов, которые обслуживают конкретную терминологическую систему. Таким образом, различные терминосистемы являются лексическими подсистемами, которые чётко выражены и существуют в рамках лексической системы национального языка. Благодаря своему особому характеру термины не входят в систему слов общей лексики. Являясь частью ряда подсистем, термины не принадлежат ни литературному языку, ни языку повседневного общения.

Поскольку любая терминологическая система основывается на особой системе понятий, а связи между данными понятиями индивидуальны для каждой терминологии, то это, безусловно, влияет на выбор лексических средств, используемых в соответствующих терминологических полях.

Система терминов-слов обусловлена, прежде всего, системой терминов-понятий, и всё-таки они не являются полностью идентичными. Поскольку слово и понятие – это онтологически два разных явления.

Понятие как элемент идеального мира определяется соотношением фактов исследования. В то время как слово как часть языка всегда зависит от материальных форм, различающихся в разных языках.

Д.С. Лотте одним из первых определил терминологию как систему и подчеркнул, что терминология должна отвечать трём требованиям для того, чтобы считаться полноценной системой, а именно:

1) терминологическая система должна основываться на классификации понятий

2) необходимо выделять терминируемые признаки и понятия, основываясь на классификационных схемах

3) слова должны отражать общность терминируемого понятия с другими и его специфичность. [Лотте 1961].

А.Г. Анисимова следующим образом сформулировала принципы определения терминологии как системы:

1) родовидовая иерархия терминологических единиц

2) однозначность терминологических единиц

3) преобладание определённых структурных моделей, по которым строятся терминологические сочетания

4) наличие антонимических отношений между терминологическими единицами

5) преобладание терминов-словосочетаний определённого типа. [Анисимова 1994]

При стандартизации и систематизации любой терминологии необходимо учитывать все вышеперечисленные критерии, в том числе и выбор дескрипторов.

О.С. Ахманова сформулировала основные критерии выбора дескриптора [Akhmanova 1974]. Так, например:

1) “a descriptor must lend itself to scientific definition as readily as possible”, т.е. дескриптор должен иметь чёткое и предельно ясное научное определение. Так, термин “**bank guaranty**” (“legally binding document signed by the bank of a client guaranteeing payment of a sum up to a given amount to a specified third party if the client fails to meet his payment obligations. The bank guaranty gives the seller maximum security that he will receive his money. The client bears the costs of issuing the bank guaranty”) не может выступать в роли дескриптора, поскольку не имеет чёткой научной дефиниции, в то время как термин “**loan**” (“a specified sum of money lent by a creditor or lender (e.g. a bank) to a person or entity and repayable at a predetermined due date or after notice of repayment is given”) может в полной мере считаться дескриптором.

2) “it is desirable that a descriptor should have a clearly motivated semantic structure”, т.е. наличие чёткой мотивированной семантической структуры предпочтительно. Так, термин “**listing**” (“admission of a security (shares, bonds, etc) for official trading on a stock exchange or exchanges”) имеет чётко обусловленную, ясную семантическую структуру, а значит, может рассматриваться в качестве дескриптора.

3) “a descriptor should have a derivational ability, i.e. the ease with which new words are formed from the basic word as stem for a word family, or derivational family of words”. Дескриптор должен иметь деривационную способность, т.е. простоту создания новых слов от основного слова, выступающего в качестве корневой основы для образования семантического гнезда. Например, банковский термин “**to assign**” (“to transfer a title, interest, or claim to the acquiring party”) формирует следующую группу однокоренных терминов:

assignee – the acquirer of title or interest transferred by an assignor.

assignment – the transfer of a claim by written contract between the creditor (assignor) and the party acquiring the claim (assignee).

assignor – the person who transfers title or interest to a third party.

assignment in blank – assignment or detailed specification of assignee. With a separate assignment in blank the assignment is entered on a separate form.

Вместе с тем, в рамках терминологии банковского дела существует целый ряд терминов, которые не могут быть в полной мере отнесены к числу дескрипторов.

Например, термин **asset(s)** (accounting term for everything a company owns that has monetary value, i.e. as shown in the balance sheet: liquid assets, receivables, property, plant and equipment, investments in associates, etc) не может считаться полноправным дескриптором несмотря на то,

что является одним из ключевых терминов данной терминологической системы и имеет довольно ясную семантическую структуру, так как имеет весьма общую научную дефиницию и не обладает деривационной способностью.

Принцип “genus proximum et differentia specifica” является одним из основных критериев системного характера терминологии. Так, например, термин “*account*” является “genus proximum”, а термины “*current account*”, “*safekeeping account*” и “*salary account*” – “differentia specifica”. Как правило, термины “genus proximum” – это родовые термины, а термины “differentia specifica” – это видовые термины.

Другим важным критерием системности, которому должна отвечать любая терминология, является наличие антонимических отношений между терминологическими единицами в рамках данной терминологии, т.к. многие понятия реальности отражены в языке в форме оппозиций или противопоставлений.

Большинство терминов банковского дела образуют лексические антонимы. Например:

draft – acceptance; friendly takeover – hostile takeover; deposit business – lending business; call – put; fixed assets – current assets; nostro account – vostro account; registered share – bearer share; wholesale banking – retail banking; sunrise industries – sunset industries.

Однако существует ряд терминов, имеющих морфологические антонимы:

inflation – deflation; investment grade – non-investment grade; resident – non-resident; procyclical – anticyclical; underperformance – outperformance; overvaluation – undervaluation.

Системность той или иной терминологии зависит от того, какими частями речи выражены термины данной терминосистемы. Так, например, большинство терминов банковского дела (приблизительно 93,3%) являются существительными.

Глаголы, прилагательные, наречия и причастия составляют приблизительно 6,7% (прилагательные – 4,1 %, глаголы – 2,3%, наречия и причастия – 0,3 %) от общего числа исследованных терминов (общее количество исследованных терминов составляет приблизительно 130 000).

Преимущественный характер терминов-существительных объясняется тем фактом, что существительные могут выражать не только объекты, как, например, термин “*momentum indicator*” (“an indicator used to evaluate the trend in a share price, arrived at by dividing the current price by the price n days before”); они также могут обозначать процессы “*issue*” (“issue of securities with identical features and the placement of these securities within a short space of time at the same conditions for the purpose of procuring long-term debt capital or shareholders' equity on the capital mar-

ket”), или понятия, как, например, термины “*bond*” (“(1) unsecured general debt obligation in the form of a security usually with a fixed interest rate or no interest (zero-coupon bond). With few exceptions (such as perpetual bonds), these instruments have a fixed maturity, e.g. bond issues, medium-term notes. (2) individual security forming part of a bond issue generally for a principal amount of several millions. All the bonds in a bond issue carry equal rights, with the terms of issue uniformly specified”), и *bank account* (“also: account. Record of all incoming and outgoing payments maintained by a bank for its clients. Interest rates, charges, credit and withdrawal limits and additional facilities will vary according to the type of account”) или явления “*coffee cup effect*” (“phenomenon whereby investors switch from a large to a small currency area, which has a greater impact on the small currency area than on the large one”).

Следует также отметить, что в рамках терминологии банковского дела существует ряд определённых префиксов и суффиксов, которые служат для создания как уже существующих, так и вновь образованных терминов в данной терминологии, что также указывает на её системный характер. Так, наиболее частотными аффиксами в терминологии банковского дела являются следующие:

префиксы: “*de -*” (*deferred; deflation*); “*un -*” (*unsecured loan; undisclosed assignment*); “*in -*”; “*il-*” (*insolvency; illiquidity*); “*non -*” (*nonrecourse loan; nonrecurring*); “*over-*” (*overvaluation; overdraft; overnight*); “*out-*” (*outstrike; outperformance*); “*under-*” (*underperformance; undervaluation*).

суффиксы: “*- able*” (*receivable; negotiable*); “*- ing*” (*cost accounting; discounting; withholding*); “*- (t)ion*” (*acquisition; valuation; requisition*).

Системность терминологии также отражается в наличии устойчивых морфологических моделей, по которым строятся терминологические сочетания. Анализ английских терминов банковского дела показал, что большинство терминологических сочетаний образовано на основе следующих моделей:

NOUN + NOUN (*mortgage loan; acceptance credit*)

NOUN + OF + NOUN (*balance of payments; letter of credit*)

NOUN + PREPOSITION + NOUN (*losses on receivables; loan against pledge*)

ADJECTIVE + NOUN (*liquid funds; domestic bond*)

PARTICIPLE II + NOUN (*undisclosed reserves; accrued interest*)

NOUN + PREPOSITION + PARTICIPLE II + NOUN (*loan against pledged bill; loan for an unlimited period*)

NOUN + PARTICIPLE + NOUN (*asset-backed security; note-issuing bank*)

Однако в рамках данной терминологии встречаются и отдельные терминологические словосочетания, которые образованы на основе следующих, малопродуктивных моделей:

Субстантивированное сочетание PREPOSITION + NOUN (*at par; without recourse; below par*)

NOUN + CONJUNCTION + NOUN + NOUN (*cash or title option; fill-or-kill order; put and call option*)

Субстантивированное сочетание PREPOSITION + NOUN + AD-VERB (*for deposit only*)

Субстантивированное сочетание ADVERB + ADJECTIVE (*tomorrow next*)

В английской терминологии банковского дела существует также целый ряд субстантивированных терминологических сочетаний, которые невозможно причислить к какой-либо структурной морфологической модели. Например, *pay-as-you-go system; valid for one day; when, as and if issued*.

Безусловно, всё вышеизложенное доказывает системный характер терминологии банковского дела, а именно: терминология банковского дела в основном основана на дескрипторах; соблюдается принцип *genus proximum et differentia specifica*; терминология включает в себя множество терминов, образующих антонимические пары; наблюдается наличие устойчивых структурных моделей, по которым строятся терминологические сочетания.

Однако, как уже было показано выше, множество английских терминов банковского дела не отвечают критериям системности и требованиям, предъявляемым любому термину.

В первую очередь следует упомянуть, что одним из основных свойств термина является его однозначность, т.е. наличие одной строгой научной дефиниции. Данное свойство термина проистекает из самой природы термина как знака, т.е. неделимого единства плана выражения и плана содержания. При этом одному означаемому должно соответствовать одно означающее. На практике же повсеместно наблюдается нарушение данного принципа, которое выражено явлением **полисемии** и **омонимии**.

Процесс обозначения нескольких понятий, особенно если они относятся к одной терминологической системе, с помощью одной лексической единицы является одной из главных терминологических проблем, поскольку данное явление наблюдается во всех сферах человеческого знания. В результате образуется полисемия значений, затрудняющая научное и профессиональное общение.

Д.С. Лотте одним из первых среди учёных-терминологов заявил, что «термин не должен быть многозначным». Требование однозначности

также подчёркивалось другими признанными учёными, такими как О.С. Ахманова. Приводя примеры из «Словаря лингвистических терминов», О.С. Ахманова называет ряд терминов, которые имеют два, четыре и даже пять различных значений [Ахманова, 1977]. Количество полисемантических терминов в различных терминосистемах составляет около 15-25%. Что касается терминологии банковского дела, на основании исследования было сделано заключение, что значительное число терминов не соответствует вышеуказанному требованию однозначности.

Так, например:

Cap

- (1) Maximum interest rate on floating rate bonds.
- (2) Individually structured interest rate option that protects the buyer long-term against rising interest rates via a ceiling.

Consolidation

- (1) Conversion of outstanding, short-term debts into fixed, long-term debts, e.g. from a construction loan to a mortgage.
- (2) Stabilization of prices on the stock exchange following a downturn or after a bull market.
- (3) Combination of the separate balance sheets of a group of companies into a single group or consolidated balance sheet.

Deferred share

- (1) Stock with more limited rights than ordinary stock. This means that holders of deferred stock only have a claim on earnings once the dividend has been distributed to ordinary shareholders. Opposite: preferred stock; preferred shares; preference shares; preference stock.
- (2) A share that does not have any rights to the assets of a company undergoing bankruptcy until all common and preferred shareholders are paid.
- (3) A method of stock payment to directors and executives of a company through the deposit of shares into a locked account. The value of these shares fluctuates with the market and they cannot be accessed by the beneficiaries for the purpose of liquidation until they are no longer employees of the company.
- (4) A share generally issued to company founders that restricts their receipt of dividends until dividends have been distributed to all other classes of shareholders.

Liquidation

- (1) Dissolution of assets or of a company by realizing the assets and settling the debts.
- (2) Settlement of forward or future transactions on the exchanges, with specific dates stipulated ahead of time for the individual operations (option

declaration, payment, delivery of securities, etc). The liquidation calendar is determined by the stock exchange board.

- (3) Closing (squaring) a forward transaction in foreign exchange or precious metals by a corresponding contra transaction with the same due date.

Performance

- (1) Change in the price of a security.
- (2) Change in an index covering part or all of a market.
- (3) Change in the income generated by a portfolio.
- (4) Effect produced by the investment policy employed by an investment advisor or a fund management company measured against the investment targets.

Trust

- (1) A sum of money or property held and administered by trustees on behalf of a third party. Under UK/US law, both the trustees and the beneficiaries are regarded as being the owners of the assets or property.
- (2) A group with a dominant market position. 'Trust' is seldom used in this sense these days, with the exception of phrases such as 'anti-trust legislation'.
- (3) Previously common short form for unit trust (= investment fund).

Window dressing

- (1) Trading activity used by mutual fund and portfolio managers near the year end or quarter end to improve the appearance of the portfolio/fund performance before presenting it to clients or shareholders.
- (2) Bank accounting policy: increasing total assets by taking up interbank assets prior to a reference date so as to present higher liquidity.

Conversion

- (1) Replacing an old, due or called bond issue by new bonds of the same company at different terms and conditions (debt restructuring or refinancing).
- (2) Renewal of a bank-issued medium-term loan.
- (3) Exchange of convertible bonds for shares.
- (4) Forex: exchange of a credit balance or claim for one in a different currency.
- (5) Synthetic forward purchase of an underlying by means of options. By purchasing a put and selling a call with the same exercise price, a falling market price is anticipated.

Uncovered position

- (1) The seller of an uncovered position is still under obligation to deliver them.
- (2) Shortage of units due to an excessive number of short sales.
- (3) An uncovered amount under a Lombard loan.

Substitution

- (1) Replacement of one creditor by another.
- (2) Replacement of collateral securing a broker's call loan with other collateral of equal value.
- (3) Acquisition of a borrower's tangible property through foreclosure.
- (4) An investor's right to have the selling financial institution replace a non-performing loan with another.
- (5) The exchange of a new contract for an existing one.

Данная работа основывается на академической традиции кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, разработанной О.С. Ахмановой. В различных научных работах О.С. Ахманова чётко формулирует концепцию разграничения полисемии и омонимии: *если два термина совпадают в плане выражения, но отличаются в плане содержания, данное явление рассматривается как пример полисемии в рамках одной терминологической системы, и как омонимия в разных терминосистемах.*

Данная традиция была продолжена С.З. Нога. В своих работах С.З. Нога признаёт возможность существования омонимов как в рамках одной терминологии, так и в различных терминологических системах. Автор подчёркивает, что само использование термина в рамках данной терминологии уже отражает его точное значение. Однако С.З. Нога обращает внимание на то, что большое количество исследований в разных терминологических системах показало, что число омонимов в рамках одной терминологии незначительно по сравнению с полисемантическими терминами и синонимами. Данное явление объясняется тем, что поскольку термин является знаком, его природа противостоит существованию двух или нескольких лексических единиц с одним планом выражения для обозначения разных понятий в рамках данной терминологии.

Так, например:

Fraction

- (1) In share trading, a number of share units which is smaller than the number of units usually traded, as distinguished from the round lot, which is a multiple of the trading unit.
- (2) In bond and rights trading: fractional item.

Investment

- (1) Banking: the act or process of placing money in a property, security or other item of value or in a venture, generally on a longer-term basis.
- (2) Business management: medium and long-term investment of capital in means of production to replace worn-out equipment or expand production capacity.

Settlement day; declaration day; reference day

- (1) Financial statements: cut-off date.

- (2) Exchange trading: the day on which liabilities arising from forward transactions have to be settled.
- (3) Dividend distributions: the day on which shareholders become entitled to a dividend.

Sub-participation

- (1) In the securities underwriting business: where banks that are not members of an underwriting syndicate participate in an issue; the sub-participating banks participate to a certain extent in the rights and obligations of the syndicate. Sub-participation is an attractive option for banks not included in a syndicate. By granting sub-participations, the syndicate banks can reduce their own risk exposure and access a broader group of investors.
- (2) In the lending business: if a large loan is granted to a borrower, several banks can join together to act as the lender. Each bank provides part of the loan, but only the lead bank deals directly with the client. The lead bank refers to the credit facilities provided by the other banks as sub-participations.

Flat

- (1) a net interest rate, in other words one without further additions, or
- (2) in the purchase or sale of fixed-income securities, trading without accrued interest (only applies to bonds in default).

Данные примеры ярко иллюстрируют различия в научных дефинициях и терминологических полях употребления приведённых терминов. Данные термины могут рассматриваться двояко: как омонимы, если проводится чёткое разграничение между терминологическими системами, к которым они относятся; как полисемантические термины, если все указанные терминосистемы считаются частью одной общей терминологии – экономики.

Примерами омонимии в терминологии банковского дела могут служить следующие термины:

direct deposit* – if you receive money on a regular basis (i.e. from a job, pension, allowance), your employer, the government or person paying the allowance can deposit the money directly into your account.

Direct Deposit** – a means of authorizing payment made by governments or companies to be deposited directly into recipient's bank account. It is used mainly for deposits of a recurring nature such as salary, pensions and interest payments.

Equity* – security embodying the right to a dividend. In actual practice this includes shares, dividend-right certificates and participation certificates.

Equity** – net worth of a company, calculated as the excess of assets over liabilities.

Омонимия часто возникает как результат полисемии в различных вариантах данной терминологии. Так, термин “**credit**” в американском банковском словаре рассматривается как многозначное слово, поскольку имеет три значения: “1. lender’s agreement to advance funds, based on an estimation that the debt will eventually be repaid, or to refrain from collecting a previously existing debt, as in a refinancing; 2. used by bank credit analysts and lenders instead of a borrower or loan; 3. bookkeeping entry representing a deposit of funds into an account”. В то время как в британской терминологии банковского дела существует два термина, означающие то же самое: **credit*** – “granting the use or position of goods and services without immediate payment”; и **credit**** – “double-entry bookkeeping”.

Как правило, полисемия термина устанавливается с помощью терминологических словарей. Хотя данный метод не всегда оправдан, поскольку часто наблюдается различия и даже противоречия в научных дефинициях одних и тех же терминов в разных словарях. Случаи противоречивости научных дефиниций объясняются различными экстралингвистическими факторами и часто обусловлены субъективной оценкой автора словаря или его принадлежностью к определённой научной школе.

Так, например:

Distribution

- (1) Payment of dividend(s) on shares and participation certificates to shareholders.
- (2) Payment of the income of a fund to the holders of investment fund certificates.
- (3) Payment of interest on bonds to the bondholders. [UBS-Dictionary]

Distribution

That part of the marketing function involved with getting the product from the factory to the customer. [Small Business Dictionary]

Тем не менее, дефиниции некоторых полисемантических терминов могут частично или полностью совпадать в разных терминологических словарях. Например,

Discount

- (1) Price reduction expressed in percent which may be deducted from the invoiced amount if payment is made within a specified period.
- (2) Interest deducted in advance if claims falling due later, esp. drafts and bills, are purchased. The net amount of the claim after deduction of the discount is immediately credited to the beneficiary upon presentation. Discounting is usually effected by a bank.

- (3) The difference between the nominal or par value and the underlying market value, e.g. if the issue or market price expressed in percent of the nominal value drops below par (i.e. below 100). In foreign exchange operations, it is the term for the discount charged for exchanging a depreciated foreign currency and the charge or discount deducted for exchanging abraded or worn coins. [UBS-Dictionary]

Discount

- (1) the amount by which the current amount is less than the original amount; the difference between the face value and the cash value;
- (2) a percentage off;
- (3) the current amount is a percentage less than the original amount.
- (4) in retail merchandise sales, a discount is the percentage off the original selling price in exchange for quick payment.
- (5) in discount financing of a loan, the interest is deducted in advance. [Small Business Dictionary]

Не менее распространённым явлением в любой терминологии является синонимия, указывающая на признаки асистемного характера данного терминологического поля.

Синонимия – «это совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т.д.; совокупность семантически равнозначных, но экспрессивно различных средств выражения» [Ахманова 1969].

Так, термин британской терминологии банковского дела “**at best**” (“at the lowest possible price in the case of a purchase order and at the highest possible price in the case of a selling order”) имеет синоним в американской банковской терминологии “**at market**”. Однако синонимы могут существовать не только в разных вариантах языка (как в вышеприведённом примере), но и внутри одной терминологии. В американской терминологии банковского дела термин “**at market**” имеет полный синоним “**market order**”.

Полными являются синонимы, которые полностью совпадают в плане содержания, но отличаются в плане выражения. Так полными синонимами являются следующие термины американской и британской терминологии банковского дела:

Stagging (GB)

Applying to several banks at once for newly issued shares or bonds in strong demand in the hope of securing a sizeable allotment. A stag is a speculator engaging in this practice.

Flipping (US)

Applying to several banks at once for newly issued shares or bonds in strong demand in the hope of securing a sizeable allotment. A stag is a speculator engaging in this practice.

Traveller's cheque (GB)

Medium of payment created especially for use in international travel and tourism. In contrast to conventional cheques, traveller's cheques must be paid in advance by the buyer. They can be cashed at most banks and many businesses in other sectors (shops, hotels, etc) subject to verification. Traveller's cheques are issued by banks, groups of banks or travel organizations

Traveler's check (US)

Medium of payment created especially for use in international travel and tourism. In contrast to conventional cheques, traveller's cheques must be paid in advance by the buyer. They can be cashed at most banks and many businesses in other sectors (shops, hotels, etc) subject to verification. Traveller's cheques are issued by banks, groups of banks or travel organizations

В последнем случае различие в плане выражения объясняется различиями в орфографии двух вариантов английского языка.

Синонимия также может быть частичной. Например:

Market value

(1) Synonym for market price.

(2) The price that can be obtained (usually with reference to real estate) on the open market under ordinary circumstances. In the case of real estate, the market value is determined by an expert appraiser on the basis of the intrinsic value and the capitalized income value, and adjusted in line with local rates and the situation on the property market.

Market price

Also: market value. The price at which a security (share or bond, etc.) is traded on the stock exchange. The market price changes independently of the par value, if any, of the security in response to supply and demand.

В данном примере термин "market price" является лишь частичным синонимом термина "market value", который в свою очередь оказался полисемантическим.

Анализ терминологии банковского дела показал, что, хотя данная терминологическая система отвечает целому ряду критериев системности, выявлен и её асистемный характер по целому ряду признаков. Значительное число терминов банковского дела не соответствует тем требованиям однозначности, непротиворечивости научной дефиниции, отсутствия многозначности, синонимии и омонимии, независимости от контекста или субъективной оценки, которые предъявляются к любой терминологии. Таким образом, можно сделать вывод, что необходима стандартизация в рамках данной терминологии. Стандартизация терми-

нологии наряду с нормализацией, унификацией и интернационализацией является одной из функций лингвистического упорядочения терминологии. М.В. Марчук так определяет данные функции: унификация предполагает устранение многообразия форм (синонимии), а также унификацию значений (устранение полисемии и омонимии). Стандартизация или гармонизация – это процесс, направленный на создание единой системы понятий внутри данной терминологии и правильное употребление понятий в различных ситуациях, контекстах и языках, а также на разработку и краткий обзор универсальных критериев и принципов отбора специальной лексики в рамках данной терминосистемы. Результатом данного процесса в нескольких языках является интернационализация терминологических единиц.

Практические исследования свидетельствуют о том, что терминология банковского дела, отвечая основным критериям системности, тем не менее, характеризуется неоднородностью и неоднозначностью терминопотребления. И, будучи живой и развивающейся системой человеческого знания и объектом активной человеческой деятельности, и в ней давно назрела объективная необходимость упорядочения и стандартизации.

Л и т е р а т у р а

1. *Анисимова А.Г.* Типология терминов англоязычного искусствоведения. М., 1994.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
3. *Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения (вопросы методологии). М., 1986.
4. *Гринштейн А.С.* Понятия и термины морфологии современного языка в лингвистическом освещении: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 1988.
5. *Лейчик В.М.* Особенности терминологии общественных наук и сферы её использования. М., 1986.
6. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М., 1961.
7. *Марчук М.В.* Динамика лексических значений многозначных слов: Дисс. ... д-ра филол. н. М., 1996.
8. *Akhmanova O.S.* Linguistic Terminology. Moscow, 1977.
9. *Akhmanova O.S.* Terminology: Theory and Method". Moscow, 1974.
10. *Fitch Thomas P.* Dictionary of Banking Terms. Barron's Educational Series, Inc. 2000.
11. *Bannock Graham, Manser William.* International Dictionary of Finance, London, 1999.

И н т е р н е т - р е с у р с ы

UBS Dictionary of Banking – 2005 edition <http://www.ubs.com>
Small Business Dictionary – 2004 edition <http://www.small-business-dictionary.org>

Лексика, обозначающая гнев, граничащий с психической болезнью, в русском, польском и чешском языках

© кандидат филологических наук Е. Е. Стефанский, 2007

Лингвисты, активизировавшие в последние годы интерес к концептуализации эмоции гнева в разных языках [см. 2, 3, 4, 5, 6, 7], а также к сопоставительному изучению соответствующих языковых единиц и вербализующихся в них концептов, обычно сосредоточивают внимание на сопоставлении далеких с точки зрения родства или вообще неродственных языков и столь же различных лингвокультур [см. 2, 5].

Между тем микросистемы языковых единиц, в которых вербализовалась эмоция гнева, даже в таких близкородственных языках, как русский, польский и чешский, обнаруживают весьма яркое своеобразие. В настоящей статье будут рассмотрены языковые средства, обозначающие гнев, граничащий с психической болезнью. Эта микросистема находится на периферии семантического поля гнева во всех трех сравниваемых языках, тогда как центральное место в этом поле занимают лексемы *гнев, злоба, злость, ярость* и их польские и чешские соответствия.

Лексические единицы, которые сопоставляются в данной статье (см. русск. *бешенство, неистовство, исступление, безумие, безумство*, польск. *wściekłość, szal, furia, pasja*, чешск. *vzteky, šílenství*) объединяет то, что все они могут использоваться как для передачи гнева, так и для обозначения сумасшествия, безумия, бешенства в их медицинском, психиатрическом смысле ср., например:

‘Злость’	‘Сумасшествие’
<p>Вот только я даже адреса Беаты не знаю; она, правда, оставила мне номер телефона, но даже сама мысль, что на том конце линии может отозваться мужской голос, доводила меня до белого каления.</p> <p>Tylko że ja przecieж nie znałem adresu Beaty; zostawiła mi wprawdzie telefon, ale myśl, że po tamtej stronie drutu mógłby się odezwać męski głos, doprowadzała mnie do szału. (Сосновский).</p>	<p>Бенгальского пробовали уложить на диван в уборной, но он стал отбиваться, сделался буен.</p> <p>Bengalskiego próbowano położyć na kanapce w garderobie, ale zaczął się wyręwać, wpadł w szal (Булгаков).</p>
<p>[Людовик] бесился, что Коутецкие демонстрируют его как свидетельство своей благотворительности. Бесился, что вынужден при обряде целовать обслонявленный крест (Кундера).</p> <p>Zuřil, že ho Koutečtí vustavují jako doklad své dobročinnosti. Zuřil, že musí při obřadu libat poslintaný kříž.</p>	<p>Самым буйным был господин, выдававший себя за шестнадцатый том Научного энциклопедического словаря Отто. (Гашек)</p> <p>Nejzuřivější byl jeden pán, kerež se vydával za 16. díl Ottova slovníku naučného.</p>

<p>Он [Бек-Агамалов], с глазами, налившимися кровью, оглянулся кругом и, вдруг выхватив из ножен шашку, с бешенством ударил по дубовому кусту (Куприн).</p> <p>Agamałow z nabiegłymi krwią oczyma obejrzał się wokół, wyciągnął nagle szablę z pochwy i uderzył z wściekłością w mały dąb.</p>	<p>Там [в сумасшедшем доме] разрешается ползать нагишом по полу, выть шакалом, беситься и кусаться (Гашек).</p> <p>Člověk tam může lezt nahej po podlaze, vejt jako šakal, zuřit a kousat.</p>
--	--

Передавая гнев, рассматриваемые лексемы обозначают его крайние проявления, когда человек может терять контроль над собой.

В русском языке наиболее частотным в этой группе является слово *бешенство* и связанные с ним словообразовательно глаголы *беситься*, *взбеситься*, отглагольное прилагательное *бешеный*, наречие *бешено*, а также фразеологизмы *бес попутал* (кого-то), *бес вселился* (в кого-то), *бес овладел* (кем-то). Легко заметить, что в обозначениях данной эмоции концептуализировались представления о бесе, вселяющемся в человека и руководящем его действиями (в том числе и в момент гнева).

В польском и чешском языках также имеются языковые средства, отражающие подобные представления. Так, в польском языке существуют глаголы *biesić* ‘бесить’, *zbiesić się* ‘взбеситься’, фразеологизмы *bies kogoś opętał* (букв. ‘бес кого-то опутал’), *bies w kogoś wstąpił* (букв. ‘бес в кого-то вступил’). Чешский язык обладает такими лексическими единицами, как глаголы *běsnit* ‘беситься’, *rozběsnit* ‘взбесить’, отглагольное существительное *běsnění* ‘неистовство’, прилагательное *zběsilý* ‘бешеный’, фразеологизм *běs někoho chytil* (букв. ‘бес кого-то схватил’). Кроме того, чешск. *běs* может обозначать не только черта, но и – метонимически – действие, связанное с ним, – ‘буйство, неистовство’ [ЧРС: I; 51]. См., например:

Его обуяла **ярость**: – Я это говорил, чтобы испытать тебя! (Кундера)

Chytil ho běs: „Řikal to, abych tě zkoušel.

Франтишек весь пылал от возбуждения, а угроза Ружены и вовсе так **взбесила** его, что он вошел в зал и захлопнул за собой дверь (Кундера).

František byl rudý v tváři a Růženina výhrůžná slova ho **rozběsnila** natolik, že vkročil do místnosti a zapráskl za sebou dveře.

Они всегда, как увидят пана Бретшнейдера, говорят только про футбол, а его от этого передергивает – того и гляди судороги сделаются и он **взбесится** (Гашек).

Oni si vždycky, když ho vidí, vypravují jen o fotbalu. A on sebou cukal, jako kdyby každou chvíli chtěl **běsnit** a svíjet se.

[Я] пришла к выводу, что для меня лучше было бы, если бы мой партнер **взбесился** и возвратился к матери, к роялю, избавив меня от необходимости продолжать игру. Однако он **не взбесился** и не возвратился. (Сосновский).

Dla mnie byłoby najlepiej, gdyby mój partner **się zbiesił** i wrócił do matki, do fortepianu, żebym nie musiała grać w to dalej. Ale nie **zbiesił się** i nie wrócił.

Однако следует отметить, что в польском языке наиболее частотным средством в этой группе является слово *wściekłość* ‘бешенство’ и связанные с ним словообразовательно *wściekły, zaciekły*, а в чешском – не только их этимологические соответствия *vztek, vzteklý*, но и слово *zuřivost* ‘ярость’ и его дериваты, находящиеся на границе ядра и периферии чешской системы. Ср. в параллельных текстах:

И все же – на одного пациента здесь приходится не менее девяти пациенток, что доводит до **бешенства** незамужнюю молодую женщину, медсестру Ружену, обслуживающую в бассейне бесплодных дам (Кундера).

Přesto však na jednoho pacienta jet u devět pacientek, což je k **vzteku** pro svobodnou mladou ženu, která tu pracuje jako zdravotní sestra a obsluhuje u bazénu neplodné dámy.

Он [Бек-Агамалов], с глазами, налившимися кровью, оглянулся кругом и, вдруг выхватив из ножен шашку, с **бешенством** ударил по дубовому кусту (Куприн).

Agamałow z nabiegłymi krwią oczyma obejrzał się wokół, wyciągnął nagle szablę z pochwy i uderzył z **wściekłością** w mały dąb.

Měla na nego vždycky **vztek**, když se z hraným údivem ptal proč má zastavovat (Кундера).
русс. Она всегда **сердилась** на него, когда он с наигранным удивлением спрашивал, почему ему надо притормаживать.

польск. Zawsze była na niego **wściekła**, kiedy z udanym zdziwieniem pytał, dlaczego ma się zatrzymać.

- Молчать! – вскричал Пилат и **бешеным** взором проводил ласточку, опять впорхнувшую на балкон (Булгаков)

польск. – Zamilcz! – krzyknął Pilał i powiódł **wściekłym** spojrzeniem za jaskółką, która znowu wpadła pod kolumnadę.

чешск. „Mlč!” zahřměl Pilał a **zuřivě** sledoval vlařtovku, která znowu vléřla na kolonádu.

В **бешенстве** на себя, Левий выбрался из толпы и побежал обратно в город (Булгаков).

польск. **Wściekły** na siebie wydostał się z tłumu i pobiegł z powrotem do miasta. – чешск. Prodrał se davem a **rozzuřen** sám na sebe běžel zpátky do města.

Определения эмоций *wściekłość* и *vztek* в толковых и психологических словарях позволяют выделить их основные характеристики. Польская эмоция *wściekłość* характеризуется как «nierozhamowany gniew» [SJP: III; 776-777], т.е. «безудержный (букв. «не поддающийся торможению») гнев», «bardzo trudna dla opanowania gwałtowna reakcja emocjonalna silnego gniewu» [SP: 312], т.е. «очень трудная для обуздания бурная эмоциональная реакция сильного гнева». Чешск. *vztek* также определяется как «prudký hněv» [SSČ: 531], т.е. «бурный гнев». Таким образом, важнейшие черты этих эмоций – бурность, безудержность, необузданность.

Эмоция *бешенство* / *wściekłość* / *vztek* обычно возникает из злости, которую человек так или иначе способен контролировать. Как только этот контроль над собой утрачен, человек выходит из себя и его злость превращается в *бешенство* / *wściekłość* / *vztek*. После вспышки, взрыва

этой эмоции человек нуждается как минимум в передышке, поэтому довольно быстро наступает успокоение, которое может перерасти даже в депрессию. См., например:

Капрал **зарычал**. Это нельзя было назвать ревом. То был рык, выражавший **гнев, бешенство** и **отчаяние**, слившиеся воедино. <...> После этого рыка у капрала наступила полнейшая **депрессия**. Он сел на лавку, и его водянистые, невыразительные глаза уставились вдаль, на леса и горы. (Гашек)

Desátník **zařičel**. Nebylo možné říci, že zařival. **Hněv, vztek, zoufalství**, vše se slilo v řadu silných zvuků <...> Po tom zařičení nastoupila úplná **deprese**. Desátník posadil se na lavici a jeho vodové, bezvýrazné oči utkvěly v dálce na lesy a hory.

Чешский психолог П. Гартль отмечает еще одну черту эмоции *vztek*, замечая, что это «afektivně pomstychtivý hněv» [Hartl: 304], т.е. «аффективно-мстительный гнев». Примеры из параллельных текстов позволяют распространить эту характеристику и на польскую эмоцию *wściekłość*:

Чешский оригинал	Польский перевод	Русский перевод
Teď přišla chvíle pomstít se za všechno a ukoupit svůj vztek , jenomže já jsem v té chvíli žádný vztek necítil (Кундера).	Oto nadeszła chwila, by zemścić za wszystko i wyładować swoją wściekłość , tylko że ja w tej chwili żadnej wściekłości nie czułem.	Сейчас настала минута, когда я мог бы отомстить за все и тем самым убогатворить свой гнев , однако никакого гнева в эту минуту я не испытывал.
Ještě stále nacházela Alice pohotovové odpovědi, ale neměla je raděj nacházet, protože rozdraždila Eduardův mstivý vztek (Кундера).	Wciąż jeszcze znajdowała Alicja zręczne repliki, ale lepiej by było, gdyby ich nie znajdowała, ponieważ podsyłała nimi tylko mściwą wściekłość Edwarda.	Алица все еще пыталась найти подходящие ответы, но лучше бы она их не находила – ими она лишь разжигала его мстительный гнев .

С другой стороны, в русской эмоции *бешенство* оттенок мстительности отсутствует, поэтому в приведенных выше примерах в русском переводе и используется лексема *гнев*.

Весьма интересна и этимология лексем *wściekłość* и *vztek*. Чешский этимолог И. Рейзек, выделяя в чешской лексеме префикс *vz-*, обозначающий движение вверх, и корень *-tek-*, передающий движение жидкости, полагает, что данное слово буквально означает излитие жидкости вверх [Rejzek: 728]. Иными словами, исследователь считает, что в лексеме *vztek* словообразовательными средствами реализовалась метафора «гнев – это кипящая жидкость».

Польский лингвист В. Борысь высказывает другую и, как кажется, более убедительную этимологию. По его мнению, семантика бурного гнева у глагола *wścies* и прилагательного *wściekły* является вторичной и возникла лишь в 15-16 вв. в результате метафорического переноса значения ‘быть больным бешенством’ (по-польски ‘zachorować na wściek-

лізнє'). При этом корень *-ciek-* обозначает в данных словах не движение жидкости, а быстрое движение вообще (ср. русск. *броситься наутек*, а также в аналогичном значении польск. *uciekać* 'убегать, спастись бегством'). Такое движение, как известно, является характерным для животных, больных бешенством [Boгуś: 715]. В пользу этой версии говорит и тот факт, что авторы «Старославянского словаря», где имеется перевод слов как на русский, так и на чешский язык, приводят лексему **ВЪСТОЧИВЪ**, в которой выступает другой фонетический вариант корня *tek-. В качестве русского эквивалента этой лексеме приводятся *неистовый* и *бешеный*, в качестве чешского – *zuřivý* и *vzteklý* [ССС: 156].

Значительную активность в рассматриваемой группе обнаруживает польская эмоция *szal* и ее дериваты, а также этимологически соответствующая ей чешская эмоция *šilenství*. Соответствующими лексемами может обозначаться не только психическое расстройство или гнев (см. примеры выше), но и вообще такое поведение, которое выходит за рамки общепринятых норм. Показательно, что в последнем случае в русском языке употребляются лексемы *неистовство* (букв. 'неистинное поведение'), *исступление* (букв. 'выход из себя'). См., например:

Аннушка отбежала от окна, спустилась вниз к своей двери, быстрехонько открыла ее, спряталась за нею, и в оставленной ею щелке замерцал ее **исступленный** от любопытства глаз (Булгаков).

польск. Annuszka odbiegła od okna, zeszła pół piętra do swoich drzwi, szybkoiteńko je otworzyła, schowała się do przedpokoju i w wąskiej szparze niedomkniętych drzwi zamigotało jej **oszalale** z ciekawości oko.

Тогда луна начинает **неистовствовать**, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом (Булгаков).

польск. Wówczas księżyc zaczyna **szaleć**, zwała potoki światła wprost na Iwana, rozbryzguje to światło na wszystkie strony, w pokoju wzbiera księżycowa powódź, blask faluje, wznosi się coraz to wyżej, zatapia łóżko. To właśnie wtedy Iwan ma we śnie taką szczęśliwą twarz.

Интересно, что лексемой *szal* по-польски можно обозначить и состояние человека, испытывающего приятные эмоции, например, радость, любовь и подобные страстные чувства, проявляющиеся без меры, например:

Он был уже совсем спокоен, настолько, что это спокойствие его даже пугало. **Неистовство** страстей исчезло, и он спрашивал себя, действительно ли эту женщину он любит? (Прус). – Już był zupełnie spokojny, tak spokojny, że aż go to przerażało. Opuścił go **szal** miłości i nawet pytał sam siebie: czy ona jest kobietą, którą kochał?...

Панна Ленцкая – красавица, спору нет, но ведь она всего только женщина, и не стал бы Стах ради нее совершать такие **безумства**... (Прус). – Panna Łęcka piękna bo piękna, ale przecie jest tylko kobietą i dla niej Stach nie popełniałby tylu **szaleństw**.

Поэтому у рассматриваемых лексем (как и у их русских этимологических соответствий типа *шалльной*) имеются положительные коннотации, свидетельствующие о синкретичной, позитивно-негативной, оценке соответствующего состояния и поведения по крайней мере в прошлом. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в польском языке у глагола *szaleć* (и его производных *szaleństwo*, *szalony*) выделяется периферийное значение «spędzać czas na hulankach, zabawach, pijatykach, bawić się, hulać» [SJP: III; 291], т.е. «проводить время в гулянках, забавах, пьянстве, забавляться, гулять». Польские этимологи отмечают аналогичное значение в 18 в. и у слова *szal*, характеризуя его как «hulaszcza zabawa, hulanka, orgia» [Boryś: 591-592]. Важно отметить, что польский глагол *hulać*, в отличие от русского *гулять*, лишен значения ‘совершать прогулку, променады’, которое по-польски передается заимствованным из немецкого языка словом *spacerować*.

В совместной с С.З. Агранович монографии «Миф в слове: продолжение жизни» мы показали, что глаголом *гулять* в славянских языках первоначально синкретически обозначалось и коллективное шествие по определенному маршруту, и впадение во временное экстатическое возбуждение, и демонстративное сексуальное поведение [см. I; 26-29]. По-видимому, польский глагол *szaleć* и его производные (как и их этимологические соответствия в других славянских языках) первоначально обозначал эмоциональное состояние «священного безумия», которое испытывали участники таких празднеств. Весьма сходное эмоциональное состояние описано в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда после сеанса черной магии произошло «разоблачение» развратника Семплеярова:

К Семплеяровской ложе бежала милиция, на барьер лезли любопытные, слышались *адские взрывы хохота*, *бешеные* крики, заглушаемые золотым звоном тарелок из оркестра (Булгаков).

Milicjanci biegli w kierunku loży Siempiarowa, gapie włązili na poręczce krzesel, słycać było *wybuchy piekielnego śmiechu*, *oszałale* krzyki, które zagłuszał złoty brzęk talerzy orkiestry.

Показательно, что в разных славянских языках у лексем, восходящих к корню *šal-, отмечаются значения ‘шутить’, ‘обманывать’, а сложные существительные со значением лица, в состав которых входит данный корень, обозначают людей, для которых характерно деструктивное поведение. См., например, приводимые в словаре М. Фасмера слова *шалáбола* ‘пустой человек’, *шалабурда* ‘ротозей’, *шалава* ‘негодяй, бродяга, развратник’, *шаломут* ‘смутьян’, *шалопут* ‘бездельник, кутила’ [Фасмер IV: 396-400]. Слова с подобными коннотациями возникли и

из другой фонетической ипостаси соответствующего праславянского корня *xǫl-: *холуй* ‘слуга, лакей, лакействующий приспешник’, *подхалим* ‘низкий, подлый льстец’, *охальник* ‘нахал, озорник’, *нахал* ‘грубый, бесцеремонный человек’ [см. Фасмер, Черных, Brückner]. Все перечисленные реалии так или иначе восходят к уже упоминавшейся фигуре трикстера. Таким образом, семантика корня *šal- эволюционировала от синкретически нерасчлененного состояния священного безумия во время гулянок и празднеств к различным формам неестественного поведения, в том числе к гневу и сумасшествию.

В русских параллельных текстах лексемам *szal* и *šilenství* и их производным чаще всего может соответствовать слова *безумие*, *безумство* и их дериваты. См., например:

Седока трепало на сиденье, и в осколке зеркала, повешенного перед шофером, Римский видел то радостные глаза шофера, то **безумные** свои (Булгаков).

польск. *Pasażera podrzucało na siedzeniu i w wiszącym przed kierowcą kawałku lusterka Rimski widział to rozradowane oczy kierowcy, to swoje, oszalałe.*

После десяти минут **безумного** бега я буквально врезалась в сетку, благодаря чему могла не мучаться сомнениями – под током она или нет (Сосновский).

Po dziesięci minutach **oszalałego** biegu wpadłam na tę siatkę; dzięki temu mogłam nie rozważać, czy aby nie jest pod prądem.

Я в прошлом году решила промотать уйму денег. Управляющий и кассир уверяют меня, будто я истратила двадцать семь тысяч... Я **безумствовала** – и все же не разогнала скуку... (Прус).

Ja w roku zeszłym postanowiłem wydać masę pieniędzy. Plenipotent i kasjer zapewniają mnie, że wydałam dwadzieścia siedem tysięcy... **Szalałam**, no – i nie spłoszyłam nudów.

И меня до **безумия** **возбуждала** именно эта преданность, смешанная со **стыдом**; когда я подошел к ней, она **съежилась** и закрыла руками лоно... (Кундера)

A mne **vzrušovala** k **šilenství** právě ta oddanost smíšená s **ostychem**; když jsem k ní přistoupil, **skrčila se** a zakryla si rukama klín...

Сущее **безумие!** (Кундера)

To bylo **šilenství!**

Показательно, что русск. *безумие* и *безумство* могут использоваться с положительными коннотациями. См., например:

Построить город там, где город построить нельзя, – само по себе **безумие**; но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов [Венецию] – **гениальное безумие** (Герцен). [БАС₂: I; 447-448]

Безумству храбрых поем мы *славу!* **Безумство** храбрых – вот *мудрость* жизни (Горький). [БАС₂: I; 449]

Интересно, что в первом издании БАС специально ради этой цитаты из горьковской «Песни о Соколе» было выделено новое значение лексем *безумство* – «переносно: дерзание, великая смелость» [БАС: I;

364]. Во втором издании это отдельное значение снято. Вместе с тем, как кажется, в данном случае мы имеем дело не столько с парадоксальной индивидуально-авторской лексической сочетаемостью, сколько с использованием древнего семантического потенциала лексемы *безумство*.

Этот потенциал использован и в следующем фрагменте из научного текста, рассказывающего об античных ритуальных практиках:

Античная эстетическая традиция знала и «безумство», одержимость «мусическим восторгом», экстазы пения и плясок. (Сидоров) [БАС2: I; 449].

Кавычки, сигнализирующие о необычном для современного языка значении и употреблении слова *безумство*, в данном случае вполне правомочны. Но в данном случае вновь имеет место использование древнейшего семантического потенциала данной лексемы, обозначающей «священное безумие».

Две других польских лексемы из этой группы – *furia* и *pasja* – являются заимствованиями из латыни. Первая из них сохранила значение языка-источника (лат. *furia* означает ‘сильный гнев, ярость’). Данная лексема выступает в польском языке прежде всего как медицинский термин, обозначающий «резкое помутнение сознания с бурным возбуждением, являющееся проявлением некоторых психических заболеваний и отравлений» и лишь в разговорном языке может использоваться в значении «приступ гнева, злости, бешенства» [SJP: I; 620].

Слово *pasja* после заимствования в польский язык пережило несколько семантических изменений. Лат. *passio* означает ‘страдание’ и было заимствовано во многие европейские языки прежде всего для обозначения страстей (т.е. страданий) Господних. Во многих европейских языках данное заимствование образовало новое, второе, значение – ‘страсть, увлечение чем-либо или предмет этого увлечения’. В этом значении рассматриваемая лексема попала и в русский язык, обозначая (чаще всего с ироническим оттенком) объект чьей-нибудь любви (см. *Это его новая пассия*). Наконец, в польском языке слово *pasja* стало употребляться в качестве эвфемизма вместо *furia* и получило третье значение ‘ярость, бешенство, приступ гнева’. В результате фразеологизм *szewska pasja* (букв. ‘сапожничье увлечение’) стал обозначать вместо страсти к пьянству сильный гнев [см. Wańkowski: I; 509].

В современном польском языке лексемы *furia* и *pasja* имеют некоторые семантические различия. Так, сравнивая фразы *Zerwał się ku wyjściu i z pasją dzrwi za sobą zatrzasnął* и *Zerwał się ku wyjściu i z furią dzrwi za sobą zatrzasnął* (обе переводятся на русский язык как *Он рванулся к выходу и с яростью захлопнул за собой дверь*), польская исследовательница

ца А.Миколайчук отмечает, что в первом случае субъект испытывает удовольствие находиться в состоянии гнева, во втором случае этот оттенок отсутствует [8; 126]. Очевидно, этот оттенок удовольствия, получаемого от гнева, вносится лексемой *pasja* под влиянием ее второго значения ‘страстное увлечение’.

Языковые средства, рассмотренные в статье, представлены в таблице:

Языковые средства, обозначающие гнев, граничащий с психической болезнью

Значение	Русский язык	Польский язык	Чешский язык
‘крайние проявления гнева’	бешенство	<i>biesić, zbiesić się</i>	<i>běsnit, rozběsnit, běsnění, zběsilý</i>
		<i>wściekłość</i>	<i>vztek</i>
‘неестественное поведение’	<i>шалить, шалеть, шальной</i>	<i>szal</i>	<i>šílenství</i>
	неистовство исступление буйство безумие / безумство	<i>furia pasja</i>	

Из таблицы видно, что во всех сравниваемых языках имеются лексемы с корнем *bēs- (для обозначения крайних проявлений гнева) и *šal- (для обозначения неестественного, выходящего за пределы нормы поведения). Однако первый из них используется для обозначения имени эмоции только в русском языке, а второй – только в чешском и польском. Чешский и польский языки сходны с т.з. использования корня *tek- для обозначения эмоции *vztek* / *wściekłość*. Своеобразие польского и русского языков заключается в значительном числе заимствованных слов, употребляемых в значении ‘неестественное поведение’. В польском языке заимствованные *furia* и *pasja* восходят к латыни, русские *неистовство* и *исступление* – к старославянскому языку.

Л и т е р а т у р а

1. Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни. – Самара: Изд-во СаГА, 2003.
2. Агрессия в языке и речи: Сб. научных статей. – М.: РГГУ, 2004.
3. Вежбицкая А. «ГРУСТЬ» и «ГНЕВ» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 15-43.

4. Эмоции в языке и речи: Сб. научных статей. – М.: РГГУ, 2005.
5. Anatomia gniewu: emocje negatywne w językach i kulturach świata. – Warszawa: Wydawnictwo uniwersytetu Warszawskiego, 2003.
6. Borek M. Predykaty wyrażające dyskomfort psychiczny w języku rosyjskim w konfrontacji z językiem polskim. – Katowice: Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 1999.
7. Język a kultura. Acta Iniversitatis Wratislaviensis No 2229, T. 14. – Wrocław, 2000.
8. Mikolajczuk A. Problem ocen w analizie wybranych polskich nazw uczuć z klasy semantycznej gniewu // Język a kultura. Acta Iniversitatis Wratislaviensis No 2229, T. 14. – Wrocław, 2000. – S. 117-134.

С л о в а р и и и х с о к р а щ е н н ы е о б о з н а ч е н и я

- [БАС] Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. Изд-во АН СССР. – М.-Л., 1954.
- [БАС₂] Словарь современного русского литературного языка. В 20 тт. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991.
- [ССС] Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). – М.: Русский язык, 1994.
- [Фасмер] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. – М., 1987.
- [Черных] Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 тт. – М.: Русский язык, 1993.
- [ЧРС] Чешско-русский словарь. В 2-х тт. – Изд. 2-е, стереотип. – М. – Прага, 1976.
- [Bańkowski] Bańkowski A. Słownik etymologiczny języka polskiego. W 3 tt. – Warszawa: PWN, 2000.
- [Boryś] Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków, 2005.
- [Brückner] Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.
- [Hartl] Hartl P. Stručný psychologický slovník. – Praha: Portál, 2004.
- [Rejzek] Rejzek J. Český etymologický slovník. – Praha: Leda, 2001.
- [SP] Słownik psychologii. – Kraków: Zielona Sowa, 2005.
- [SJP] Słownik języka polskiego / Red. naukowy M.Szymczak. W 3 tt. – Warszawa, 1981.
- [SSC] Slovník spisovné češtiny. – Praha: Akademia, 2004.

Т е к с т ы

- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Избр. произведения. В 2 т. Т.1 – Минск: Мастацкая літаратура, 1991. – С. 282-655.
- Гашек Я. Приключения храброго солдата Швейка. – Кишинев, 1972.
- Кундера М. Смешные любви. – СПб: Азбука, 2001.
- Кундера М. Шутка. – СПб: Азбука-классика, 2003.
- Кундера М. Вальс на прощание. – СПб.: Азбука-классика, 2003.
- Куприн А.И. Поединок // Куприн А.И. Собр. соч. В 5 тт. – М.: Правда, 1982. Т. 2, С. 216-439.
- Прус Б. Кукла. – М.: ЭКСМО, 2003.
- Сосновский Е. Апокриф Аглаи. – СПб: Азбука-классика, 2004.
- Bulgakov M. Mistr a Markétka. – Praha: Kma, 2003.
- Bulhakow M. Mistrz i Małgorzata. – Warszawa: MUZA SA, 2004.
- Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. – Praha, 2000.
- Kundera M. Směšné lásky. – Brno: Atlantis, 2000.
- Kundera M. Šmieszne miłości. – Warszawa: PIW, 2001.
- Kundera M. Žert. – Brno: Atlantis, 1996.
- Kundera M. Valčík na rozloučenou. – Brno: Atlantis, 1997.
- Kuprin A. Pojedynek. – Warszawa: Czytelnik, 1980.
- Prus B. Lalka. – Kraków: Zielona Sowa, 2002.
- Sosnowski J. Apokryf Aglai. – Warszawa: WAB, 2004.

Анализ соответствий местоимений в русском и корейском текстах при переводе

© кандидат филологических наук Ю Хак Су,
профессор университета Сонмун (Республика Корея), 2007

В корейском языкознании существуют разные точки зрения по поводу классификации частей речи. Рассматривая работы 29 корейских ученых, мы обнаруживаем следующее: одни считают, что в корейском языке 5 частей речи, другие – 6, 7 и даже 12 частей речи. Но большинство ученых пришло к выводу, что в языке 9 частей речи: имя существительное, местоимение, послелог, глагол, прилагательное, показатели относительности, наречие, союз и междометие [2, 121]. Как видим, сюда не включили числительные.

Местоимение, как правило, выделяется как самостоятельная часть речи, поскольку оно обладает ограниченной синтаксической сочетаемостью, в значительной мере оно автономно и морфологически. Местоимения разделяются на 3 подгруппы: личные, указательные и возвратные (северокорейские ученые выделяют личные, указательные и вопросительные) [4, 23]. Интересно, что в корейском языке вопросительные формы рассматриваются при личных местоимениях (*кто, кто-нибудь*) и при указательных местоимениях (*что, что-нибудь, где...*), поскольку они как бы заменяют лицо или предмет.

Некоторые советские кореееды-лингвисты (напр. [5, 200]) все местоимения корейского языка делят на группы двояким образом: в модальном отношении – вопросительно-неопределенные и утвердительно-определенные, а с точки зрения характера указания – именные, прилагательные, наречные и числительные. Нам кажется, что такое разделение исходит из классификации частей речи русского языка.

По принципу одушевленности / неодушевленности местоимения делятся на личные и указательные.

Личные местоимения

У личных местоимений имеются категории лица, падежа и числа. В корейском языке грамматического рода нет, а биологический род выражается с помощью имен существительных, напр., *кынё* (та женщина) и *сарам* (этот человек). Южнокорейские ученые насчитывают 3 лица: 1-е, 2-е и 3-е. В отличие от этого северокорейские ученые отдельно не выделяют 3-е лицо, которое восходит к указательному местоимению, лежащему в их основе. К личным местоимениям относятся местоимения 1-го

лица: *на* (я), *чо* (я), *понин* (я), *сосэн* (я), *ури* (мы), *чохи* (мы), 2-го лица: *но* (ты), *чанэ* (ты), *кыдэ* (ты), *сонсэнным*¹ (вы в вежливой форме), *нохи* (вы), *тансын* (вы)². Различные личные местоимения 1-го и 2-го лица отличаются друг от друга категорией вежливости. А также местоимения 3-го лица: *и-и* (*этот*) – лицо, расположенное близко от говорящего, *кы-и* (*тот*) – лицо, расположенное недалеко от слушающего, и *чо-и* (*вон тот*) – лицо, расположенное далеко от говорящего и слушающего³. В составе личных местоимений 3-го лица, кроме этого, рассматриваются неизвестное *нузу* (*кто*) и неопределенное *аму* (*кто-нибудь* или *никто*). Родительный падеж личных местоимений соответствует русским притяжательным местоимениям. Если речь идет о субъекте, выполняющем роль 3-го лица, используется существительное *сарам* (*человек*), *пун* (*господин*), *ёдча* (*женщина*), *кот* (*вещь*) и др. Однако, видимо, под влиянием переводов с западных языков, в частности, с английского языка, где личные местоимения очень употребительны, в литературе стали использоваться указательные местоимения в роли 3-го лица. Личные местоимения, хотя и указываются во всех грамматиках, в живой речи мало употребительны. Контекст и окончание сказуемого заменяют местоимения.

В корейском языке допускается эллипсис любого члена предложения. И если его смысл абсолютно понятен благодаря предыдущему и последующему предложениям, то это звучит естественнее. Чаще всего субъект опускается. Из диалогической речи местоимение 2-го лица удаляется, поскольку беседа ориентирована специальной формой сказуемого, которая присуща только 2-ому лицу.

Категория лица в корейском языке наиболее отчетливо проявляется в специальных формах сказуемого. Такие формы составляют целую систему: старший → младший, младший → старший (даже начальник → подчиненный и подчиненный → начальник).

Указательные местоимения

Указательные местоимения делятся на предметные и локативные. Они делятся на три типа в зависимости от их пространственных значений. К предметным местоимениям относятся: форма *икот* (*этот*), указывающая на предмет, близкий в пространстве к говорящему; форма *кыгот* (*тот*), указывающая на предмет, близкий в пространстве к слу-

¹ Сонсэнним – это имя существительное (его значение – учитель, преподаватель), которое в последнее время в реальной речи функционирует как местоимение 2-го лица.

² Северо-корейские ученые утверждают, что *вы* является именем существительным и может употребляться как личное местоимение единственного числа в вежливой форме [3, 75].

³ Семантический анализ указательных слов *этот, тот, вон тот* – см. [6, 283].

шающему; форма *чогот* (*вон тот*), указывающая на предмет, удаленный в пространстве от говорящего и слушающего [3, 423-430], неизвестное местоимение *муот* (*что*) и неопределенное местоимение *амугот* (*что-нибудь* или *ничто*). К локативным – *ёги* (*здесь, сюда*), *коги* (*там, туда*), *чоги* (*вон там, вон туда*), неизвестное *оды* (*где, куда*) и неопределенное *амудэ* (*где-нибудь, куда-нибудь*). У слова *оды* (*где, куда*) имеются значения места и направления. Они в принципе не дифференцированы, но путем присоединения падежного окончания *ро, со, э* могут дифференцироваться.

Возвратные местоимения

Данные местоимения делятся на личные и предметные. К личным относятся *чо* (*себя*), *чохи* (*себя*), *чаги* (*себя*), *часин* (*себя*), а к предметным – *чаче* (*себя*) [8, 382]. Возвратные местоимения *чо* употребляются, когда не следует повторять ранее упомянутое подлежащее 3-го лица.

Далее коротко рассмотрим синтаксические функции местоимений в корейском языке.

В предложении местоимения могут быть теми же членами предложения, что и имена существительные: подлежащим (*Я купила книгу*), прямым дополнением⁴ (*Человек увидел меня*), дополнением⁵ (*Хочешь быть счастливым, будь им*), сказуемым (*Тот, кто поздно пришел – я*), определением⁶ (*Моя книга передана*), обстоятельством (*Ты куда идешь?*), зависимым членом⁷ (*Ты сегодня была в университете?*) [7, 154].

В предложении первичной функцией местоимений является субъектная, вторичными – все остальные функции.

Рассмотрим, какие имеются различия перевода с русского языка на корейский, и наоборот.

1) Сопоставление русского оригинала и перевода на корейский язык убеждает нас в том, что в отдельных случаях русские указательные местоимения *тот...*, *который* могут соответствовать в корейском языке уточняющим наречиям или частицам. Но часто переводчики не используют их, подчиняясь логике изложения корейского контекста. Напр.: *И, убедившись, что с ним не разговоришься, Ивлев отдался той спокойной*

⁴ Прямое дополнение управляется переходным глаголом.

⁵ Дополнение – это присловный второстепенный член предложения с предметно-объектной семантикой, который представлен косвенно-падежными и предложно-падежными формами существительного (или субстантивированного имени) [1, 287].

⁶ Определение является зависимым членом предложения, поскольку оно подчиняется подлежащему или другому члену предложения. В предложении оно выполняет атрибутивную функцию.

⁷ Независимый член – это изолированный компонент предложения, никак не связанный с остальными компонентами, например, звательная форма или междометия.

и бесцельной наблюдательности, которая так идет к ладу копыт и громыханию бубенчиков (Бунин, Грамматика любви). При переводе на корейский чаще всего местоимение *тот* не переводится.

2) Хотя в корейском языке существует категория неопределенности, которая выражается частицами *дындчи, ина, иннга...*, неопределённые местоимения функционируют иначе, чем в русском языке. В связи с этим в реальной речи используются другие лексико-грамматические показатели. При переводе некоторые нюансы неопределённых слов часто не переводятся. Напр.: *Сумасшедший или просто какая-то ошеломленная, вся на одном сосредоточенная душа?*; *Где-нибудь встречал его – сейчас не помню* (Замятин, Мы). *Какая-то* в первом предложении не переведено на корейский язык, а *где-либо* переводится с тем же значением, как *где-то* в русском языке.

3) При переводе на корейский язык имена существительные со значением лица могут быть заменены только местоимениями, но существительные со значением «нелица» (предмет или животное) необходимо повторить в сочетаниях *это (то) + существительное*. В *этой шкатулке ожерелье покойной матушки, – запнувшись, но стараясь говорить небрежно, ответил молодой человек. – Можно взглянуть? – Пожалуйста... хотя оно ведь очень простое...* (Бунин, Грамматика любви.); *Кончив лакать, ложится и Чанг (речь идет о собаке). Он вскакивает на кровать...* (Бунин, Сны Чанга). На корейский язык слова, выделенные и подчеркиванием, переведены словами *ожерелье* и *Чанг*.

4) При переводе неполного русского предложения на корейский необходимо образовывать полное предложение. *Мы знали какой* (Бунин, Холодная осень); *Очень рада. Ждите меня на углу. Мы с вами отправимся... Ну, там увидите куда* (Замятин, Мы). Эти фразы переводятся так: *мы знали, что это такое?* и *ну, там увидите, куда мы отправимся*.

5) В корейском языке избегают тавтологии в одном предложении, поэтому только одно из двух слов или сочетаний переводится: *Не понимаю, как это не надоест людям всю жизнь, каждый день обедать, ужинать* (Бунин, Чистый понедельник); *Я махнул рукой: – Ах бог с ней, с этой восточной мудростью!* (Там же) В данном случае *это* в первом предложении и *с ней* из второго предложения не переводятся.

6) *Видишь, братец, вот это и есть Красное море. Надо нам с тобой пройти его поумнее, – ишь какое оно от островков и рифов пестрое* (Бунин, Сны Чанга). Естественнее по-корейски сказать *его* вместо *здесь*.

7) Самостоятельное *сам(-а, -и)*, характерное для русского языка, не переводится на корейский: *Меня сам ни разу не бил, – рассказывала она о Ефиме* (Солженицын, Матренин двор). *Сам* обозначает ее мужа, Ефима.

8) *И как старший брат в первую войну, так младший без вести исчез во вторую. Но этот вовсе не вернулся* (Там же). При переводе слово *этот* должно быть заменено словом, вместо которого оно употреблено.

9) При совпадении субъектов главного и зависимого предложений не нужно повторять субъекты, достаточно употребить один из них: *Мне вдруг показалось, что я пришел сюда напрасно...* (Там же).

10) *Села, заиграла. Дикое, судорожное, пестрое, как...* (Там же). При переводе на корейский язык нулевое подлежащее надо обязательно указать: *она села, заиграла.*

11) *И к изумлению своему увидела: розовый круг рта – сложился в розовый полумесяц, рожками книзу – как от кислого. Меня взорвало* (Там же). Хотя в русском языке *это* отсутствует в последнем предложении, при переводе на корейский оно должно быть восстановлено.

12) В русском языке в художественных произведениях и повседневной речи часто используются личные местоимения *ты, вы*, обозначающие человека вообще, как собирательные понятия. Напр.: *Затем вы делаете заявление, что в свои дни желаете пользоваться номером таким-то (или такими-то) и получаете надлежащую талонную книжечку(розовую)* (Там же). А в корейском языке в таких случаях вместо личных местоимений *ты* и *вы* употребляются аналогичное русскому *каждый (человек), кто бы то ни был, все без исключения.*

13) В предложениях с тонкими нюансами без подлежащих местоимений 2-го лица дословный перевод на корейский язык невозможен. Содержание подобного предложения перефразируется: *Сохнут губы – поневоле их все время облизываешь и все время думаешь о губах* (Там же). Буквальный перевод на корейском языке звучит примерно следующим образом: *Если сохнут губы, то произвольно губы облизывают языком, и сохнувшие губы заставляют все время думать о губах.*

14) В корейском языке *какой* и *какой-то* семантически имеют одно и то же значение, их различие состоит в том, что *какой* употребляется в вопросительном и восклицательном предложениях, а *какой-то* – в повествовательном.

15) ... *была где-то там у меня за спиной, возле шкафа* (Там же). Обычно *где-то там* в корейском языке вместе не употребляются, поэтому, считается возможным отдельное употребление, напр., *где-то у меня за спиной* или *там у меня за спиной.*

16) В русском языке местоимения *этот* и *тот*, *в то время*, *в это время* и др. употребляются различно в разных конструкциях. Напр.: – *Вы курите? – спросил он молодого человека, стоявшего над ним. Тот опять покраснел* (Бунин, Грамматика любви). Местоимение *тот* никакой информации о субъекте предложения не передает, поэтому переводчик сталкивается с большими трудностями. Из чего можно сделать

вывод, что в корейском языке местоимения более конкретизированы, чем в русском.

Явление омонимии

Любопытно, что в системе корейских местоимений часто наблюдается явление омонимии. Например, личное местоимение 2-го лица множественного числа *тансын* (*вы*) омонимично существительному, которое обозначает отсутствующее при беседе старшее лицо, тем самым подчеркивается почтение к 3-ему лицу, отсутствующему. Кроме этого, слово *тансын* (*вы*) обозначает собеседника в разговоре между супругами, выражая уважение к собеседнику.

Слово *чаги* (*сам*) имеет значения 'свой' и 'любимый', в разговоре между собеседниками.

Кы-и (*этот человек*) зафиксировано в грамматиках как 3-е лицо мужского рода, но в отдельных случаях оно может употребляться в значении 'женщина'. Также оно еще употребляется в беседах со старшими о муже, тем самым ставя мужа на ступеньку ниже собеседника.

Местоимение 3-го лица *чо* (*он*) употребляется и в значении первого лица. Его употребляют, когда хотят подчеркнуть свое уважение к старшему по возрасту или социальному положению.

Понаблюдав, почему в корейском языке личные местоимения часто трансформируются в омонимы, мы можем сделать такой вывод: несмотря на большое количество личных местоимений в корейском языке, их функции ограничены, они находятся в процессе развития и становления как самостоятельной части речи, что и обусловило то, что в корейском языке явление омонимии так распространено. Такое положение дел зачастую создает дополнительные трудности для иностранцев, изучающих корейский язык.

Обобщая вышесказанное, мы можем подвести следующие итоги. Если в русском языке местоимения довольно часто используются в роли заместителей существительных, обозначающих как лиц, так и предметы, особенно в повседневной разговорной и художественной речи, то в корейском языке ситуация прямо противоположная. Хотя в корейском языке много (больше, чем в русском) личных и указательных местоимений, их речевые функции чрезвычайно ограничены. Именно поэтому при переводе многие русские местоимения переводятся соответствующими именами существительными. Кроме того, следует отметить, что область корейских местоимений необходимо изучать, поскольку до сих пор эта категория специально не исследовалась.

При переводе с русского языка на корейский и с корейского на русский необходимо учитывать указанные различия языков, например, то, что указательные местоимения корейского языка делятся на три типа,

то, что отсутствуют эквиваленты личных местоимений и неопределенных слов и т. д. Нам представляется, что такой подход к рассмотрению местоимений следует использовать и в процессе преподавания русского языка корейцам, а русским – корейского языка.

Л и т е р а т у р а

1. *Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А.* Краткий справочник по современному русскому языку. / Под ред. П.А. Леканта. М., 1995.
2. *Ким Мин Су.* Новое корейское языкознание. Сеул, 1995.
3. *Кон Ик Хен.* Самоучитель корейского языка. Пхеньян, 1994.
4. *Ли Ын Джон.* Рассмотрение норм северокорейского и южнокорейского языка. Сеул, 1992.
5. *Холодович А.А.* Очерки грамматики корейского языка. Учебн. пособие для высш. учебн. заведений. М., 1954.
6. *Чан Кен Хи.* Синтаксис и семантика корейского языка. Сеул, 1994
7. *Ю Сун Сан.* Грамматика корейского языка. Сеул, 1993.
8. *Языки мира.* Монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, японский язык, корейский язык. М., 1997.

ЛИНГВОПОЭТИКА

«Море» как элемент создания образа в английской поэзии

© доктор филологических наук В.Я. Задорнова, А.С. Матвеева, 2007

Образы, связанные с морем, занимают особое место в английской поэзии из-за специфического отношения британцев к морю¹. Не раз отмечалось, что такое отношение вызвано особенностями островного мышления англичан, которые всегда рассматривали море как неотъемлемую часть жизни, естественную географическую среду и типичный элемент пейзажа Великобритании. Жители Британских островов могут наблюдать море в разное время дня и года; оно является источником существования для рыбаков и вдохновения для поэтов. Вызывая у них массу различных ассоциаций, оно сравнивается с разными объектами и дает импульс для создания разнообразных поэтических образов.

«Морские» образы в английской поэзии тесно связаны с фольклорной традицией, уходящей корнями в древние времена. Поэтому чтобы проследить связь поэтических «морских» образов с дохристианскими верованиями, было бы логично посмотреть, как море воспринималось в древнескандинавской, германской и кельтской мифологии. К сожалению, принятие христианства практически полностью уничтожило древнескандинавскую и англо-саксонскую мифологию, поэтому наши сведения о пантеонах их богов ничтожно малы. Однако, рассматривая древние верования, мы можем обнаружить связь древних народов с водой и, в частности, с морем.

До того, как сложились сложные и довольно разветвленные пантеоны богов, наши предки одушевляли неодушевленные объекты природы (реки, ручьи, ветер, деревья и т. п.). Пресная вода особенно почиталась древними и рассматривалась как источник жизни, а также граница между миром живых и потусторонней жизнью. Что касается соленой морской воды, то отношение к ней наших предков отличалось от их отношения к пресной воде.

Как известно, почти во всех дохристианских религиях существовало различие между двумя (обычно враждующими) кланами богов, и, как правило, менее привлекательный клан каким-то образом связывался с морскими глубинами, так как море, будучи частью безграничного Ми-

¹ “The Englishman likes to imagine himself at sea, the German in a forest. It is impossible to express the difference of their national identity more concisely” (Elias Canetti (1905-1994). *The Crowd in History*).

рового Океана, рассматривалось как нечто загадочное и угрожающее. Например, в древнескандинавской мифологии существовало два противоборствующих клана богов (Асы и Ваны), из которых особо можно выделить Эгира (Aegir) и Ньёрда (Njord). Эгир был не особенно почитаемым богом: в качестве развлечения он опрокидывал корабли и забирал с собой судовые команды. А его жена Ран, являясь богиней всех утонувших, своей сетью ловила потерпевших кораблекрушение мореплавателей. Нужно ли говорить о том, что древние не очень-то жаловали эту богиню, что и явилось основной причиной, по которой Эгир со временем «потерял влияние» в качестве основного морского бога. Более «положительным» богом моря был Ньёрд, который представлял ветер и морскую стихию, и, кроме того, как и другие Ваны, прежде всего, являлся богом плодородия.

Англо-саксонские морские боги имеют происхождение, сходное с покровителями моря в скандинавской мифологии. Хотя сведения об англо-саксонской мифологии незначительны, было бы неправильным приписывать англо-саксонским богам те же качества, которыми обладали боги в скандинавской мифологии. Известно, что англосаксы почитали морского бога Неорда (Neorh), который являлся покровителем моря и коммерции. Этот бог был почитаем, в основном, рыбаками и купцами, которым приходилось много путешествовать по морю.

Таким образом, восприятие моря как чего-то угрожающего, непредсказуемого и изменчивого, обуславливалось соответствующим отношением к морским богам и демонам.

Интересно, что женское морское божество в скандинавской мифологии (Ран) было гораздо более злым и коварным, чем ее муж Эгир. Негативные черты богини были перенесены на ее мужа лишь впоследствии, и можно сделать вывод, что Эгир «обозлился» на людей под влиянием своей жены. В отношении морских богов мужского пола можно сказать, что они олицетворяли мощь моря или океана, в то время как их отрицательные черты являлись несущественными. Этому можно найти подтверждение в современной английской поэзии, которая содержит примеры персонификаций, представляющих море как коварное существо женского пола и как могущественное существо мужского пола.

Следует отметить, что источник жизни для наших предков был связан не с морем, а с пресной водой. Море (так же как и луна) ассоциировалось, прежде всего, с идеей времени и со смертью. Богиня Арьянрод была хранительницей Серебряного Колеса Звезд, символа времени и судьбы. Ее корабль увозил по морю умерших воинов в Страну Луны. Люр, другое божество, связанное со смертью, было также богом моря и правителем подземного мира. Уподобление моря времени типично для классической и современной английской поэзии.

Кроме того, море, как и реки и ручьи, рассматривалось язычниками как место обитания ужасных чудовищ и демонов. Считалось, что русалки, сирены и водные духи, заманивающие людей в воду и топящие их, обитают именно в источниках и реках. Море тоже считалось опасным именно потому, что люди верили в прожорливых монстров и мифических животных, живущих в морских глубинах. Согласно языческим верованиям, морские чудовища принимали множество форм: морские драконы, морские змеи, многорукие чудища, которые были покрыты чешуей и извергали струи воды, как киты. Вера в то, что море скрывает в своих глубинах чудовищ, угрожающих жизни людей, привело к восприятию моря как чего-то опасного и таинственного. Такое восприятие моря отразилось в классической и современной английской поэзии.

Изучение языческой мифологии приводит нас к важному выводу о том, что большую роль в восприятии моря англичанами сыграли политеистические верования, которые не могли не отразиться и на образном языке английской поэзии.

Как было неоднократно показано в исследованиях кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ, любой художественный текст может быть рассмотрен с точки зрения лингвостилистики и лингвопоэтики [Задорнова 1984, 1992]. Лингвостилистический анализ включает в себя семантический и метасемиотический уровни. На семантическом уровне языковые единицы рассматриваются как таковые, в их прямом значении. Иными словами, на этом уровне в центре внимания находится тот языковой материал, из которого строится речевое произведение. Такой анализ как бы является переходной ступенью к метасемиотическому, или собственно стилистическому анализу. На данном уровне изучается уже функционирование языковых единиц в речи, где они могут приобретать дополнительное, или «мета»-содержание. Иначе говоря, на метасемиотическом уровне слова, словосочетания, синтаксические конструкции анализируются с точки зрения тех коннотаций, которые они приобретают в контексте. Метод лингвостилистического анализа универсален в том смысле, что он применим к любым типам текстов, независимо от регистра.

Лингвопоэтический анализ – это принципиально иной подход к тексту. Если лингвостилистическому анализу могут быть подвергнуты все виды текста, то лингвопоэтика относится лишь к сфере словесно-художественного творчества. Предметом лингвопоэтики как особого раздела филологии является совокупность использованных в художественном произведении средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла. Иначе говоря, цель лингвопоэтического анализа состоит в том, чтобы определить, как та или иная единица

языка (слово, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция) включается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию данного эстетического эффекта [Задорнова 1992].

Существует значительное количество работ, посвященных принципам и методам лингвопоэтического анализа, разработаны его категории и параметры [Липгарт 1997, 2007]. Однако образу в рамках лингвопоэтики не было уделено достаточно внимания.

«**Образ**» является одним из самых расплывчатых понятий современной филологии. Среди множества разнообразных интерпретаций самой важной для лингвопоэтики можно считать объяснение этого понятия на основе связи образа с общим содержанием художественного произведения. Эта идея была выражена в работах Г.О. Винокура [Винокур 1959: 388-393; 1991] и В.В. Виноградова [Виноградов 1963: 157-163], которые проиллюстрировали ее, обращаясь к материалу русской поэзии². Согласно русской филологической традиции, сущность литературного образа заключается в том, что он обусловлен художественным содержанием литературного произведения; другими словами, особое внимание здесь уделяется связи между образом и художественным замыслом автора.

Образ, безусловно, является одним из центральных понятий лингвопоэтики, обеспечивая необходимую концептуальную связь между уровнем языкового выражения (лингвостилистическим уровнем) и художественным содержанием литературного произведения [Задорнова 2006]. Словесный поэтический образ можно определить как установление ассоциативной связи между несходными явлениями, предметами или ситуациями, необходимое автору для выражения некоего художественного содержания. Эта обусловленность глобальным художественным замыслом автора является существенным фактором в понимании сути образа и отличает образ от обычного тропа или фигуры речи. Между образом и тропом нельзя ставить знак равенства. Троп, по определению, является лишь использованием слова в переносном значении, тогда как

² Например, Г.О. Винокур, взяв в качестве материала для исследования строки из стихотворения Афанасия Фета: «На родину тянется туча/ Чтоб только поплакать над ней», применил к ним «трехуровневый» анализ: на первом уровне слова анализировались с точки зрения их прямого значения, на втором уровне выявлялись дополнительные коннотации, которые слова приобретают в контексте, а на третьем – прослеживалась связь создаваемых поэтических образов с художественным содержанием стихотворения.

В.В. Виноградов продемонстрировал тот же подход, обратившись к стихотворению С. Есенина «Эх вы, сани! А кони, кони!», в котором звон колокольчиков на шее лошадей, бешено несущихся по заснеженной степи, является образным воплощением иронического хохота судьбы над произошедшими событиями человеческой жизни («колокольчик хохочет до слез»).

понятие образа шире: это не прямой, ассоциативный способ передачи определенного художественного содержания. Не каждый троп или фигура речи может подняться до этого уровня. Обратное тоже верно: не каждый образ может быть основан на тропе или фигуре речи. Образы могут быть созданы при помощи разнообразных средств: лексических, фонетических, ритмико-синтаксических. Лексические образы, например, кроме тропов и фигур речи, могут создаваться на основе лексической полифонии, поэтических аналогий, символического использования слов и т. п.

В данной статье делается попытка проникнуть в суть понятия «образ», рассмотрев «морские образы» в английской поэзии. Здесь применяется «трехуровневый» подход, который предполагает изучение материала: 1. с точки зрения лингвостилистики (рассматриваются преобладающие типы словосочетаний, синтаксических конструкций, тропов и фигур речи, лежащих в основе образов); 2. на понятийном уровне (с точки зрения «концептуальных метафор») и 3. с точки зрения художественного содержания, выражаемого образами. Материал для анализа охватывает, в основном, классическую лирическую английскую и американскую поэзию трех веков (XVIII-XX)³.

Лингвостилистический анализ материала показал, что существительное “sea” в английской поэзии используется в **атрибутивных, именных и предикативных** конструкциях, причем атрибутивные конструкции преобладают. В атрибутивных сочетаниях можно выделить два основных класса прилагательных: постоянные эпитеты, сочетание которых с «морем» носит характер поэтических клише (например, blue/stormy/ calm/ open sea) и оценочные прилагательные, выражающие отношение поэтов к морю (например, “wondrous sea”; “beautiful sea”; “[sea is] treacherous in calm, and terrible in storm”; “terrible seas”; “biting brine). Остальные прилагательные, используемые в сочетании со словом «море» в поэзии, можно объединить в следующие тематические группы:

1. прилагательные, обозначающие цвет моря (“white/ grey/ hoary/ silver/ sapphire/ dappling sea”);

2. прилагательные, описывающие движение моря (“sea rolling along in the moonlight”, “trampling waves”; “running/ lifting/ quacking/ dancing sea”);

³ Среди проанализированных английских авторов Уильям Вордсворт (1770–1850); Томас Мур (1779–1852); Джордж Гордон Байрон (1788–1824); Перси Биши Шелли (1792–1822); Джон Китс (1795–1821); Альфред Лорд Теннисон (1809–1892); Роберт Браунинг (1812–1889); Мэтью Арнольд (1822–1888). Материал также включает в себя произведения известных американских поэтов: Эдгара Алана По (1809–49); Генри Вордсворта Лонгфелло (1807–82); Роберта Фроста (1874–1963) и др., а также некоторые стихотворения современных британских и американских поэтов.

3. прилагательные, отмечающие различные проявления «характера» моря (“silent/ placid/ calm/ halcyon sea” vs. “wild/ stormy/ tempestuous/ rough sea”);

4. прилагательные, относящиеся к размеру и глубине моря (“deep seas”; “shallow/ unfathomable sea”, “great/ broad/ far-surrounding sea”);

5. прилагательные, описывающие море с точки зрения состояния воды (“cold/ cool sea”, “crystal/ smoky sea”; “glowing seas”, “the misty sea”; “bright waters”).

Прилагательные в сочетании с существительным “sea” могут являться именной частью составного именного сказуемого, например, “sea is young”, “sea is fair”, “the sea is calm tonight”, “sea, you are gigantic, so powerful and so wild”, “the sea grows dark and dun”, “you [sea] are so unpredictable”, “the sea is constant to change”. С помощью этих конструкций поэты фиксируют изменчивые состояния моря, которое непредсказуемо и готово измениться в любую минуту. Для отображения постоянных характеристик моря поэты используют атрибутивные словосочетания с прилагательными или причастиями. Иногда одно и то же прилагательное используется в обеих конструкциях для того, чтобы подчеркнуть какую-то постоянную черту моря или зафиксировать состояние моря в данный момент (ср. “strong sea” и “the sea was strong”).

Именные конструкции с предлогом “of” также представляют интерес. “Sea” здесь сочетается как с конкретными, так и с абстрактными существительными. Конкретные существительные создают впечатление, что подводный мир является зеркальным отражением мира на суше⁴. Там есть свои джунгли (“the jungles of the floor of the sea”) и равнины (“the shifting planes of the sea”). Этот мир (“realm of the sea”) живет по своим законам (“a law of the sea”), имеет правителей (“the rulers of the sea”) и богов (“the gods of the sea”). С помощью абстрактных существительных создается чувственное восприятие моря. Оно может быть зрительным (“a sea of blue”; “fire and gold of the sea”), слуховым (“sound of the sea”; “the noise of the sea”), обонятельным (“a scent of the sea”; “tides of musk”) и даже вкусовым (“salt taste of the sea”).

В составе предикативных конструкций “sea” сочетается чаще всего с глаголами движения, например, “to roll”; “to heave”; “to pound”; “to toss”. Благодаря таким глаголам как “to creep”, “to slide back”, море приобретает черты живого существа, а “draw back” придает ему сходство с человеком.

Особый интерес представляют случаи, когда “sea” является частью **обстоятельства** места. Нередко использование того или иного предлога наделяет море символическим смыслом. Так, например, предлог “by” расширяет место действия, не разрывая связи с морем, которое стано-

⁴ Эти сочетания, как правило, являются метафорическими.

вится необходимым романтическим или зловещим фоном для событий, описываемых в стихотворении (ср. "... beautiful town/ That is seated by the sea"; "sepulcher there by the sea"). Например, в стихотворении «Анабель Ли» Эдгара Алана По местом действия является «королевство у моря» ("the kingdom by the sea"), которое ассоциируется с «гробницей» ("sepulcher") и «могилой» ("tomb") в последних строках стихотворения. Холодный ветер с моря убил Анабель Ли ("chilled and killed my Annabel Lee"): трагичная атмосфера, пронизывающая стихотворение, распространяется и на море:

It was many and many a year ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabel Lee;
And this maiden she lived with no other thought
Than to love and be loved by me.

.....
For the moon never beams without bringing me dreams
Of the beautiful Annabel Lee;
And the stars never rise but I feel the bright eyes
Of the beautiful Annabel Lee;
And so, all the night-tide, I lie down by the side
Of my darling -my darling -my life and my bride,
In the sepulcher there by the sea –
In her tomb by the sounding sea.

Предлог «beyond», используемый со словом «sea», заставляет читателя представить неизвестные края, недоступные, но манящие земли: "beyond the sea, beyond the sea, / My heart is gone, far, far from me"; "a land beyond the sea". Однако "beyond the sea" может значить и «вне Англии» (как в стихотворении Уильяма Вордсворта "*I travelled among unknown men, / In lands beyond the sea...*").

Лирический герой может быть сконцентрирован на чем-то, расположенном или находящимся за морем, и в этом случае море является преградой, отделяющей его от желанного объекта. Море в сочетании с "across" является расстоянием, разделяющим лирического героя от объекта, который он наблюдает или о котором мечтает: "dream across the sea"; "[... moon/ Is blown] across the bay"; "at dawn I hasten to the shore, / To gaze across the sparkling sea...".

Предлог «in» в сочетаниях со словом “sea” используется двояко. С одной стороны (в соответствии со своим грамматическим значением), этот предлог описывает «море» как место, где что-то расположено: “isles in the Smoky Sea», «a bare, brown rock/Stood up in the sea”; или как место, куда что-то опускается сверху: “The setting sun sinks softly in the sea”; “So gayly the Northland took his heart/ And cast it in the wailing sea...”; “sunshine glistens on water/ shifting diamonds in the sea”. С другой стороны, “in” может придавать дополнительный оттенок сочетанию с “sea”, создавая образ опасного и таинственного моря: “The Lord Jesus was in a boat, / Trapped in the sea”; “I was enveloped in a sea of blue”. Этому также способствует употребление соответствующих глаголов.

Анализ материала показал, что «море» используется в различных тропях и фигурах речи (метафорах, сравнениях и т. д.), однако наиболее частотным стилистическим приемом, используемым для создания «морских образов» в английской и американской поэзии, является **олицетворение**. Так, море часто одушевляется в английской и американской поэзии, и оно предстает в виде живого существа (человека или животного). Например, море может обладать голосом (“the sea has many voices,/ Many gods and many voices”). Оно наделяется чертами, характерными для животных (“and sick of prey, yet howling on for more,/ Vomitest thy wrecks on its inhospitable shore”) и людей (“what says the sea?”; “the sea in darkness calls”; “the little waves laugh”; “the sea moans uneasily”). Море нередко ассоциируется с женщиной, как, например, в следующих строках: “the beautiful bewitching Sea hides us in embrace”; “Who hath desired the Sea? Her menaces swift as her mercies?”. Сравнение моря с разными типами женщин (mother, lady, mistress, nurse) наделяет море разным «темпераментом» и «характером». В то же время оно может рассматриваться как существо мужского пола: “the mighty Being is awake,/ And doth with his eternal motion make/ A sound like thunder – everlastingly”.

Чаще всего море приобретает женские черты, но, вопреки традиционному мнению о том, что море, ассоциирующееся с женщиной, должно создавать образ существа нежного, кроткого и привлекательного, материал показал, что «море-женщина» может быть порочной и коварной, более того, может быть причиной гибели человека. В следующих строках море, с жадностью поглощающее корабли, сравнивается с корыстолюбивой любовницей: “the sea's a hard mistress,” the old man said;/ “The sea is always hungry and never full fed” (Луиза Дрисколл “Harbury”). или предстает как кровожадная женщина-вамп (Элинора Уайли “Sea Lullaby”):

The sea creeps to pillage,
She leaps on her prey;

A child of the village
Was murdered today.
She came up to meet him
In a smooth golden cloak,
She choked him and beat him
To death, for a joke.

“Sea”/ “ocean” в виде существа мужского пола часто бывает агрессивным, но никогда – вероломным или злым.

Когнитивный подход, который позволяет подойти к понятию «образ» с других позиций, призван выяснить, какие образы периодически повторяются в поэзии, становясь частью английской поэтической традиции. Можно предположить, что образы не создаются каждый раз заново, а представляют какую-то абстрактную модель или аналогию, но в индивидуальном авторском воплощении. Поэты разных веков проводят параллели между одними и теми же объектами; они создают образы одного типа, используя схожие метафоры для сравнения предметов или явлений. Частое использование одних и тех же аналогий заставляет нас говорить о неких метафорических **инвариантах** образов, функционирующих на понятийном уровне. Эти инварианты, или поэтические **концептуальные метафоры**, существуют, если можно так выразиться, в поэтической понятийной картине мира и находят разнообразное языковое выражение у поэтов [Zadornova 2004; Задорнова 2006].

Основной критерий при выделении концептуальных метафор – это их частотность. Чем чаще встречается параллель между определенными объектами или явлениями, тем очевиднее становится существование соответствующей концептуальной метафоры. При этом необходимо иметь в виду, что концептуальные метафоры в поэзии могут быть реализованы не только при помощи тропов или фигур речи, но также при помощи всех типов ассоциативных связей между объектами и явлениями.

Идея о том, что наше мышление, опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорами, была впервые высказана в книге «Метафоры, которыми мы живем» Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [Lakoff/ Johnson 1980]. Согласно их теории, сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны, а метафоры как языковые выражения возможны потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

Хотя исследование, проведенное авторами книги, имеет дело с метафорами нашей повседневной жизни, выработанный ими подход может быть применен и к поэтическим образам. Подобное систематическое исследование было проведено Н. В. Павлович на материале русской поэзии. Проанализировав обширный корпус русских поэтических

текстов (XVII-XX в.в.), она выделила так называемые «парадигмы образов» в русском поэтическом языке. По определению Н. В. Павлович, «парадигма образа – это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления» [Павлович 2004: 14]. В филологии сложились разные представления о сути поэтического образа. Среди них главную роль играет стремление понять образ через ряд сходных с ним образов, имевших место в прошлом (поиск «прототипа»). В результате образ, который может быть «бессмысленным» на первый взгляд, в ряду себе подобных обретает «смысл». Всякий образ входит в группу сходных с ним образов и вместе с ними реализует некую модель, парадигму или инвариант.⁵ Что касается английской поэзии, образная система поэтического английского языка еще не стала объектом глубокого и систематического филологического изучения. Наше исследование может быть рассмотрено как один из первых шагов в данном направлении.

В ходе нашего анализа обнаружили некоторые устойчивые параллели между «морем» и другими объектами и явлениями. Было выделено несколько концептуальных метафор, или инвариантов, характерных для английской поэтической традиции, причем некоторые из них являются обратимыми: МОРЕ=ВРЕМЯ (ВРЕМЯ=МОРЕ); МОРЕ=ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; МОРЕ=МОГИЛА; МОРЕ=КРОВЬ (КРОВЬ=МОРЕ); МОРЕ=ОГОНЬ; МОРЕ=СТЕКЛО; МОРЕ=ЗЕРКАЛО; ЛЮБОВЬ=МОРЕ; ДУША/ЭМОЦИИ=МОРЕ (в одних случаях «море» – правый элемент, в других – левый элемент концептуальной метафоры). Необходимо отметить, что значительная часть концептуальных метафор на основе «моря» носит негативный характер. Некоторые из перечисленных выше метафор обладают ингерентной отрицательной коннотацией (как, например, МОРЕ=МОГИЛА, МОРЕ=КРОВЬ), конкретные реализации других инвариантов могут приобретать адгерентную отрицательную коннотацию в некоторых контекстах (например, МОРЕ=ВРЕМЯ, МОРЕ=ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, МОРЕ=ОГОНЬ). Надо отметить, что вышеуказанные глобальные концептуальные метафоры могут принимать форму «малых» метафор, являясь более конкретными их проявлениями, например: МОРЕ=ВРЕМЯ появляется в поэтических произведениях в своей модификации «волны = годы»; МОРЕ=ЖИВОЕ СУЩЕСТВО может быть представлено вариантами «море = человек» и «море = животное».

Одна из самых распространенных концептуальных метафор в английской поэзии МОРЕ=ВРЕМЯ (SEA=TIME), которая наиболее ярко

⁵ Идея инвариантности образа возникла в науке давно и разрабатывалась в основном в двух направлениях: 1) архетипы образов и их поиск в художественной литературе; 2) теория художественных стереотипов, или общих мест [Павлович 2004].

воплотилась в стихотворении Шелли “Time”: “Unfathomable sea! Whose waves are years,/ Ocean of Time, whose waters of deep woe/ Are brackish with the salt of human tears”. Море часто сравнивается с временем, так как и то, и другое вечно и никогда не перестанет существовать, в отличие от людей, которые рождаются и умирают (“...the timeless waves, bright, sifting...” Шеймас Хини “Lovers on Aran”). Многие поэты обращали внимание на вечную природу моря:

O listen to the sounding sea
That beats on the remorseless shore,
O listen! for that sound will be
When our wild hearts shall beat no more
(Джордж Уильям Кертис. “O Listen to the Sounding Sea”)

Человек беззащитен перед морской стихией так же, как он не властен над течением времени. Морские приливы и отливы, движение морских волн так же, как и бег времени, не зависят от человеческой воли. Море нередко связывается с будущим и прошлым в английской поэзии. В качестве примера можно привести метафору из стихотворения Джона Китса “To My Brother George”:

The ocean with its vastness, its blue green,
Its ships, its rocks, its caves, its hopes, its fears,—
Its voice mysterious, which whoso hears
Must think on what will be, and what has been

Нужно отметить, что концептуальные метафоры могут быть обратимыми: левый и правый элемент концептуальной метафоры могут меняться местами. Неудивительно поэтому, что уподобление времени морю также встречается в английской поэзии: “And, gazing Time's wide waters o'er,/ I weary for that land divine” (Эмили Бронте “Faith and Despondency”). Течение времени непрерывно, так же как бесконечное движение волн к берегу, которое никто и ничто не способно остановить:

The sea will roll in, the sea will roll out
Life will continue, people will get older
People will be born, people will die
People will breed, 'everything will be the same'
(Алан Джеймс Сейуэлл. “Walk North”)

Анализ показал, что, создавая морские образы, поэты используют одни и те же универсальные приемы или механизмы⁶, которые можно свести к некоторому количеству типов:

- Прямое уподобление (когда море отождествляется с каким-то существом, предметом или явлением, например, с быком, женщиной или могилой)
- Ассоциативная связь
- Усиление определенной черты моря
- Метонимическое (символическое) воплощение моря (море как часть природы, вселенной и т. п.)
- Аналогия
- Противопоставление
- Слияние
- Описание

Наиболее распространенные из этих приемов – **ассоциативная связь** и **аналогия**. Морские образы могут создаваться и без уподобления, на основе ассоциативного сближения «моря» с какими-то ситуациями или явлениями. Море, как правило, ассоциируется со свободой, смертью или опасностью. Например, в стихотворении Томаса Мура “Come O'er the Sea” море ассоциативно сближается со свободным и независимым существованием человека.

Was not the sea
Made for the Free,
Land for courts and chains alone?
Here we are slaves,
But, on the waves,
Love and Liberty's all our own.
No eye to watch, and no tongue to wound us
All earth forgot, and all heaven around us –
Then come o'er the sea,
Maiden, with me,
Mine through sunshine, storms, and snows
Seasons may roll,
But the true soul
Burns the same, where'er it goes.

Аналогия используется, в основном, в стихотворениях о любви, человеческих отношениях и о процессе поэтического творчества. Морской

⁶ Некоторые из этих механизмов упоминаются в кандидатской диссертации Самира Шахбаза «Образ и его языковое воплощение», выполненной на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

образ в стихотворении Генри Лонгфелло “The Sound of the Sea” создается при помощи аналогии, которая проводится между приливом, «пробуждающим» море в полночь, и вдохновением поэта, неожиданно посещающим поэта ночью:

The sea awoke at midnight from its sleep,
And round the pebbly beaches far and wide
I heard the first wave of the rising tide
Rush onward with uninterrupted sweep;
A voice out of the silence of the deep,
A sound mysteriously multiplied
As of a cataract from the mountain's side,
Or roar of winds upon a wooded steep.
So comes to us at times, from the unknown
And inaccessible solitudes of being,
The rushing of the sea-tides of the soul;
And inspirations, that we deem our own,
Are some divine foreshadowing and foreseeing
Of things beyond our reason or control.

Вдохновение, так же как морские приливы и отливы, по мнению поэта, невозможно контролировать, так как оно божественного происхождения.

Усиление определенной черты моря – другой распространенный механизм создания «морских образов», который основан на постоянных объективных характеристиках моря, например, его вечного движения и изменчивости. Этот прием обычно сочетается с противопоставлением, например, когда вечное движение моря противопоставляется скоротечности и бренности человеческой жизни. Так, вечное движение моря выходит на первый план в стихотворении Теннисона “Break, Break, Break”; при этом море как вечный источник жизни и жизненной энергии противопоставляется неминуемой человеческой смерти:

Break, break, break,
On thy cold gray stones, O Sea!
And I would that my tongue could utter
The thoughts that arise in me.

O, well for the fisherman's boy,
That he shouts with his sister at play!
O, well for the sailor lad,
That he sings in his boat on the bay!

And the stately ships go on
To their haven under the hill;
But O for the touch of a vanish'd hand,
And the sound of a voice that is still!

Break, break, break
At the foot of thy crags, O Sea!
But the tender grace of a day that is dead
Will never come back to me.

Противопоставление, в свою очередь, может быть или «прямым» (МОРЕ и ЗЕМЛЯ, МОРЕ и ЧЕЛОВЕК), или метафорическим, когда противопоставляются две метафорически выраженные «идеи». В стихотворении Сары Тиздейл “Understanding” «серые морские водоросли» (“grey sea-weed”), символизирующие большинство людей, их бедный внутренний мир противопоставляются золоту и другим сокровищам, лежащим на морском дне. Последние ассоциируются с душой возлюбленного, чей внутренний мир значительно богаче внутреннего мира остальных людей, и в то же время сокрыт от них:

I understood the rest too well,
And all their thoughts have come to be
Clear as grey sea-weed in the swell
Of a sunny shallow sea.

But you I never understood,
Your spirit's secret hides like gold
Sunk in a Spanish galleon
Ages ago in waters cold.

Другим интересным приемом является **слияние**. Оказалось, что «море» часто объединяется с другими понятиями, такими как «небо», «земля», иногда «ветер». «Море» и «небо» в английской поэзии, как правило, образуют единое целое: “where now their Day-God's eye/ A look of such sunny omen gave/ As lighted up sea and sky” (Томас Мур “Song of Innisfail”); “that the spirit flew off free,/ Lifting into the sky/ Diving into the sea (Сара Тиздейл “Oh Day of Fire and Sun”). Такое слияние стало возможным не только потому, что море и небо одного цвета, а также из-за того, что небо отражается в воде моря: “I ’m on the sea! I ’m on the sea!/ I am where I would ever be;/ With the blue above, and the blue below” (Барри Корнуолл “The Sea”).

«Море» и «земля» могут рассматриваться как единое целое или противопоставляться друг другу. Их слияние можно обнаружить в стихотворении Шеймаса Хини “Lovers on Aran”:

Did sea define the land or land the sea?
Each drew new meaning from the waves' collision.
Sea broke on land to full identity.

Лирический герой стихотворения, наблюдая за движением волн к берегу, пытается понять, что важнее: земля или море? Море и земля взаимозависимы в том смысле, что они не могут существовать друг без друга, как и другие противоположности, такие как жизнь и смерть, добро и зло и т. д. В следующих примерах слияния «земли» и «моря», кроме союза “and”, используется глагол “meet” и синтаксический параллелизм: “...line of spray/ Where the sea meets the moon-blanch'd land” (Мэтью Арнольд “Dover Beach”); “the irresponsive silence of the land/ The irresponsive sounding of the sea” (Кристина Россетти “The Thread Of Life”); “where we went, we twain, in time foregone,/ Forth by land and sea...” (Алджернон Чарльз Суинберн “Past Days”).

«Ветер» встречается практически во всех стихотворениях о море, но он, в отличие от «земли» и «неба», редко «сливается» с морем. Пример этого редкого слияния можно найти в стихотворении Суинберна “A Night-Piece by Millet”, которое описывает парус в бушующем море:

One blown sail beneath her, hardly making
Forth, wild-winged for harbourage yet to be,
Strives and leaps and pants beneath the breaking
Wind and sea

«Морские образы» могут основываться также на **описании**, в котором на первый план выдвигается эмоциональное отношение поэта к объекту описания. Например, в стихотворении Бернарда Шоу “Storm” не содержится никаких аналогий и уподоблений. Эстетическое воздействие здесь достигается за счет эмоционального описания моря во время шторма, создающего величественную и ужасающую картину:

Winds blowing in off the stormy sea,
Sea Gulls fighting the elements raw.
A sight to fascinate all that see,
This most fearsome chaos on the sea-shore.
Boats pitching and tossing on each breaking wave,
It seemed there was nothing that they could save.
Storm clouds ruled the Heavens that night,
Fearsome the thunder and lightning bright.

Rains flooding the land at a breathless pace,
Each drop falling into its chaotic place,
A night to remember with dreadful awe,
As the storm swept over the sea-shore.

Анализ образов моря будет неполным, если не сказать об их роли в передаче художественного содержания поэтических произведений. Хотя практически невозможно классифицировать все виды художественного содержания, выражаемого проанализированными стихотворениями, можно сказать, что в стихотворениях, содержащих «морские образы», поэты, как правило, рассуждают на темы отношений человека и природы, смысла жизни, отношения к жизни и смерти и вечности. Глубокие философские идеи характерны для поэтических произведений, написанных выдающимися, всемирно признанными поэтами, тогда как современные английские и американские авторы нередко концентрируются на ассоциативной связи моря с отдыхом и развлечениями. В наше время восприятие моря с точки зрения путешественника, когда море связывается, прежде всего, с отдыхом, становится преобладающим. В качестве примера такого «бытового» восприятия моря можно привести первую строфу следующего стихотворения:

How pleasant to sit on the beach,
On the beach, on the sand, in the sun,
With ocean galore within reach,
And nothing at all to be done!
No letters to answer,
No bills to be burned,
No work to be shirked,
No cash to be earned,
It is pleasant to sit on the beach
With nothing at all to be done!

.....
(Ogden Nash. *Halcyon Days*)

Проведенное исследование показало, что в отличие от русских поэтов, для которых характерно несколько идиллическое восприятие моря, английские поэты более «объективны» и показывают в своих произведениях море во всех его проявлениях, включая таинственное, мрачное и опасное. Выяснилось, что морские образы встречаются как в «позитивных», так и в «негативных» контекстах. С одной стороны, море может быть воспринято как нечто вероломное, мистическое, агрессивное; море может ассоциироваться с опасностью и даже смертью. С другой стороны, море нередко представляется как что-то красивое, спокойное, мирное и манящее. Иногда это двойственное восприятие моря можно обна-

ружить в одном и том же поэтическом тексте, в котором описываются противоположные состояния моря: бурное и суровое, а также спокойное и ласковое. Двойственная природа моря передана, например, в сонете Джона Китса “On the Sea”, в стихотворении Люси Мод Монтгомери “The Sea Spirit” и других. В целом, можно заключить, что в английской и американской поэзии преобладает отрицательное, настороженное или противоречивое восприятие моря как стихии, которую невозможно ни покорить, ни познать до конца, а «положительные» стороны моря отображаются значительно реже.

Хотя эти выводы были сделаны в результате изучения «морских образов», можно предположить, что некоторые из них (особенно касающиеся механизмов создания образов) могут быть применимы к поэзии в целом и помогут глубже понять природу поэтических образов как таковых.

Л и т е р а т у р а

1. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
2. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
3. *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы: Сб. статей. М., 1991.
4. *Задорнова В. Я.* Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984.
5. *Задорнова В. Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: Автореф. дисс... докт. филол. наук. М., 1992.
6. *Задорнова В. Я.* Парадигмы образов в английской поэзии // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. Межвузовский центр «Крым», – № 82. Т.1. 2006г.
7. *Лингарт А. А.* Методы лингвопоэтического исследования. М., 1997.
8. *Лингарт А. А.* Основы лингвопоэтики. М., 2006
9. *Павлович Н. В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004.
10. *Zadornova V.* Conceptual Metaphors in Poetry // Language Learning. Materials and Methods. № 6. Moscow, 2004.
11. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago and London, The University of Chicago Press, 1980.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Роман С. Моэма «Театр» на занятиях по английскому языку

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2007

Роман С. Моэма «Театр» (W. Somerset Maugham. Theatre) является, по-видимому, одним из наиболее часто используемых произведений на занятиях по домашнему чтению на разных отделениях филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Одним из видов работы со студентами над книгой является обсуждение содержания романа студентами. Настоящая статья предлагает варианты вопросов-заданий по каждой главе романа.

Глава 1

1. Where is the scene laid? Sum up the subject of Julia and Michael's conversation at the beginning of the chapter. Где разворачивается действие? Дайте краткое содержание разговора между Джулией и Майклом в начале главы.
2. Speak about the impression the young accountant produced on Julia Lambert. Describe the scene of introduction, lunch, a young man's desire to see the play and to have Julia's photo. Расскажите о впечатлении, которое произвел на Джулию Ламберт молодой бухгалтер. Опишите сцену знакомства, сцену обеда, а также желание молодого человека посмотреть пьесу и получить фотографию Джулии.
3. How would you describe Michael Gosselyn? What was his opinion of the English stage and the public of his time in general and his wife's talent in particular? Как бы Вы описали Майкла Госслина? Каково было его мнение об английской сцене и публике его времени в целом и о таланте его жены в частности?
4. Specify the share of direct and indirect characterization of Julia Lambert resorted by the author. Find details in the text, showing she was a real actress. Отметьте долю прямой и косвенной характеристики Джулии Ламберт, к которой прибегает автор. Найдите в тексте детали, показывающие, что она была настоящей актрисой.

Глава 2

1. What did Julia Lambert recall when she was looking at some of her old photographs? Was Julia successful as Beatrice, her only Shakespearean part? Why? Что Джулия Ламберт вспомнила, когда рассматривала свои старые фотографии? Удалась ли Джулии роль Беатриче – ее единственная шекспировская роль? Почему?
2. How has Michael's career in the theatrical world started? Как началась театральная карьера Майкла?
3. How did Julia begin to study dramatic art? Underline the difference between Michael and Julia's talent as actors. Как Джулия начала изучать драматическое искусство? Подчеркните различие между дарованием Майкла и талантом Джулии.
4. How would you describe Jimmie Langton? Dwell upon his looks and typical behaviour. What were the circumstances of Jimmie and Julia's acquaintance? Как бы Вы описали Джимми Ленгтона? Подробно остановитесь на его внешности и типичном поведении. Каковы были обстоятельства знакомства Джимми и Джулии?

Глава 3

1. How did Julia Lambert get acquainted with Michael Gosselyn? Как Джулия Ламберт познакомилась с Майклом Госселином?
2. Dwell upon Michael's ambitions and plans for the future. Specify different traits of his character mentioned in this chapter. Подробно остановитесь на амбициях Майкла и его планах на будущее. Укажите черты его характера, упомянутые в этой главе.
3. What was Michael's attitude to love and marriage? Did Julia like Michael? Каково было отношение Майкла к любви и браку? Нравился ли Майкл Джулии?
4. What gave Julia the idea of Michael's management and what was the difficulty in this respect? Что подсказало Джулии мысль сделать Майкла своим менеджером и какие в связи с этим возникали трудности?

Глава 4

1. What family did Michael Gosselyn come from? Из какой семьи происходил Майкл Госслин?
2. Describe Julia's visit to Michael's parents at Easter. Did the Gosselyns take a fancy to her? What was the part Julia played during the visit? Опишите визит Джулии к родителям Майкла на Пасху. Понравилась ли Джулия Госслинам? Какую роль играла Джулия во время этого визита?
3. What was the outcome of the visit and why did Julia call it "a put-up job"? Каков был результат этого визита и почему Джулия назвала его «заранее спланированным делом»?

Главы 5-6

1. Comment upon the relationship Julia and Michael had while they were engaged. Опишите отношения Джулии и Майкла в то время, когда они были помолвлены.
2. What was new in Michael's career and why did Julia feel apprehensive? Что нового произошло в карьере Майкла, и почему Джулия была полна тревоги?
3. Julia goes to Jimmie Langton. Dwell upon the scene made by Julia. Specify the peculiar blending of the dramatic and the comic in the situation. Джулия навещает Джимми Ленгтона. Подробно остановитесь на сцене, которую устроила Джулия. Отметьте своеобразное сочетание комизма и драматизма ситуации.
4. Was Michael Gosselyn successful as an actor in America? Did he manage to renew his contract? Преуспел ли Майкл Госслин в Америке как актер? Удалось ли ему возобновить свой контракт?
5. Speak about Michael's arrival. What made it possible for Julia to conceal her joy and exultation on hearing Michael's news? Discuss their plans for the future. Расскажите о приезде Майкла. Каким образом Джулии удалось скрыть свою радость, когда она узнала новости? Обсудите их планы на будущее.

Главы 7-8

1. Give the description of the first year of Julia and Michael's mar- Дайте описание первого года брака Джулии и Майкла. Каким

year of Julia and Michael's marriage. In what way did the war change Julia's attitude to Michael?	брака Джулии и Майкла. Каким образом война изменила отношение Джулии к Майклу?
2. How did the war alter Michael as an actor?	Как война изменила Майкла-актера?
3. Speak about Dolly de Vries as a personality, and as a possible source of obtaining money for Michael's potential management.	Расскажите о Долли де Райз как о личности, а также как о возможном источнике финансирования театра с Майклом как его возможным директором.
4. Comment upon Mrs de Vries and Julia's relationship.	Дайте оценку взаимоотношениям мисс де Райз и Джулии.
5. What traits of Michael's character with which Julia had put up earlier began to revolt her? Did she discover any noble qualities in her husband's behaviour?	Какие черты характера Майкла, с которыми Джулия раньше мирилась, начали вызывать у нее отвращение? Обнаружила ли она какие-либо благородные качества в поведении своего мужа?

Главы 9-10

1. What was the way in which Michael ran the theatre? How did he become a director and how did this fact influence the financial position of the family?	Каким образом Майкл управлял делами в театре? Как он стал директором и как это обстоятельство повлияло на финансовое положение семьи?
2. Speak about Michael's complacency as an obsession. How did Julia treat this "monster of vanity"?	Расскажите о самодовольстве Майкла, ставшем его навязчивой идеей. Как Джулия относилась к этому «тщеславному чудовищу»?
3. Give the description of Evie, Julia's dresser and maid. Specify her relationship with Michael and Julia.	Опишите костюмера Джулии Эви. Каковы были ее взаимоотношения с Майклом и Джулией?
4. Dwell upon Julia's thoughts about her future. Do you find them	Подробно остановитесь на мыслях Джулии о ее будущем. На-

- amusing? ходите ли Вы их остроумными?
5. Did Julia have any notion about Mr Thomas Fennell who sent her flowers to the theatre? Имела ли Джулия какое-либо представление о мистере Томасе Феннелле, приславшем ей в театр цветы?

Глава 11

1. Why was the fashionable society dazzled by Julia's glamour? Почему высшее общество было поражено обаянием Джулии?
2. Speak about lord Charles Tamerley. How did he treat Julia Lambert? Расскажите о лорде Чарльзе Тамерли. Как он относился к Джулии Ламберт?
3. Do you think it was just on Julia's part to continue seeing Charles Tamerley when he suggested they should not meet any more? Как вы думаете, было ли честным со стороны Джулии продолжать видеться с Чарльзом Тамерли, когда он предложил ей больше не встречаться?
4. Describe Julia's visit to the young accountant in Tavistock Square. How did this visit influence her looks and her last performance? Опишите визит Джулии к молодому бухгалтеру. Как это посещение повлияло на ее внешний вид и на ее последний спектакль?

Главы 12-13

1. Speak about an incident that took place eight years ago when Julia was going to Cannes. In what way did this "incident prove that women can't trust men for a minute"? Расскажите о происшествии, которое случилось восемь лет назад, когда Джулия ехала в Канны. Каким образом это происшествие доказывает, что женщины «совершенно не могут доверять мужчинам»?
2. Mr. Fennell rings Julia up, and she invites him to come for a cup of tea. How was Julia going to treat him and did she manage to be "amiable, but distant"? Мистер Феннелл звонит Джулии, и она приглашает его зайти на чашку чая. Как Джулия собиралась себя вести и удалось ли ей держаться «дружелюбно, но на расстоянии»?

3. Dwell upon the scene at the restaurant. Underline the difference between Julia and Tom's perception of grand people there. What did Tom have to do in order to take Julia out to supper?	Подробно опишите сцену в ресторане. Подчеркните различие между восприятием знати Джулией и Томом. Что пришлось сделать Тому для того, чтобы пригласить Джулию в ресторан?

Глава 14

1. What was Julia doing in order to please Tom?	Что делала Джулия для того, чтобы понравиться Тому?
2. Why did Julia look forward to Tom's visit to Taplow with excitement?	Почему Джулия с нетерпением ожидала приезда Тома в Таплоу?
3. What was Julis's attitude to her son Roger? Why was she somewhat disappointed in him?	Как относилась Джулия к своему сыну Роджеру? Почему она была немного разочарована в нем?
4. Dwell upon Tom's visit to Taplow. Comment upon the behaviour of all those present. Did things turn as Julia expected?	Подробно остановитесь на визите Тома в Таплоу. Прокомментируйте поведение всех присутствовавших там. Вышло ли всё так, как Джулия ожидала?

Главы 15-16

1. In what way did Julia's revenge upon Tom reverse the situation between them?	Каким образом месть Джулии Тому повлияла на их отношения?
2. Give the description of the scene at the theatre. How did the talent of an actress help Julia to get Tom back?	Дайте описание сцены в театре. Как талант актрисы помог Джулии вернуть Тома?
3. How would you characterize the effect of Tom and Julia's quarrel?	Опишите последствия ссоры между Томом и Джулией.
4. What was Dolly de Vries' decision when the gossip about Julia and Tom reached her ears? Comment upon Michael's reaction to what	Каково было решение Долли де Райз, когда до нее дошли слухи о Джулии и Томе? Прокомментируйте реакцию Майкла на то,

Dolly has told him.

что сообщила ему Долли?

Главы 17-18

1. Speak about an incident that took place during the dinner at Julia's house. Pay attention to the peculiar behaviour of all those present. Расскажите о происшествии, которое случилось во время обеда в доме Джулии. Обратите внимание на своеобразное поведение всех присутствовавших там.
2. Dwell upon Julia's thoughts connected with her future conversation with Dolly. What were her thoughts about Tom, Michael and Charles? Подробно опишите мысли Джулии, связанные с ее будущим разговором с Долли. Что она думала о Томе, Майкле и Чарльзе?
3. Give the description of Dolly's visit to lunch. Comment upon the conversation in Julia's room. Do you find Julia's arguments concerning Tom persuasive? Опишите визит Долли. Прокомментируйте разговор в комнате Джулии. Убедительны ли были аргументы Джулии в отношении Тома?
4. What fact mentioned by Dolly deeply affronted Julia? Какой упомянутый Долли факт глубоко оскорбил Джулию?

Главы 19-20

1. What made Julia understand that Tom was unfaithful to her? Что заставило Джулию понять, что Том был ей неверен?
2. Describe a new feeling that Julia experienced towards Roger after his confession. Why did she realize that "without ever having really possessed her son she had lost him"? Опишите новое чувство, которое Джулия испытывала по отношению к Роджеру после его признания. Почему она поняла, что «она потеряла своего сына, в действительности никогда им не обладая»?
3. Speak about a new stage in Julia and Tom's relationship. Was Julia pleased that Tom began to get invitations from people whom Julia did not know? Расскажите о новом этапе развития отношений Джулии и Тома. Было ли Джулии приятно, что Том начал получать приглашения от людей, которых Джулия не знала?

4.	Dwell upon the scene of acquaintance between Julia and Joan Denver. Comment upon the contrast between a majestic actress and woman and an insignificant young girl. What name mentioned by Denver proved to be “the last straw” for Julia?	Подробно опишите сцену знакомства Джулии с Джоан Денвер. Обратите внимание на контраст между величественной актрисой и женщиной и простой молодой девушкой. Какое упомянутое Денвер имя стало «последней каплей» для Джулии?

Глава 21

1.	Who was Avice Crichton and what was Tom’s request to Julia in connection with her?	Кем была Эвис Крайчтон и о чем Том попросил Джулию?
2.	In what way did Julia manage to act the woman of the world all through dinner and at the theatre? What was her opinion of Avice’s acting?	Каким образом Джулии удалось играть роль светской дамы во время обеда и в театре? Какого мнения она была об игре Эвис?
3.	Dwell upon the scene of conversation between Julia and Avice. What conclusions did Julia arrive at during this talk?	Подробно остановитесь на разговоре между Джулией и Эвис. К каким выводам пришла Джулия во время этой беседы?
4.	Give the description of the scene of Tom’s confession. Specify the share of Julia’s characterization as a brilliant actress and as an affronted woman.	Опишите сцену признания Тома. Отметьте характеристику Джулии как блестящей актрисы и как оскорбленной женщины.

Глава 22

1.	What was the way in which Julia decided to console herself after her rupture with Tom?	Как Джулия решила утешиться после разрыва с Томом?
2.	Speak about Michael’s decision to engage Avice Crichton for a performance in a new play. Comment upon the emotional effect of Julia and Tom’s conversation concerning this matter.	Расскажите о решении Майкла взять Эвис Крайчтон на роль в новой пьесе. Обратите внимание на эмоциональный эффект разговора между Джулией и Томом по этому поводу.

3. Give the description of Julia's performance in her last play. Draw a parallel between the appreciation of her acting by the audience and by Michael.	Опишите выступление Джулии в ее последней пьесе. Проведите параллель между восприятием ее игры аудиторией и Майклом.

Глава 23

1. Speak about Julia's decision to visit her mother.	Расскажите о намерении Джулии навестить мать.
2. Describe the routine of lives of Julia's mother and her aunt Carrie. Would you call their existence eventful?	Опишите образ жизни матери Джулии и ее тети Кэрри. Назвали бы вы их жизнь полной событий?
3. Was it an asset for the old ladies that Julia belonged to the world of stage?	Считали ли пожилые дамы достоинством то, что Джулия играла на сцене?
4. Comment upon Julia's intentions and plans concerning Charles Tamerley. Why did Julia feel that Charles was a worthy object for her love?	Расскажите о планах Джулии относительно Чарльза Тамерли. Почему Джулия считала его достойным объектом своей любви?

Главы 24-25

1. Dwell upon the scene portraying Julia's visit to Charles Tamerley. How did Julia manage to get out of the difficult and embarrassing situation there?	Подробно опишите сцену, изображающую визит Джулии к Чарльзу Тамерли. Как Джулии удалось выйти из сложившегося неловкого положения?
2. What conclusions about herself did Julia come to after her visit to Charles and what did she do having taken Evie's advice?	К каким выводам относительно себя самой пришла Джулия и что она предприняла, последовав совету Эви?
3. Speak about Julia's new acquaintance in the street. What made her so disappointed and furious?	Расскажите о новом знакомстве Джулии на улице. Что заставило ее почувствовать разочарование и злость.

Главы 26-27

1. Speak about Michael's opinion of Avice's acting. In what way did Julia manage to persuade Michael not to fire Avice and what object did she pursue by this? Расскажите о мнении Майкла по поводу игры Эвис. Каким образом Джулии удалось уговорить Майкла не увольнять Эвис и какую цель она при этом преследовала?
2. What were Julia and Michael's plans in respect to the future of their son? Каковы были планы Джулии и Майкла относительно будущего их сына?
3. Dwell upon the conversation between Julia and Roger. What proofs did Roger find to show that "Julia did not exist, that she was only the innumerable parts she had played"? Underline the difference in Roger and Julia's perception of acting. Подробно остановитесь на разговоре Джулии и Роджера. Какие аргументы привел Роджер в доказательство того, что «Джулия не существовала в действительности, что она – лишь бесчисленные сыгранные ею роли»? Подчеркните различие в восприятии актерского мастерства Роджером и Джулией.

Глава 28

1. Give the gist of Charles and Julia's talk about Roger. Why did Julia feel disappointed in Charles? Передайте суть разговора Чарльза и Джулии о Роджере. Почему Джулия была разочарована в Чарльзе?
2. Describe Julia's usual state before a first night. Опишите привычное состояние Джулии перед премьерой.
3. Speak about Julia's unexpected meeting of Tom. What did she learn about Avice during her visit to Tom's flat? Find details in the text, proving that Julia did not care for Tom any more. Расскажите о неожиданной встрече Джулии и Тома. Что Джулия узнала об Эвис, когда была в квартире Тома? Найдите в тексте подтверждение того, что Джулия больше не любила Тома.

Глава 29

1. Speak about the success of the play “Nowadays”. Dwell upon a big scene Julia had with Avice in the second act. In what way did Julia manage to kill Avice’s performance? Расскажите об успехе пьесы “Nowadays”. Подробно опишите большую сцену второго акта, в которой играли Джулия и Эвис. Каким образом Джулии удалось разрушить игру Эвис?
2. What was Michael’s mistake in seeing how Julia got her knife into Avice? В чем ошибся Майкл, видя, как Джулия «вонзает кинжал» в Эвис?
3. Comment upon Tom’s admiration for Julia and her success. What was his opinion of Avice after the show? Расскажите, как Том восхищался успехом Джулии. Какое мнение об Эвис оказалось у него после спектакля?
4. Give the description of the scene at the restaurant and the way Julia enjoyed herself there. Опишите сцену в ресторане. Покажите, как Джулия наслаждалась там жизнью.
5. Speak about Julia’s triumph and the way she “framed anew the Platonic theory of ideas” in respect to actors. Расскажите о триумфе Джулии и о том, как она «переформулировала теорию идей Платона» применительно к игре актеров.